

К - 14038

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
УКРАИНЫ

ISSN 0453-8048

ISSN 0320-8281

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

362'92

ИСТОРИЯ

ВЫПУСК 25

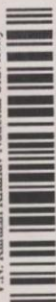
«ОСНОВА»

97-36

"ОСНОВА"

ISSN 0453-8048, 0320-8281. 1992. № 362. История. 1—136.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00257372

0

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
УКРАИНЫ

ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 362

ИСТОРИЯ

Основан в 1964 г.

ВЫПУСК 25

ХАРКІВ
ВИДАВНИЦТВО «ОСНОВА» ПРИ
ХАРКІВСЬКОМУ ДЕРЖАВНОМУ
УНІВЕРСИТЕТІ
1992

В вестнике рассматриваются вопросы социально-экономической и политической истории СССР в довоенный период, некоторые аспекты источниковедения и историографии. Ряд статей посвящен средневековой и новейшей истории зарубежных стран, проблемам античности и археологии.

Для преподавателей, научных работников и студентов

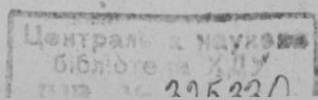
Редакционная коллегия: канд. ист. наук, доц. Ю. И. Журавский (отв. ред.), канд. ист. наук, доц. Ю. А. Голубкин (отв. секр.), д-р ист. наук, проф. В. И. Кадеев, д-р ист. наук, проф. А. Е. Кучер, д-р ист. наук, проф. Б. К. Мигаль, канд. ист. наук, доц. Е. П. Пугач, д-р ист. наук, проф. И. К. Рыбалка.

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков, пл. Свободы,, 4 университет, исторический факультет, тел. 45-71-66

К-14038

В 0501000000-042
226(04)-92 Заказное

© Харьковский государственный университет, 1992

ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ О СОВЕТАХ И ЕГО РАЗВИТИЕ НА ЭТАПЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

На этапе перестройки, когда перед обществоведами стоит задача восстановления ленинской концепции социализма, обращение к идейно-теоретическому наследию В. И. Ленина, в частности к его учению о Советах, приобретает особую актуальность.

Рожденные революционным творчеством трудящихся в ходе первой русской революции (1905—1907), Советы прошли сложный путь развития от Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов до Советов народных депутатов, доказали свою жизнеспособность.

В. И. Ленин первым с величайшей прозорливостью раскрыл роль Советов как государственной формы диктатуры пролетариата, создал цельное учение о Советах. Он увидел в них органы вооруженного восстания, зародыш временного революционного правительства и его органов на местах, конкретную политическую форму воплощения союза рабочего класса и крестьянства как решающего условия успеха русской революций. В его трудах содержится всесторонний научный анализ условий становления Советов и их развития. Уже в первой своей работе, посвященной Советам «Наши задачи и Советы рабочих депутатов» (ноябрь 1905 г.), В. И. Ленин отмечает, что Советы являются не только органами стачечной борьбы, но и зародышем революционной власти, революционного правительства: «...В политическом отношении Совет рабочих депутатов следует рассматривать как *зародыш временного революционного правительства*» [1, т. 12, с. 63]. Такое же ленинское положение содержится и в проекте резолюций к Объединительному съезду РСДРП (март 1906 г.), где он называет Советы зачатками революционной власти [1, т. 12, с. 231]. Идея Советов как представительных органов государственной власти отражена в статье «Умиравшее самодержавие и новые органы народной власти» (ноябрь 1905 г.). В ней подчеркнуто, что Советы как органы власти трудящихся масс необходимо создавать повсеместно, немедленно заменяя старые органы самодержавия. Они должны быть выборными там, где возможны выборы на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования [1, т. 12, с. 124—125]. Эту мысль В. И. Ленин проводит и в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» (январь 1918 г.). «Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [1, т. 35, с. 223]. В докладе о революции 1905 г. (январь 1917 г.) он характеризует Советы как органы восстания, которые все больше начинали играть роль временного революционного правительства, органов и руководителей восстания [1, т. 30, с. 322]. В дооктябрьский период Ленин неоднократно обращался к характе-

ристике Советов как органов восстания, революционной власти [1, т. 13, с. 320—321; т. 27, с. 49; т. 30, с. 322]. В работе «Марксизм о государстве» в январе—феврале 1917 г. В. И. Ленин сделал гениальный вывод о необходимости замены старой государственной машины и парламентов Советами рабочих депутатов и их доверенными лицами [1, т. 33, с. 231]. С самого начала Февральской революции Владимир Ильич внимательно следил за организацией и деятельностью Советов на данном этапе. Это выражено в его «Письмах из далека» (март 1917 г.), где он назвал Советы зародышем рабочего правительства, представителями интересов беднейшего населения России, указал на необходимость создания Советов по всей стране и передачу им государственной власти, начертил конкретную программу действий Всероссийского Совета как революционного правительства [1, т. 31, с. 18—19, 38—39; 52—53, 55—56].

В знаменитых Апрельских тезисах В. И. Ленин говорил о Советах как высшем типе органов государственной власти. Он сделал важный вывод, что «С.Р.Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства...» [1, т. 31, с. 115]. Эту же мысль он высказал в своем выступлении «Об отношении к Временному правительству» 4 (17) июня 1917 г. на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. «Это — тот новый, более демократический тип государства, который мы назвали в наших партийных резолюциях крестьянски-пролетарской демократической республикой, в которой единственная власть принадлежала бы Советам рабочих и солдатских депутатов» [1, т. 32, с. 264]. Накануне Октябрьской революции Ленин все чаще обращался к характеристике Советов, их роли в осуществлении революции. В работе «Один из коренных вопросов революции» (сентябрь 1917 г.) он писал: «Советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов тем и ценны особенно, что они представляют из себя новый, неизмеримо более высокий, несравненно более демократический *тип* государственного аппарата» [1, т. 34, с. 203—204]. Таким образом, еще до октября В. И. Ленин определил суть Советов как нового типа и новой формы государственной власти, обосновал их преимущество перед буржуазными формами правления, необходимость перехода власти к Советам.

С победой Великого Октября Советы превратились в полновластные органы пролетарской диктатуры. В. И. Ленин продолжал разрабатывать теоретические вопросы и обобщать практическую деятельность Советов. Если до Октября он рассматривал Советы как органы восстания и революционной власти, как зародыш нового типа государства и государственной власти, то в послеоктябрьский период — как реально существующий новый тип и форму государственного управления. В ленинских работах обоснована решающая роль Советов в строительстве социализма, определены пути их развития. В. И. Ленин разоблачал попытки меньшевиков, эсеров, оппортунистов извратить сущность советского строя, противопоставить советской народной демократии демокра-

тию буржуазную. В его работах, написанных в период триумфального шествия Советской власти, содержится программа укрепления и развития Советов. Владимир Ильич указал на необходимость объединения «наиболее деятельной, активной, сознательной части угнетенных классов, их авангарда, который должен воспитывать поголовно все трудящееся население к самостоятельному участию в управлении государством не теоретически, а практически», установления более тесной связи с массами всего государственного аппарата, приобщения каждого члена Совета к постоянной работе по управлению государством [1, т. 36, с. 71—73].

«Первый раз в мире,— подчеркнул В. И. Ленин в своей речи «Что такое Советская власть?»,—власть государства построена у нас в России таким образом, что только рабочие, только трудящиеся крестьяне, исключая эксплуататоров, составляют массовые организации — Советы, и этим Советам передается вся государственная власть» [1, т. 38, с. 238]. В «Очередных задачах Советской власти» (апрель 1918 г.) он поставил задачу, чтобы поголовно все население училось управлять и начинало управлять государством. Главные усилия Советов, по его мнению, должны быть направлены на овладение ими искусства осуществления государственной власти и управления, на претворение в жизнь политики партии, своих решений, воли народа. В. И. Ленин считал обязательным условием окончательной победы социализма в нашей стране «...*бесплатное* выполнение государственных обязанностей *каждым* трудящимся, по отбытии 8-часового «урока» производительной работы...» [1, т. 36, с. 204]. Обобщая и анализируя деятельность органов Советской власти, Владимир Ильич в своей речи на съезде председателей губернских Советов 30 июля 1918 г. отметил, что народные массы наконец-то берутся сами за работу управления государством, но еще робко и нерешительно, нужно смелее привлекать к ней представителей рабочего класса, беднейшего крестьянства [1, т. 37, с. 20]. В работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (октябрь—ноябрь 1918 г.) он писал, что Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической республики, ибо она привлекает широчайшие массы к управлению государством. Именно Советы явились той формой государственной организации, которая максимально облегчила объединение всех трудящихся и эксплуатируемых вокруг пролетариата. Советы стали непосредственной организацией самих масс, они осуществили широчайшую демократию для народа и суровую диктатуру против эксплуататоров. В этом В. И. Ленин видел силу, прочность и непобедимость Советской власти [1, т. 37, с. 235—238].

Много внимания В. И. Ленин уделял Советам как органам государственной власти и управления на местах. Об этом свидетельствует его речь на IV сессии ВЦИК девятого созыва 31 октября 1922 г., где он отмечал, что «если наша революция достигла настоящих успехов, то это потому, что именно власти на местах, опыту самих мест мы всегда уделяли самое главное внимание.

«...» ...мы всецело полагались на местные элементы... мы открывали им полный простор действий... мы именно с мест ждали того энтузиазма, который создал непреодолимость и быстроту действий нашей революции» [1, т. 45, с. 249]. Создание стройной организации Советов в РСФСР завершилось к лету 1918 г. Состоявшийся 4—10 июля V Всероссийский съезд Советов принял первую Советскую Конституцию, разработанную при личном участии В. И. Ленина и под его руководством. Это был акт исторического значения, законодательно закрепивший завоевания трудящихся Страны Советов.

В ленинском учении о Советах весьма актуальны положения о партийном руководстве Советами, о взаимоотношениях партии и Советов. Еще в 1905 г. в работе «Наши задачи и Советы рабочих депутатов» Ленин отмечал, что нельзя ставить вопрос: Советы рабочих депутатов или партия? «... Решение *безусловно* должно быть: и Совет рабочих депутатов и партия. Вопрос — и крайне важный — вопрос состоит только в том, как разделить и как соединить задачи Совета и задачи Российской социал-демократической рабочей партии» [1, т. 12, с. 61]. После Октября Ленин говорил о том, что именно через Советы идет основная работа партии по совершенствованию механизма народовластия, укреплению ее связи с массами. Ленинские идеи о взаимоотношениях партии и Советов, партийном руководстве Советами были конкретизированы в материалах съездов партии. Принципиальные положения содержатся в резолюции VIII съезда РКП(б) (18—23 марта 1919 г.) «По организационному вопросу», в частности в разделе «Взаимоотношения между партией и Советами». Съезд предупреждал против попыток смешивать функции партийных и советских организаций, указывал, что партия, завоевав решающее влияние в Советах, руководит ими, не подменяя последних. Во всех Советах должны быть созданы коммунистические фракции, через которые партия и осуществляет свое руководство [2, с. 223—229]. Концепция Советов, установки о партийном руководстве Советами изложены в докладах и выступлениях В. И. Ленина на VII Всероссийском съезде Советов (5—9 декабря 1919 г.), в речи на заседании Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов 6 марта 1920 г., в докладе ВЦИК и СНК РСФСР о внутренней и внешней политике на VIII Всероссийском съезде Советов 22 декабря 1920 г. и др. [1, т. 39, с. 385—436; т. 40, с. 195—202; т. 42, с. 128—161].

Таким образом, В. И. Ленин разработал основные принципы и положения советского строительства, возрождение которых особенно актуально на этапе перестройки.

Принцип полновластия Советов. «...Народ, объединенный Советами,—отмечал В. И. Ленин,— вот кто должен управлять государством» [1, т. 31, с. 188]. Всякая попытка со стороны кого бы то ни было и какого бы ни было учреждения присвоить себе функции государственной власти, говорилось в постановлении ВЦИК от 3 (16) января 1918 г., написанном Лениным, будет рас-

сма­триваться как контрреволюционное дей­ствие и будет подав­ляться всеми сред­ствами, вклю­чая воору­женную силу [1, т. 35, с. 226]. Полно­вла­стие Со­ветов он ви­дел в по­сто­ян­ном рас­ши­ре­нии их функ­ций в об­ла­сти хо­зяй­ствен­ного и куль­тур­ного стро­итель­ства, улуч­ше­нии ма­тери­аль­ных ус­ло­вий жи­зни и бы­та тру­дя­щих­ся.

Преобла­да­ние в Со­ве­тах ра­боче­го клас­са и тру­дяще­го­ся кре­стьян­ства. В «До­кла­де о де­я­тель­но­сти Со­ве­та на­род­ных ко­мис­саров» 11 (24) ян­ва­ря 1918 г. В. И. Ле­нин об­ра­ща­ет вни­ма­ние на то, что ра­бочие и кре­стьяне е­ще не­до­статоч­но ве­рят в свои си­лы, они слиш­ком при­вык­ли, в си­лу ве­ко­вой тра­ди­ции, ж­дать ука­зки с­верху, е­ще не впол­не осво­и­лись с тем, что про­ле­та­ри­ат е­сть клас­с го­спод­ст­вую­щий, не из­ба­ви­лись от бур­жу­аз­но­го пред­рас­суд­ка, буд­то про­стой ра­бочий и кре­стьянин не мо­жет управ­лять го­су­дар­ством [1, т. 35, с. 276]. В. И. Ле­нин кри­ти­ко­вал мес­тные ор­га­ны вла­сти за не­до­статоч­ное ис­поль­зо­ва­ние ра­бочих в прак­ти­че­ской де­я­тель­но­сти го­су­дар­ствен­но­го ап­па­ра­та. «...Толь­ко учас­тие ра­бочих в об­щем управ­ле­нии го­су­дар­ством,— от­ме­чал он,— да­ло нам воз­мож­ность ус­то­ять в та­ких не­имо­вер­ных труд­но­стях и что, толь­ко и­дя по э­тому пу­ти, мы добь­е­мся пол­ной по­беды» [1, т. 39, с. 294].

Ру­ко­во­дя­щая и на­прав­ля­ю­щая роль Ком­му­ни­сти­че­ской пар­тии в Со­ве­тах. Пар­тий­ное ру­ко­вод­ство Со­ве­та­ми, по мы­сли В. И. Ле­нина, вы­ра­жа­ется в вы­работ­ке по­ли­ти­че­ской ли­нии по во­про­сам, свя­зан­ным с ре­али­за­цией Со­ве­та­ми по­ли­ти­ки пар­тии, фор­ми­ро­ва­нии де­пу­тат­ско­го ко­р­пу­са, под­бо­ре, рас­ста­нов­ке и вос­пи­та­нии кад­ров ап­па­ра­та Со­ветов, кон­тро­ле за ре­али­за­цией Со­ве­та­ми ди­рек­тив пар­тии.

Раз­гра­ни­че­ние функ­ций пар­тий­ных и со­вет­ских ор­га­ни­за­ций «...Необ­хо­ди­мо раз­гра­ни­чить го­раз­до точ­нее функ­ции пар­тии (и Це­ка е­е) и Сов­вла­сти,— пи­сал В. И. Ле­нин,— по­вы­сить от­вет­ствен­ность и са­мо­сто­ятель­ность со­вра­бот­ни­ков и со­вуч­ре­ж­де­ний, а за пар­ти­ей оста­вить об­щее ру­ко­вод­ство ра­ботой всех го­сор­га­нов вме­сте, без те­переш­не­го слиш­ком ча­сто­го, не­ре­гу­ляр­но­го, ча­сто мел­ко­го вме­ша­тель­ства» [1, т. 45, с. 61]. В. И. Ле­нина тре­во­жи­ли фак­ты пре­вы­ше­ния не­ко­то­ры­ми чле­на­ми пар­тии своих пол­но­мо­чий, не­оправ­дан­но­го вме­ша­тель­ства в де­я­тель­ность Со­ветов. «Ком­му­ни­сты у нас до сих пор,— от­ме­чал он,— е­ще ма­ло уме­ют по­нять свою на­сто­я­щую за­да­чу управ­ле­ния: не «самим» ста­раться «все» де­лать, на­дрыва­ясь и не успе­вая, берясь за 20 дел и не кон­чая ни од­но­го, а про­ве­рять ра­боту де­сят­ков и сотен по­мо­щ­ни­ков, на­ла­жи­вать про­вер­ку их ра­боты с­низу, т. е. на­сто­я­щей ма­с­сой...» [1, т. 43, с. 242].

Прин­цип де­мо­кра­ти­че­ско­го цен­тра­ли­зма, пред­по­ла­га­ю­щий вы­бор­ность Со­ветов с­низу до­вер­ху, под­от­чет­ность Со­ветов и де­пу­та­тов пе­ред из­би­ра­те­ля­ми. В ра­боте «О де­мо­кра­ти­зме и со­ци­али­сти­че­ском ха­рак­те­ре Со­вет­ской вла­сти» В. И. Ле­нин от­ме­чал, что «вер­хов­ной го­су­дар­ствен­ной вла­стью яв­ля­ются Со­веты, ко­то­рые со­став­ля­ются из пред­ста­ви­те­лей тру­дяще­го­ся на­ро­да (ра­бочих,

солдат и крестьян), свободно выбираемых и сменяемых в любое время массами, доселе угнетавшимися капиталом; что местные Советы свободно объединяются, на началах демократического централизма, в единую, федеральным союзом скрепленную, общегосударственную Советскую власть Российской Советской республики; что Советы сосредотачивают в своих руках не только законодательную власть и контроль за исполнением законов, но и непосредственное осуществление законов через всех членов Советов, в целях постепенного перехода к выполнению функций законодательства и управления государством поголовно всем трудящимся населением» [1, т. 36, с. 481].

Совершенствование работы советского государственного аппарата. От своих работников В. И. Ленин требовал безусловного исполнения законов Советского государства. Важнейшим документом, раскрывающим стиль работы государственных учреждений, является «Набросок правил об управлении советскими учреждениями» (декабрь 1918 г.). В нем содержались указания о распределении обязанностей и ответственностей между всеми сотрудниками организаций, сочетании коллегиальных начал в управлении с персональной ответственностью за порученное дело. В. И. Ленин считал, что коллегиальное обсуждение и решение всех вопросов управления должно сопровождаться установлением точной ответственности каждого должностного лица за выполнение определенных заданий и практических работ [1, т. 37, с. 365]. «Исполнение этого правила, без коего невозможно проведение действительного контроля и подбор наиболее подходящих лиц на каждую должность и на каждую работу, должно стать отныне безусловно обязательным» [1, т. 37, с. 365]. Однако В. И. Ленин предостерегал против чрезмерного увлечения коллегиальностью, выступал против ее извращения, ведущего к волоките, безответственности, превращению коллегиальных учреждений в говорильни. «...С этим злом надо покончить во что бы то ни стало, как можно скорее, не останавливаясь ни перед чем» [1, т. 39, с. 45]. Для борьбы с бюрократизмом и волокитой, для разоблачения нечестных действий должностных лиц В. И. Ленин предлагал вывесить распорядок работы советских учреждений, правила о днях и часах приема посетителей, причем допуск в приемную должностного лица должен быть свободным, без всяких пропусков. Актуальны сегодня содержащиеся в «Наброске» мероприятия по усовершенствованию, удешевлению советского аппарата, объединению и слиянию отделов местных исполкомов, ведающих однородными делами.

Международное значение исторического опыта создания и деятельности Советов. В речи на митинге в Пресненском районе 26 июля 1918 г. Ленин отмечал: «Советы — не выдумка из головы, они — продукт реальной действительности. Они впервые в истории человечества появились и выросли в нашей отсталой стране, но они должны объективно стать формой власти трудящихся во всем мире» [1, т. 36, с. 535].

Итак, В. И. Ленину принадлежит заслуга в развитии маркси-

стского учения о государстве, открытии новой государственной формы диктатуры пролетариата — Советов. Он разработал основные вопросы советского строительства, обобщил опыт деятельности Советов первых послеоктябрьских лет.

Осмысление пройденного пути и нынешнего состояния общества, новое прочтение идей В. И. Ленина — такова стратегия по революционному обновлению нашего общества. Она направлена на утверждение демократии и гласности, углубление социалистического народовластия.

Предпринимаются конкретные меры, направленные на развитие Советов как представительных органов государственной власти, углубление законодательных, управленческих, контрольных функций Советов, передачу в их ведение всех важнейших вопросов государственной, хозяйственной и социально-культурной жизни, восстановление руководящего положения выборных органов по отношению к исполнительному аппарату. Признано целесообразным реорганизовать руководство местными делами на принципах самоуправления, самофинансирования, самообеспечения. Повышается ответственность и самостоятельность Советов в решении проблем развития подведомственных территорий, меняются источники доходов местных бюджетов, включая поступления от всех предприятий, расположенных на их территории. Обновляется организация работы Советов. Часть депутатов периодически освобождается от служебных и производственных обязанностей для работы в Совете, постоянных комиссиях и избирательных округах. Стало правилом выдвижение альтернативных кандидатур, тайное голосование, проведение конкурсов.

Важным демократическим принципом совершенствования организации Советов стало введение ограничения на занятие выборных и назначаемых должностей двумя сроками подряд. Обновлена действующая избирательная система, обеспечивающая неограниченное выдвижение кандидатур, широкое и свободное их обсуждение, включение в избирательные бюллетени большего числа кандидатов, чем имеется мандатов. Установлен новый срок полномочий Советов — пять лет.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. В. И. Ленин. КПСС о работе Советов. М., 1979.

Поступила в редколлегию 15.10.89

**СІЛЬСЬКОГОСПОДАРСЬКИЙ РЕМАНЕНТ
В ІНДИВІДУАЛЬНОМУ СЕЛЯНСЬКОМУ ГОСПОДАРСТВІ
УРСР (1917—1929)**

Реманент — важливий чинник в селянському господарстві. Без нього неможливе виробництво сільськогосподарської продукції.

Матеріально-технічну базу сільського господарства в СРСР напередодні колективізації досліджував В. П. Данилов [6]. В його роботі є певний фактичний матеріал і по Україні. Питання про забезпечення реманентом сільського господарства УРСР в 20-ті роки розглядали В. О. Якиманський, І. І. Слинько, Б. К. Мигаль, В. І. Буряк та ін. [1; 12; 18; 21]. Вони висвітлили окремі аспекти проблеми. Динаміка забезпечення реманентом доколгоспного селянства залишилась недослідженою. Мета даної статті — дослідити питання про забезпечення індивідуальних селянських господарств реманентом в 1917—1929 рр.

Напередодні соціалістичної революції на Україні нараховувалося 43,5 % селянських господарств без вдосконаленого реманенту* (див. табл. 1). В основному це були беззасівні селяни або ті, що сіяли до 4 дес. на двір. Вони були не в змозі задовільно вести господарство, погано обробляли ґрунт, мали низьку врожайність і мізерні валові збори продукції. Залізних плугів було лише 46 на 100 господарств. Кожний другий двір цього необхідного знаряддя праці не мав. Частина з них користувалася дерев'яними орними знаряддями — сохами, сабанами, косулями, інші наймали орні засоби. Повна забезпеченість залізними плугами була тільки в групах з посівом понад 12 дес. на двір.

Якщо звернути увагу на ефективність використання плугів, то видно, що із збільшення посіву на господарство кількість їх, в перерахунку на 100 дес. ріллі, зменшувалась. Це явище цілком пояснюється тим, що повне навантаження однолемішні залізні плуги мали в залежності від якості ґрунту, коли на 100 дес. ріллі їх припадало 3,3—5 штук [4, с. 68; 20, с. 18]. Отже, при збільшенні площі ріллі до певної межі зменшується кількість реманенту. Повне навантаження плуг мав тільки у багатопосівних господарствах, що сіяли більше 18 дес. на двір. Ті, що сіяли менше 18 дес. на господарство, мали недовантаження ріллі на плуг, і чим менше було посіву, тим з меншою ефективністю використовувалося орне знаряддя.

Селянські господарства України мали в 1917 р. в перерахунку на 100 дворів мізерну кількість іншого реманенту: сівалок, жниварок, молотарок, віялок (див. табл. 1). Мізерна насиченість селянських господарств складним реманентом була викликана не

До вдосконаленого реманенту складачі перепису 1917 р. віднесли знаряддя праці, виготовлені з металу. Дерев'яні знаряддя перепис не враховував.

Таблиця 1*

Забезпеченість селянських господарств України
сільськогосподарським реманентом в 1917 р.

Посівні групи, дес.	Кількість господарств без вдоско- наленого ре- маненту (% від загальної кількості груп)	На 100 господарств припадало, шт.					Ефективність використан- ня реманенту				
		заліз- них плугів	сіва- лок	жнив- арок	моло- тарок	вія- лок	на 100 дес. ріллі		на 100 дес. посіву		
							заліз- ні плугів	сіва- лок	жнив- арок	моло- тарок	вія- лок
Безпосівних	92,6	3,0	0,4	0,4	0,2	1,2	16,3	—	—	—	—
З посівом:											
0,1—1	78,7	11,2	0,2	0,2	0,2	1,1	11,6	0,4	0,4	0,2	1,2
1,1—2	54,8	27,5	0,3	0,4	0,5	2,4	12,5	0,2	0,3	0,3	1,5
2,1—3	32,6	44,4	0,7	0,7	1,2	5,5	12,8	0,3	0,3	0,4	2,1
3,1—4	18,9	60,8	1,8	2,0	1,5	10,0	13,0	0,5	0,6	0,4	2,8
4,1—6	10,0	73,2	4,3	5,6	2,6	18,6	11,4	0,9	1,1	0,5	3,7
6,1—9	5,0	84,8	11,6	14,9	4,0	36,5	9,2	1,6	2,0	0,5	4,9
9,1—12	2,6	93,9	22,6	33,3	6,1	55,6	7,5	2,2	3,2	0,6	4,4
12,1—15	3,1	100,0	32,6	46,7	8,7	68,3	6,3	2,4	3,4	0,6	4,3
15,1—18	1,6	107,1	41,0	58,0	10,9	78,7	5,5	2,5	3,5	0,7	4,8
18,1—21	2,6	112,2	43,0	63,6	12,9	84,0	4,9	2,2	3,2	0,7	4,3
21,1—24	1,7	116,6	49,1	71,4	16,8	83,3	4,5	2,2	3,2	0,7	3,9
24,1—30	2,1	127,2	53,8	74,8	20,2	89,5	4,1	2,0	2,8	0,8	3,3
Більше 30	2,3	182,4	81,0	94,6	34,0	104,5	3,0	1,6	1,9	0,7	1,7
Пересічно	43,5	46,0	6,7	9,1	2,7	16,5	8,2	1,5	2,0	0,6	3,7

* Підраховано на основі [15].

лише злиднями, але й недостатнім використанням цих машин в дрібному господарстві. Так, сівалка або жниварка окуповувалась в господарстві з посівом не менше 70 дес., звичайна парова молотарка потужністю 8—10 к. с. при посіві 100 дес. [20, с. 161]. Такі посіви мали лише поодинокі селянські господарства, тому і складний реманент мала незначна кількість господарств. Переважна більшість селян сіяли руками, косили косами або жали серпами, молотили ціпами або гарманами (котками), провіювали лопатами або кружалами.

В ході революційних аграрних перетворень до селян перейшли більшість конфіскованого поміщицького реманенту. Крім того, був частково вилучений і переданий бідноті куркульський реманент. Завдяки цьому кількість безреманентних господарств зменшилась. За нашими підрахунками, в 1920 р. в УРСР вони становили 24 % [8—11]. Але реманент, що був конфіскований у поміщиків та куркулів, у значній мірі псувався, а нових надходжень у сільське господарство майже не було [13, с. 94]. Основний селянський реманент за роки війни зносився на третину [20, с. 163]. Голод 1921/22 р. привів до збільшення кількості безреманентних господарств на Україні тому, що голодні селяни міняли реманент на

хліб [2]. Процес збільшення господарств без знарядь для оранки та сівби спостерігався на Україні до 1925 р. Так, в 1921 р. їх нараховувалося 29,9 %, в 1923 р.— 33,8 %, в 1925 р.— 41,9 % від загальної кількості [7, с. XXIII]. Причиною цього явища, крім голоду 1921/22 р. та недороду 1924 р., були також і несприятливі ціни на реманент. Ступення «ножиць цін», кредити і пільги в машинопостачанні з боку Радянської влади, відбудова сільського господарства, накопичення певних коштів у селян привели до зменшення питомої ваги господарств без знарядь оранки та сівби. Так, в 1926 р. їх нараховувалося 39,7 %, в 1927 р.— 37,8 % [7, с. XXIII]. Якщо в 1923 р. селяни купили реманенту лише на 3 млн крб., то в 1927 р. вже на 43 млн крб. [17, с. 19]. Машинопостачання здійснювалося через спеціалізовані акціонерні товариства «Село — техніка» (в 1922—1924 рр.), «Плугатар» (в 1926—1928 рр.), установи сільськогосподарської кооперації «Сільський господар» (в 1922—1929 рр.) та систему державного постачання — Держсільсклад. З 1924 р. Радянський уряд зобов'язав державні установи і підприємства та кооперативні організації продавати реманент по довоєнних цінах. Для придбання реманенту селянам виділяли довгострокові кредити. Важливим заходом, що забезпечував безреманентному селянству обробіток землі, була організація машинно-прокатних пунктів. На 1 жовтня 1927 р. їх нараховувалося 5163, тобто вони діяли на території кожної другої сільради [7, с. 212].

З 1928 р. почалися негативні для індивідуального селянського господарства зміни в політиці машинопостачання. У травні 1928 р. Політбюро КП(б)У прийняло резолюцію, що вимагала заборонити продаж «дефіцитних» сільськогосподарських машин одноосібникам, а довгострокові кредити дозволялось видавати для придбання складних машин тільки колективним покупцям [1, с. 72]. Згідно з цим рішенням Українська економічна нарада 15 травня того ж року затвердила умови кредитування і машинопостачання в республіці. Термін кредитування для середняків скорочувався до 3 років, заможні селяни не кредитувались, їм реманент відпускали лише за готівку і в останню чергу [1, с. 72]. Крім того, тиск на селянство під час хлібозаготівель 1928—1929 рр. призвів до погіршення матеріального становища селян. Питома вага господарств без знарядь для оранки та сівби збільшилась і становила в 1929 р. 33,0 % (див. табл. 2). Плугів в розрахунку на 100 господарств нараховувалось весною 1929 р. 47,7 шт. Це кращий показник, ніж в 1917 р. (46 шт.), але тільки двори з посівом понад 20 дес. на господарство були повністю забезпечені цим знаряддям. В розрахунку на 100 господарств і на 100 дес. посіву показники забезпечення сівалками, жнивварками, молотарками, віялками селян в 1929 р. були гіршими, ніж в 1917 р. (див. табл. 1 і 2). Ці знаряддя праці в 1917 і в 1929 рр. знаходилися в переважній більшості у володінні багатопосівних господарств. Частину складного реманенту у них вилучили в ході революційних аграрних перетворень, потім в 20-х роках, особливо після

Таблиця 2*

Забезпеченість селянських господарств України сільськогосподарським реманентом в 1929 р.

Посівні групи, дес.	Кількість господарств без знарядь для оранки та сіянь (в % від загальної кількості групи)	На 100 господарств, шт.					Ефективність використання реманенту				
		плу-гів	сіва-лок	жнивва-рок	моло-тарок	вія-лок	на 100 дес. ріллі		на 100 дес. посіву		
							плу-гів	сіва-лок	жнивва-рок	вія-лок	моло-тарок
Безпосівні та з посівом до 0,09	94,3	4,0	0,4	0,8	0,1	1,1	18,9	—	—	—	—
З посівом:											
0,1—1,09	87,6	8,8	0,2	0,3	0,1	0,7	11,8	0,5	0,8	0,2	1,5
1,1—2,09	65,1	24,3	0,3	0,2	0,2	1,2	12,1	0,2	0,1	0,1	0,8
2,1—3,09	41,7	42,2	0,8	0,3	0,4	2,7	13,7	0,3	0,1	0,2	0,9
3,1—4,09	26,3	56,8	2,3	1,1	1,0	5,5	13,8	0,7	0,3	0,3	1,7
4,1—6,09	19,6	65,0	6,6	4,6	1,8	11,3	17,2	1,4	1,0	0,4	2,4
6,1—10,09	15,8	66,7	16,5	19,0	3,0	25,2	7,4	2,2	2,6	0,4	3,6
10,1—12,09	10,1	67,0	25,1	38,8	4,2	43,3	5,1	2,3	3,6	0,4	4,0
12,1—16,09	6,6	75,9	32,2	53,4	5,8	54,4	4,7	2,4	4,0	0,4	4,1
16,1—20,09	3,6	85,3	44,4	68,2	10,0	66,8	4,1	2,6	3,9	0,6	3,9
20,1—24,09	1,8	100,0	54,7	82,5	13,5	74,1	4,0	2,6	3,9	0,6	3,5
Більше 24,1	1,8	106,3	60,3	83,0	13,8	76,8	3,5	2,3	3,1	0,5	2,9
Пересічно	38,0	47,7	5,4	5,9	1,3	9,5	10,1	1,4	1,6	0,3	2,5

* Підраховано на основі [16].

1927 р., заможні селяни побоювалися набувати складний реманент, щоб не потрапити до розряду куркулів. Тому селянство так і не зуміло протягом 20-х років відновити рівень 1917 р. в забезпеченості цими машинами.

В 1929 р., як і в 1917 р., кількість знарядь в перерахунку на 100 дес. сільськогосподарської площі зменшувалась в напрямку від малопосівних до багатопосівних. Цей показник свідчить, що в багатопосівних господарствах реманент використовувався значно ефективніше, ніж в малопосівних. Зберігалось протиріччя дрібного господарства: в перерахунку на 100 господарств реманенту бракувало, а в перерахунку на 100 дес. посіву його було більше норми. Додаткові витрати на реманент підвищували собівартість сільськогосподарської продукції, негативно впливали на ефективність селянського господарства. Як писав в 1926 р. знавець машинопостачання П. Вовк, «кращі машини поширювалися в селянському господарстві дуже поволі» [3, с. 7].

Вихід з цієї ситуації намічався на шляху колективного користування складними сільськогосподарськими машинами. Це були машинно-тракторні товариства, мережа яких швидко розросталася на Україні (див. табл. 3 [7, с. 212]). Ці товариства були однією з найпростіших форм виробничих кооперативів — простих,

Таблиця 3

Динаміка поширення машинно-тракторних товариств на Україні

Рік	Кількість товариств	Кількість членів, тис. чол.	Рік	Кількість товариств	Кількість членів, тис. чол.
1923	13	0,3	1926	3119	31,0
1924	49	1,0	1927	4340	71,0
1925	863	9,9	1928	4624	102,2

зрозумілих і вигідних широким верствам селянства. Селянське господарство, ставши членом такого кооперативу, зоставалося самостійною господарською одиницею, зберігалось почуття господаря, селянин не відчужувався від засобів виробництва, в той же час відкривалася перспектива для технічного вдосконалення виробництва і піднесення продуктивності. Але, не зважаючи на швидкий ріст цих кооперативів, вони об'єднували в 1928 р. тільки 102,2 тис. дворів, в той час як всіх індивідуальних господарств в УРСР в 1928 р. нарахувалося 4,6 млн, тобто в машинно-тракторних товариствах було об'єднано лише 2,2% дворів.

Переважна більшість селян в 20-х роках обробляли свої наділи і виконували всі необхідні сільськогосподарські роботи вручну. Агрономічна мережа Наркомзему дала для середини 20-х років такі цифри: руками сіяли в 93,7—99,8% господарств на Поліссі, в 82,5% господарств на Правобережжі, в 66,7% господарств на півночі Лівобережжя і тільки на півдні Лівобережжя і в Степу ручний посів становив 18—30,3%, поступившись місцем посіву під буккер. Жито косили косою, або жали серпом в 91—100% господарств на Поліссі, в 93,5% господарств на Правобережжі, в 74—85,5% господарств на Лівобережжі. Лише в Степу коса та серп поступалися місцем жниварці, де останньою косили 78—81% хлібів. Молотили ціпом в 69,8—90,7% господарств на Поліссі, в 60% господарств — на Правобережжі, в 35,2—40,8% господарств — на Лівобережжі. З допомогою звичайної лопати або кружала провіювали зерно в 33—85% господарств на Поліссі, в 32,6% — на Правобережжі, в 5,3—12,7% — на Лівобережжі, в 2,7—3,7% — в Степу [14, с. 50—53].

Глибока диференціація селянських господарств УРСР за реманентом призвела до широкого розповсюдження орендних відносин. Власним реманентом в 1927 р. обробляли землю лише 32,1% господарств, найманим — 36,7% [19, с. 149]. Здебільшого власним реманентом обробляли землю багатопосівні господарства, а найманим — малопосівні двори. Супрягою користувалися 25,8% господарств [19, с. 149]. Цікаво, що найбільша питома вага супряжних господарств зустрічалася поміж середньопосівних. Крайні посівні групи (як малопосівні, так і багатопосівні) рідше вдавалися до супряги.

Група господарств без засобів виробництва та з засобами до 200 крб. на двір, які, як правило, в радянській історіографії відносять до бідноти, складала в 1927 р. 23,7 % господарств, але володіли вони тільки 1,2 % сільськогосподарського реманенту за його вартістю. Нема ніякого сумніву, що ця група господарств не могла обійтися без оренди реманенту [5].

Група господарств з вартістю засобів виробництва від 201 до 1600 крб. на двір, які, як правило, відносять до середняків, складала в 1927 р. 72,3 % господарств УРСР, а володіли вони 77,6 % вартості сільськогосподарського реманенту. Отже, ця група селян могла обійтися без оренди реманенту, а якщо і наймала, то здебільшого складний — молотарки, віялки [5].

Група господарств з вартістю засобів виробництва більше 1601 крб. на двір, які, як правило, відносили до куркулів, становила 4 % від всієї кількості селянських господарств УРСР в 1927 р., але володіла 21,2 % реманенту, в тому числі 34,4 % жниварок, 44,1 % молотарок. Господарства цієї групи мали значні надлишки реманенту і здавали їх в оренду [5].

Підведемо підсумки. В 1917 р. спостерігалася велика диференціація селянських господарств України по реманенту. Під час революційних аграрних перетворень вдалося дещо зменшити кількість безреманентних господарств, але впродовж 20-х років зберігалася досить висока кількість селянських господарств без знарядь праці для оранки та сівби. Кількість реманенту в розрахунку на площу ріллі і посіву в селян за умов його ефективного використання була достатня, але розподіл знарядь праці не відповідав потребам сільськогосподарського виробництва: з одного боку, були безреманентні господарства, а з іншого — частина дворів була переобтяжена реманентом.

Дрібне господарство поставило жорсткі рамки застосуванню складних машин в сільському господарстві; сівалки, жниварки, молотарки, віялки, не кажучи про складніший реманент, не окупувалися в переважній більшості селянських господарств. Отже, дрібнотоварне виробництво було змушене базуватися на ручній праці селян, наслідком якої була низька продуктивність. Вихід був тільки на шляху кооперації і спільного використання сільськогосподарських машин та знарядь.

Список літератури: 1. *Буряк В. І.* Діяльність Компартії України по зміцненню технічної бази землеробства в період підготовки масової колективізації (1926—1929 рр.) // Вісн. Харк. політехн. ін-ту. 1967. № 2. 2. *Вісн ВУЦВК.* 1922. 22 лип. 3. *Вовк П.* Сільськогосподарське машинознавство. Ч. I. Х., 1926. 4. *Герасименко П.* Прокатні пункти, їх організація та робота // Машинопостачання на Україні. Х., 1929. 5. *Гніздовий* сільськогосподарський перепис селянських господарств України в 1927 р. // Статистика України. Сер. 2. Сільськогосподарська статистика. Х., 1930. № 184. 6. *Данилов В. П.* Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства СССР. М., 1957. 7. *Збірник статистично-економічних відомостей про сільське господарство України. Рік перший.* Х., 1929. 8. *Итоги сельскохозяйственной переписи 1920 г.* Екатеринославская губерния // Статистика Украины. Сер. 2. Сельскохозяйственная статистика. Х., 1922. № 23. 9. *Итоги сельскохозяйственной переписи 1920 г.* Киевская губерния // Статистика Украины. Сер. 2. Сельскохозяйственная статистика. Х.,

1922, № 15. 10. *Итоги сельскохозяйственной переписи 1920 г. Полтавская губерния* // Статистика Украины. Сер. 2. Сельскохозяйственная статистика. Х., 1922, № 11. 11. *Итоги сельскохозяйственной переписи 1920 г. Черниговская губерния* // Статистика Украины. Сер. 2. Сельскохозяйственная статистика. Х., 1922, № 21. 12. *Мигаль Б. К.* Організація та діяльність машинно-тракторних товариств на Україні (1923—1925 рр.) // Вісн. Харк. ун-ту. 1973, № 94. 13. *Народное хозяйство Украины в 1921 г. Отчет УЭС Совету Труда и Обороне*. Х., 1922. 14. *НКЗ УССР*. Основные черты техники и организации крестьянского хозяйства Украины. По материалам агрокорреспондентской сети отдела организации хозяйства. Х., 1925. 15. *Підсумки вибіркового підрахунку сільськогосподарського перепису 1917 р.* // Статистика України. Х., 1931. № 198. 16. *Підсумки весняного облідування сільського господарства України в 1929 р.* // Статистика України. Х., 1930. № 191. 17. *Соціалістичне будівництво в сільському господарстві України*. Цифрові матеріали до доповіді В. Чубаря та А. Шліхтера на IV сесії ВУЦВК Х скликання. Х., 1928. 18. *Слинько І. І.* Соціалістична перебудова і технічна реконструкція сільського господарства України (1927—1932 рр.). К., 1961. 19. *Україна*. Статистичний щорічник. 1928 рік. Х., 1928. 20. *Шумило Г.* Економія та організація сільського господарства. К., 1927. 21. *Якиманський В.* Земледельческий инвентарь в крестьянских хозяйствах Украины // Стат. бюл. ЦСУ УССР. Х., 1924. № 8.

Надійшла до редколегії 20.10.89

Є. Г. СІНКЕВИЧ

ДИСКУСІЇ 20-х РОКІВ І ВНЕСОК П. І. ЛЯЩЕНКО В РОЗРОБКУ ТЕОРЕТИЧНИХ ПИТАНЬ КООПЕРАЦІЇ СІЛЬСЬКОГО ГОСПОДАРСТВА СРСР

В сучасних публікаціях велика увага приділяється різноманітним моделям переустрою економіки країни на соціалістичних засадах, котрі пропонували відомі науковці, господарники та партійні лідери в 20-х роках. На думку В. Є. Маневича, саме сюди сягають своїм корінням чисельні теоретичні положення, котрі і сьогодні залишаються в центрі наукових пошуків та дискусій [14, с. 3]. Чільне місце посідає в них проблема кооперації. Особливий інтерес дослідників привертає науковий доробок відомих вчених-аграрників О. В. Чаянова [7, с. 146—167; 17, с. 6; 19, с. 6—8], М. Д. Кондратьєва [18]. Разом з тим відзначимо, що недостатньо вивчається наукова спадщина ряду економістів, котрі приймали активну участь у дискусіях 20-х років, в тому числі П. І. Лященко. Внесок вченого в скарбницю наукового обґрунтування питань кооперації сільського господарства СРСР на фоні тогочасних економічних течій і спробуємо розглянути в цій статті.

Як відомо, в 20-х роках розгорнулася гостра ідейна боротьба навколо питання про шляхи подальшого розвитку країни і сільського господарства зокрема. Основні суперечки виникли між прихильниками ринкової економіки (з політичних діячів до них відносять головним чином М. І. Бухаріна, а з економістів — представників так званої «організаційно-виробничої школи» О. В. Чаянова, М. Д. Кондратьєва, О. М. Челінцева, М. П. Макарова, О. О. Рибнікова та ін.) та адміністративних методів вирішення

економічних проблем (з політичних діячів — Й. В. Сталіна та більшість членів тогочасного Політбюро, а з економістів — С. Г. Струмиліна, В. П. Мілютіна та ін.). Колізії цієї боротьби в певній мірі висвітлені як в публікаціях, що вийшли раніше [16, с. 230], так і в сучасних дослідженнях [4, с. 125—150], тому ми не будемо акцентувати на них уваги, а спробуємо вичленувати суть розбіжностей.

Погляди представників організаційно-виробничого напрямку в вітчизняній економічній науці сформувалися як наслідок їх наукових відряджень в країни Західної Європи (до Жовтневої революції) з метою вивчення кооперативного руху. Значний вплив на цю концепцію справила і столипінська аграрна реформа. Основні положення даного напрямку економічної думки: визнання ринку як головного чинника, що визначає прибутковість селянського господарства, а також постійності і незмінності селянського господарства в різні історичні епохи поряд з визнанням неординарності його по розмірах господарської діяльності, котра пояснюється неоднаковим складом сім'ї, якістю угідь та ін. Ці фундаментальні постулати, на наш погляд, перекликаються з думками, висловленими в роботах західноєвропейських вчених Д. Гатті [5, с. 255], Г. Давіда [6, с. 65] та ін. Відомо, що в період підготовки до написання роботи «Про кооперацію» В. І. Ленін ознайомився з основними працями «організаційників» [2, с. 253, 285]. Велике значення, котре Володимир Ілліч відводив кооперації в процесі побудови соціалізму в нашій країні, пов'язане з тим, що вона давала можливість поступово прилучати селян-одноосібників і до колективних форм ведення господарства. Слід вказати, що, загалом дотримуючись однакових поглядів з стратегічних питань розвитку сільського господарства, фундатори організаційно-виробничої школи часто розходилися між собою в розумінні конкретних проблем кооперативного руху.

Прихильники адміністративних методів вважали, що потрібно не прилаштовуватися до стихії ринку, а свідомо ним керувати у відповідності з генеральною лінією і розробленими на її основі планами. Такий підхід був би цілком виправданим, якби опирався на економічні закони розвитку народного господарства. Не слід було нехтувати і традиціями, котрі склалися на протязі великого проміжку часу. На практиці ж вкорінився протилежний підхід. Його наглядною ілюстрацією може бути думка, висловлена М. І. Калініним щодо необхідності прискореного створення радгоспів. «Кажуть, що потрібно зробити спочатку дослід, чи необхідно вриватися в виробництво зернових хлібів, але я рахую, що коли ми ввірвемося в цю справу, то отримаємо тим самим і досвід. І чим швидше буде наш темп в цьому розумінні, тим більший досвід ми отримаємо... Більшовики думають, що можливо зробити, а спеціалісти повинні підвести теоретичну базу і технічно обгрунтувати це» [3, с. 16].

В умовах гострих протиріч, котрі виникли в ході дискусій між представниками двох течій, варто уваги є позиція відомого вче-

ного — економіста П. І. Лященко щодо перспективи вирішення аграрного питання в СРСР. Не ідеалізуючи дрібне селянське господарство, як це іноді траплялося з представниками організаційно-виробничої школи, П. І. Лященко вказав на необхідність керуватися ленінськими положеннями про те, що соціалістична революція в країні, де значна частина населення належить до дрібних землеробів-виробників, можлива лише шляхом здійснення цілого комплексу особливих перехідних заходів [9, с. 121]. Одним з них, на його думку, могло стати часткове кооперування деяких окремих процесів виробництва, котрі б не зачіпали засад одноосібної організації сільського господарства загалом [8, с. 60]. Вчений рахував за доцільне розвивати поряд з ростом чисельних кооперативних об'єднань в центральних районах країни і широку мережу колективних зернових господарств, як на пустуючих землях в центральних районах, так і на цілих землях Західного та Східного Сибіру, на Далекому Сході та Казахстані [12, с. 21]. В сучасних публікаціях [2, с. 7] відмічається, що аналогічну думку висловлював і О. В. Чайнов.

П. І. Лященко дотримувався позиції, що досі не розвинені аграрні відносини в кінцевому результаті могли бути реалізовані на ґрунті виробничих умов кооперативного господарського об'єднання. Вчений особливо виділяв агрокультурний вплив усунутих господарств на одноосібні, їх організуючий вплив на селян в процесі кооперації. Підкреслюючи важливе значення для розвитку економіки країни планових засад, П. І. Лященко разом з тим піддав критиці запропонований групою економістів Держплану на чолі з С. Г. Струмиліним проект першого п'ятирічного плану, відмітивши надмірну деталізацію там, де вона була зайвою. Він вказав, що багато важливих пунктів з питань соціально-економічного розвитку носять в плані декларативний характер і економічно не обґрунтовані [10, с. 95—106].

Тісно пов'язане з проблемою кооперації сільського господарства завдання підвищення його товарності, і передусім товарності зернового виробництва. Саме необхідністю підвищення врожайності і товарності обґрунтовували прихильники адміністративних методів керівництва економікою країни необхідність запровадження колгоспів і радгоспів по ініціативі зверху. В цьому вони бачили запоруку вирішення всіх проблем, пов'язаних з хлібозаготівлею для постачання міст і для поставок за кордон. Причини, котрі привели до кризи хлібозаготівлі, ігнорувалися.

Загострення протиріч в економіці країни в середині 20-х років обумовило сталий інтерес дослідника до проблем розвитку зернового господарства як цілого комплексу протиріч, шляхи розв'язання котрих, на нашу думку, цілком слушні, пропонував П. І. Лященко. Тут його погляди в значній мірі перекликалися з поглядами представників організаційно-виробничої школи. Разом з тим він, враховуючи наявну політичну ситуацію в країні, вказував на необхідність доскональної наукової розробки заходів по всьому комплексу напрямів подальшого розвитку, котрі пропонували еко-

номісти, господарники та політичні лідери. П. І. Лященко звернув увагу на те, що заходи, котрі пропонували С. Г. Струмилін, В. П. Мілютін та їх прихильники, не отримали обґрунтування в проекті п'ятирічного плану [14, с. 99—101; 15, с. 15—36].

Важливе місце в вирішенні проблеми підвищення врожайності і товарності П. І. Лященко відводив механізації. Разом з тим він вказував, що питання полягає в тому, як впровадити ці науково-технічні засоби в життя, в 25-мільйонні верстви селянських господарств. І тут вирішальне слово належить, на його думку, складним соціально-культурним передумовам. В кінцевому рахунку він надавав пріоритет тому заходу, який був в конкретних умовах економічно доцільним [13, с. 56]. Разом з тим вчений відкинув погляд, що збільшення врожайності доцільне при всяких затратах — як засобів праці, так і засобів виробництва. П. І. Лященко вказував, що питання підвищення врожайності є однією з ланок складного ланцюга реконструкції всього сільського господарства в його технічних, економічних і соціальних основах. Звідси він прийшов до висновку, що неможливо розраховувати на якусь «кінематографічну» швидкість підвищення врожайності. Тільки в міру загальної реконструкції господарства і в результаті її будуть закладені міцні основи для підвищення виробництва продукції. П. І. Лященко бачив в цінах на сільськогосподарську продукцію своєрідний інструментарій для збільшення зацікавленості селян в зростанні врожайності і товарності господарства. Важливе місце в цьому процесі він відводив і насиченню споживацького ринку промисловими товарами, що стимулювало б селян у виробництві сільськогосподарської продукції.

Розглянувши далеко не повно спектр наукових пошуків П. І. Лященко, ми можемо все ж констатувати, що він відстоював оригінальне розуміння питань розвитку сільського господарства на шляху соціалістичного будівництва. У нас немає підстав віднести його наукові погляди ні до одного із згаданих напрямів економічної думки того часу. Концепція П. І. Лященко займала, так би мовити, «центристську» позицію. Він намагався врахувати все те раціональне, що було в поглядах представників організаційно-виробничої школи та їх опонентів. Це, до речі, не завадило декотрим з запопадливих критиків називати його «пропагандистом бухарінської школи» [20, ф. 205, оп. 1, од. зб. 11, л. 39—41].

Зазначимо, що дискусія з питань подальшого розвитку сільського господарства мала не тільки наукове значення, поскільки торкалася наріжних питань політики. В кінці 20-х років вона була припинена політичними методами. Суцільна колективізація зняла з порядку денного не тільки необхідність дискусій про шляхи кооперації, але спричинила те, що й сам термін «кооперація» вийшов з обігу в наукових працях і поступився місцем іншому — «колективізація», з відповідною зміною його змісту.

На наш погляд, організаційники не враховували в своїх теоретичних розробках той факт, що селяни не були власниками землі в повному розумінні цього слова. У згоді з законодавчими ак-

тами першої половини 20-х років власником вважалася держава, а фактично ним став бюрократичний апарат, котрий рахував себе спроможним декретувати зверху форми організації господарської діяльності на селі. Відкидаючи всі інші сентенції, котрі вийшли з-під пера П. П. Маслова, слід визнати небезпідставним його застереження, що при переході *всіх земель* в розпорядження держави неминуче управління землеустроєм через громіздкий і складний бюрократичний механізм, котрий стане диктувати свою волю [15, с. 119]. Проявом цієї волі було нав'язування колгоспів та радгоспів як єдиної форми ведення господарства на селі без врахування соціально-економічних та інших чинників. Існування з початку 20-х років продовольчого податку на кожне селянське господарство, що в значній мірі стимулювало виробництво сільськогосподарської продукції і як наслідок, розвиток торгівлі її надлишками, змінилося нефіксованим, часто надмірним викачуванням з колгоспів та радгоспів продуктів господарської діяльності. В цих умовах ідеї представників організаційно-виробничої школи, котрі рахували, що індивідуальне селянське господарство ще себе не вичерпало, були піддані нещадному цькуванню.

Політична боротьба навколо питання про шляхи розвитку сільського господарства не могла не накласти свій відбиток на творчість П. І. Лященко. В цих умовах він в своїх працях намагався враховувати як наявну тенденцію, що склалася, так і дію економічних законів. Слід констатувати, що ціла низка цікавих теоретичних розробок вченого не була помічена або ж не втілювалася в життя.

Список літератури: 1. *Ленін В. І.* Повн. збір. тв. 2. *Бібліотека В. І. Леніна* в Кремле: Каталог. М., 1961. 3. *Калінін М. І.* Ответ на анкету журналу «Совхоз» о новом совхозном строительстве // Совхоз. 1928. № 7—8. 4. *Антонов М.* Несуществующие люди. Перестройка: ответственность ученых // Наш современник. 1989. № 2. 5. *Гатти Д.* Аграрный вопрос и социализм. М., 1906. 6. *Давид Г.* Социализм и кооперативное движение. Спб., 1906. 7. *Кабанов В. В.* Александр Васильевич Чайнов // Вопр. истории. 1988. № 6. 8. *Лященко П. И.* Производственные задачи сельскохозяйственной кооперации // На аграрном фронте. 1926. № 1. 9. *Лященко П. И.* Тракторное хозяйство и индустриализация // План. хоз-во. 1926. № 4. 10. *Лященко П. И.* Выступление в дискуссии о пятилетнем плане развития сельского хозяйства в СССР в Аграрной секции Комкадемии // На аграрном фронте. 1927. № 7. 11. *Лященко П. И.* О законе убывающего плодородия: К итогам дискуссии о повышении урожайности и производительности сельского хозяйства // На аграрном фронте. 1927. № 7. 12. *Лященко П. И.* Перспективы зернового хозяйства и государственные «зерновые фабрики» // Экон. обозрение. 1928. № 6. 13. *Лященко П. И.* Зерновая проблема и повышение урожайности // Экон. обозрение. 1928. № 10. 14. *Маневич В. Е.* Экономические дискуссии 20-х годов. М., 1989. 15. *Маслов П. П.* Развитие народного хозяйства и аграрная программа: Сб. статей. Спб., 1906. 16. *Мошков Ю. А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929—1932 гг.). М., 1966. 17. *Мясоедов Б.* Кто такой А. В. Чайнов? // Книжное обозрение. 1988. № 4. 18. *Пияшева Л.* Экономист Николай Кондратьев // Соц. индустрия. 1988. 14. янв. 19. *Пэнэжко П.* Как ударили по «чайновщине» // Огонек. 1988. № 10. 20. *ЦНА АН УССР.*

Надійшла до редакції 20.10.89

**КАЧЕСТВО ОБСЛУЖИВАНИЯ В ЧАСТНОЙ
И ОБОБЩЕСТВЛЕННОЙ ТОРГОВЛЕ УКРАИНЫ В 20-е ГОДЫ**

На состоявшейся осенью 1921 г. VII Московской губпартконференции В. И. Ленин заявил, что попытка организовать через натуральный обмен экономическую смычку между социалистической промышленностью и мелкотоварным крестьянским хозяйством оказалась неудачной. Он поставил задачу приспособиться к торговле, наладить государственную торговлю и контроль за частным рынком [1, т. 44, с. 208].

На XI съезде партии В. И. Ленин указал на необходимость последовательного овладения торговлей с целью удовлетворения экономических интересов трудящихся. Торговля рассматривалась им как арена ожесточенной классовой борьбы на весь переходный период, до вытеснения капиталистических элементов. Проблема вытеснения частного сектора увязывалась не только с расширением сети государственной и кооперативной торговли, но и с качественным совершенствованием методов хозяйственной деятельности обобществленных предприятий. Все преимущества были на стороне социалистического сектора хозяйства. Не хватало одного, но очень важного фактора (это показывает и современное состояние экономики и торговли) — «культурности, *уменья управлять* (в том числе вести госторговлю)» [1, т. 45, с. 416]. Без подъема культуры управления, культуры руководства хозяйством, культуры организации товарооборота нельзя было выиграть экономическое соревнование с нэпманской буржуазией. На XI съезде партии В. И. Ленин говорил, «что и мы умеем не хуже капиталистов установить смычку с крестьянским хозяйством, можем удовлетворить его потребности... «...» Вот в чем гвоздь новой экономической политики и вся, по моему убеждению, суть партийной политики» [1, т. 45, с. 81].

Призывая учиться понимать коммерческие отношения и торговлю, овладевать инструментом ее регулирования, В. И. Ленин писал, что нам нужно построить нашу организацию так, чтобы во главе коммерческих отношений у нас не оказались люди, не имеющие опыта в данной области [1, т. 45, с. 14]. Со всей убежденностью он заявил: «Мы пришли к тому, что гвоздь положения — в людях, в подборе людей» [1, т. 45, с. 110].

В работах историков, посвященных новой экономической политике, рассматриваются вопросы организации торговли, деятельности частных и обобществленных торговых предприятий [4—6]. Однако специального исследования по организации торгового дела, включающего вопросы качества обслуживания как одной из основ экономического соревнования частника и государственной и кооперативной торговли, нет.

В целях выяснения наличных средств для организации торговли в марте 1923 года была проведена торговая перепись, охватив-

шая 2052 города и поселка городского типа страны, включающих 280851 торговое заведение [11, 1924, 8 марта]. В бланке переписи содержались такие вопросы: был ли владелец или заведующий данным торговым заведением торговцем в прошлом (а значит, имел необходимый опыт) и если был, то в данной ли отрасли торговли или в другой?

Всего ответили 121833 владельца, т. е. почти все торговцы, за исключением разносчиков. Из них не были раньше торговцами 74007, или 61%; были торговцами в другой отрасли 42331, или 35%; в данной отрасли — 5495, или 4% [11, 1925, 15 апр.]. Следовательно, $\frac{3}{5}$ опрошенных стали торговцами с введением нэпа, остальные — выходцы из класса старой буржуазии. Любопытно, что и состав «красных торговцев» был таким же, хотя удельный вес новичков среди них был более высоким.

Как свидетельствуют материалы этой переписи, среди заведующих государственными торговыми заведениями не были раньше торговцами 79%, были торговцами в другой отрасли 18%, в данной отрасли — 3%; в кооперативной торговле — соответственно 75, 20 и 4%; по Союзу ССР были ранее торговцами 39%, не были ими 61%, по Украине — соответственно 55 и 45%. Следовательно, на Украине состав торговцев был более квалифицированным, чем в целом по стране. Можно предположить, что они использовали накопленный опыт в организации торгового дела, уделяли надлежащее внимание качеству обслуживания покупателей.

Материалы торговой переписи 1923 г. свидетельствуют, что государство стремилось рационально организовывать торговлю. Данные о среднем размере оборота на одно занятое в торговле лицо (в тыс. золотых р. за 3 мес. 1924 г.) приведены в табл. 1 [Составлена по: 11, 1924, 8 марта].

Таблица 1

Торговля	Оборот			
	оптовый	оптово-розничный	рознично-постоянный	рознично-базарный
Государственная	4,52	2,14	0,92	—
Кооперативная	1,4	0,94	0,89	—
Частная	4,27	4,92	1,18	0,80

Таким образом, в оптовой торговле средний оборот в государственных и частных заведениях практически совпадал, хотя государственные заведения почти в 5 раз крупнее частных. Значит, в государственных заведениях наблюдался избыток персонала. Отсюда вытекала задача: учиться у частника.

В торговом деле внешняя сторона, условия, создаваемые для покупателя, играют значительную роль. Должное оформление витрин, чистота в помещениях, аккуратно сложенные на полках товары, рельефно выставленные цены, вежливость продавцов,

быстрое обслуживание — все это привлекало покупателей, которые чаще обращались к частному торговцу и готовы были переплатить, чтобы не стоять в очередях, выбрать товар по вкусу, посоветоваться, поторговаться. Указывая на недостатки в работе государственной торговли, газета «Экономическая жизнь» писала, что необходимо «решительно бороться с такими явлениями, как канительная процедура при получении товара, незнание приказчиками цен, грубое обращение с покупателями, неудобное время торговли и т. д.» [11, 1924, 30 марта]. Покупатель особенно заинтересован в расширении ассортимента товаров. Частный торговец располагал по сравнению с государственной и кооперативной торговлей более ходким, разнообразным ассортиментом. Розничная цена кооперативов и госторговли, как правило, были ниже частно-рыночных, но частный торговец мог их гибко, своевременно изменять, исходя из конъюнктуры рынка: на ходовой товар он повышал цены, на неходовой — снижал или даже продавал его в убыток, используя быстроту оборота.

Чем же объяснялись преимущества частной торговли? Прежде всего строением самого торгового аппарата. Частный торговец имел предельно сжатые штаты: он являлся одновременно и хозяином, и приказчиком. В частных заведениях были упрощены отчетность, техника отпуска товара, накладные расходы сведены к минимуму, что позволяло без большого риска снижать цены на тот или иной товар.

Частный торговец организовывал свое заведение там, где отсутствовали магазины обобществленной торговли, в густонаселенных местах, в крупных селах, на узловых станциях. Как правило, ассортимент товаров частника отличался большим разнообразием, причем у него имелись и дефицитные товары. В связи с этим в «дневной калькуляции» частника наблюдалось варьирование продажной цены, от 100-процентной накладки и более до понижения на уровень цен, более низких, чем в обобществленной торговле. Иногда цены могли неоднократно меняться в течение дня.

В целях повышения конкурентоспособности и защиты от налогов частные торговцы создавали предприятия на «кампанейских» началах. Эта форма организации предприятий была чрезвычайно популярна в частной торговле. Для этого один из частных торговцев приобретал патент на торговлю и выплачивал соответствующий уравнительный сбор, а остальные, вкладывая в торговлю равные капиталы и пользуясь равными правами в отношении к предприятию, исполняли функции приказчиков. Личные и коммерческие отношения между ними основывались на взаимном доверии. В 1925—1926 гг. около 40% частных предприятий торговли в городах Украины работало на таких началах [7, с. 182]. О масштабах использования наемного труда в частной городской торговле на Украине в 1925—1926 гг. свидетельствуют данные табл. 2 [Составлена по: 7].

Как видно из табл. 2, на оптовых предприятиях почти половина всех занятых лиц были наемными, меньшее их число име-

Таблица 2

Торговый оборот	Число занятых лиц (в среднем на одном предприятии)		
	всего	в том числе наемных	% к общему числу
Оптовый	8,0	4,15	51,8
Оптовое-розничный	5,33	2,33	43,7
Розничный	2,34	0,61	26,0

лось в полуоптовой торговле и совсем незначительное — в розничной. Характерно, что наемные служащие получали относительно высокую заработную плату.

Частный торговец был лично заинтересован в высокой оплате: создавая благоприятные условия для работы служащих, он стремил-

ся добиться торговой честности, работоспособности и заинтересованности самого наемного работника в обслуживаемом им торговом деле.

Широко использовался личный труд членов семьи торговцев, восполнявших необходимость найма высокооплачиваемых служащих; зачастую члены семьи состояли в «кампанейских» предприятиях на определенном жаловании.

Выбирая бойкое населенное место для торговли, частник любыми способами стремился обеспечить постоянный контингент покупателей. Одним из действительных и распространенных способов увеличения покупательской клиентуры, экономического «опутывания» ее и «привязывания» к своему предприятию являлось товарное кредитование потребителя-покупателя. В большинстве случаев кредит строился на личном доверии и знании платежеспособности получателя товара. Для исключения риска, сопряженного с кредитом, частный торговец устанавливал определенную наценку на цену товара. Тем не менее систематическая помощь, оказываемая покупателю, в моменты резких колебаний его бюджета превращала частника в своего рода благодетеля [7, с. 183]. Что касается государственной и кооперативной торговли, то здесь можно отметить много недостатков. Примером раздутых штатов являлся состав Волынского губторга, в который входили управляющий, его заместитель, управдел, канцелярия с заведующим, бухгалтер, главный бухгалтер, помощник бухгалтера, конторщик. Кроме того, в каждом магазине имелась бухгалтерия. Всего в губторге, вместе со служащими двух магазинов, насчитывалось 40 человек [11, 1924, 27 марта].

Для торговли на Украине были характерны явления, которым трудно найти экономические обоснования. Например, в двух рядом расположенных кооперативных магазинах Харькова цены на один и тот же товар были столь различными, что они отличались друг от друга в два раза и более. В кооперативных магазинах покупатель зачастую не мог приобрести муку, сахар, керосин и др. [11, 1924, 27 марта].

Еще в период становления государственной торговли проявились ее низкий уровень организации, избыток персонала, отсутствие надлежащей культуры обслуживания потребителя, плохая реклама товара. В газетах «Экономическая жизнь», «Украинский

экономист», «Финансовая газета» и других регулярно помещались материалы под рубриками: «За лучшее обслуживание потребителя», «Борьба с очередями», «Наш торговый быт». Так, передовая статья в одном из номеров «Экономической жизни» была посвящена проблеме повышения производительности труда в кооперативной торговле. В ней отмечалось, что «современная стоимость нашей торговли чрезвычайно велика, а это требует самого усиленного внимания к вопросу об увеличении производительности труда в этой области и сокращении доли торговых расходов, ибо конкурентоспособность кооперации в отношении частной торговли должна определяться не только и не столько предоставляемыми ей льготами и преимуществами, сколько более рациональной, более совершенной и, следовательно, более дешевой постановкой своих операций» [11, 1925, 8 мая].

Вместо того чтобы использовать в своей деятельности положительный опыт частной торговли, вступить с ней в экономическое соревнование, руководители государственных и кооперативных предприятий нередко ограничивались административными мерами по «завоеванию» покупателя. На Украине существовала практика проведения кампаний в связи с поступавшими в уезды из губернии директивами, например: «Два месяца покупки не у частного торговца». Лозунги при этом давались предельно простые: «Покупающий товар в частной лавке — враг себе и вредитель революции» (?!) [11, 1925, 6 марта].

Отрицательной стороной обобществленной торговли являлся принудительный ассортимент товаров. Газета «Экономическая жизнь» по этому поводу писала: «Как сделать, чтобы население получало галоши подходящих размеров, чтобы белорусский крестьянин получал ткани не «азиатских» рисунков, и чтобы население вообще получало зимой то, что приличествует зиме, а летом-то, что приличествует лету» [11, 1925, 8 февр.]. На Украине принудительный ассортимент получил довольно широкое распространение. Вследствие этого в кооперации и госторговле накопилось большое количество не пользовавшихся спросом товаров (они составляли от 35 до 60% всех товаров), что привело к значительному снижению оборотных средств [11, 1925, 8 марта].

Определенный вклад в научную разработку принципов социалистического управления и практического их применения внес Ф. Э. Дзержинский, занимавший в то время пост председателя ВСНХ СССР. Он отмечал, что «в области торговли, кроме борьбы с различными наводками, мы уже обратили внимание на борьбу с т. н. принудительным ассортиментом. Нельзя этого сделать путем приказа, путем предписания. Необходима специализация в торговле, необходима выучка наших торговых организаций, выучка, где находить покупателей и определить, что ему нужно» [11, 1925, 17 мая]. Весной 1925 г. Ф. Э. Дзержинский выступил на Всесоюзном съезде представителей местных торгов, где сказал: «В торговом деле мы до сих пор ходим ошупью, между тем, как в настоящий момент эта область является наиболее важной в ук-

реплении советского строя. Торговля тратит огромные средства на содержание своего аппарата и на накладные расходы. В то время как кооперация в своих лавках ждет, пока покупатель придет к ней, частный торговец всячески изощряется, чтобы привлечь покупателя, обнаружить скрытый спрос. Необходимо учесть подход к потребителю — в этом гвоздь вопроса» [11, 1925, 5 апр.].

Однако изменения к лучшему в обобщественной торговле осуществлялись крайне медленно. В январе 1927 г. А. Венгер, член коллегии наркомторга УССР, отмечал: «Наш кооперативный оборот по своим торговым методам все еще на пути между азиатским и европейским. В умении торговать мы все еще отстаем даже от нашего аршинника-торгаша, который быстрее сам оборачивается, быстрее оборачивает капиталы и лучше подбирает товары к требованиям потребителя» [9, 1927, 21 янв.].

В конце 1927 г. А. Нуринов, заместитель наркомторга УССР, вынужден был признать, что «качество нашей работы в области торговли нуждается в срочном улучшении. Наш торговый аппарат еще необычайно дорог, не гибок, не подвижен, не чуток к нуждам потребителя. Нельзя полагать, что количественно вытеснив частного, этим самым мы закрепили позиции. Количество должно перейти в качество. И только в этом случае результаты можно считать крепкими и устойчивыми. Прэтому наша задача — обратить максимальное внимание на качественное улучшение кооперативной работы, на удешевление ее и привлечение к участию в работе кооперации широчайших слоев рабочих и крестьян» [11, 1927, 25 дек.]. Подлинным бичом обобщественной торговли стали большие очереди. Председатель Вукоопспилки А. Б. Генкин сообщал, что в «очередях достаиваются до обмороков. Недовольство отпуском товаров настолько остро, что склонно переместиться из лавок на улицу» [8, с. 49].

В 1927 г. для изучения зарубежного опыта организации торгового дела правление Вукоопспилки направило свою делегацию в Западную Европу и Америку. О результатах поездки написала газета «Украинский экономист» [9, 1928, 13 янв.]. В ней отмечалось, что промышленные фирмы, связанные с торговыми организациями, хорошо осведомлены о запросах своих постоянных клиентов. Торговые предприятия могли закупать товары такой развески и в такой упаковке, что развешивать их в дальнейшем не было необходимости. Многие торговые организации имели собственные производства двух видов: одни занимались производством продукции, которая поступала для сбыта в их же собственные торговые предприятия, другие — развеской товаров на центральных складах и приведением их в такое состояние, в котором они должны поступать на продажу в магазины. С места производства товар требуемого качества и в нужном количестве непосредственно поступал в те отделы торговой фирмы, для которой он предназначен. Члены делегации были удивлены тем фактом, что во время работы не велись никакие разговоры и не устраивались собрания. На складах для товара были отведены постоянные

места, соответствующие тому порядку, в котором осуществлялся его учет, что позволяло быстро производить его отборку.

Вся торговая работа поставлена таким образом, чтобы как можно быстрее удовлетворить требования покупателей. В статье указывалось, что «данные материалы сейчас разрабатываются с целью применения в наших условиях» [10, 1928, 13 февр.]. Однако в последующей торговой практике зарубежный опыт не получил распространения.

В ноябре 1928 г. газета «Экономическая жизнь» сообщала, что «качество низовой торговли не только по-прежнему остается крайне неудовлетворительным, но за последние годы еще и ухудшается. Мы провели снижение цен, мы завели прејскуранты, жалобные книги, ввели дежурство лавочной комиссии и т. д., — но потребитель принужден все больше и больше времени тратить на процесс покупки товаров, выстаивая в очередях, не имея возможности ни выбрать товар, ни посмотреть за правильностью взвешивания. Дошло до того, что покупатели являются в лавку целыми семейными коллективами, причем один становится в очередь в кассе, другой — за хлебом, третий — за маслом и т. д.» [11, 1928, 24 нояб.].

Вместе с тем нельзя сказать и о том, что уже в конце 20-х годов появились кооперативные магазины, оборудованные значительно лучше, чем кооперативные лавки. В таких магазинах организация торговой работы, качество обслуживания покупателей даже по современным меркам находились на высоком уровне [11, 1928, 24 июля]. Но подобных магазинов было создано мало.

Вопрос о качестве работы советской торговли не раз обсуждался на съездах, конференциях и пленумах ЦК КП(б)У. Так, в решениях второй конференции КП(б)У, состоявшейся в апреле 1929 г., подчеркивалось, что «в борьбе с частным капиталом на рынке в ближайшие годы качество обслуживания потребителей будет играть почти решающую роль» [3, с. 629].

Но не качество обслуживания послужило основной причиной вытеснения частника из торговли. Резкое возрастание налогового пресса, чрезвычайно большая плата за аренду помещений, сворачивание кредитования и т. п. привели к сокращению доли частного капитала в торговле Украины. «Кооперация, — отмечал XI съезд КП(б)У в июле 1930 г., — при быстром вытеснении из товарооборота частника не приспособилась также быстро замещать его» [3, с. 691]. Все это, естественно, отрицательно сказалось на качестве обслуживания потребителя. В связи с этим в декабре 1930 г. Пленум ЦК КП(б)У, приняв широкую программу развития потребительской кооперации, подчеркнул необходимость рационализации и лучшей организации отпуска товаров (предварительная раскладка, доставка товаров на дом), решительной борьбы с очередями, улучшения качества и порядка отпуска быстропортящихся продуктов [3, с. 742]. Но, как показала последующая практика торговой работы, эти решения остались нереализованными.

Итак, частник в большинстве случаев, имея опыт торговой работы, будучи лично заинтересован в повышении качества обслуживания покупателей, лучше организовывал свою работу. В государственной же торговле было занято значительно меньше людей с соответствующим опытом работы, чем в частной торговле, что не могло не сказаться на качестве обслуживания. Избыток персонала, отсутствие надлежащей культуры обслуживания и другие недостатки, характерные для советской торговли в 20-е годы, имеют место и сейчас. Как нам представляется, это связано еще и с тем, что в общественной торговле, работающей в «режиме наибольшего благоприятствования», мало внимания обращалось на улучшение качества обслуживания как одну из форм экономического соревнования с частником.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 5. 3. Компартия Украины в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. К., 1976. Т. 1. 4. Архипов В. А., Морозов Л. Ф. Борьба против капиталистических элементов в промышленности и торговле. 20-е — начало 30-х годов. М., 1978. 5. Дмитренко В. П. Торговая политика Советского государства после перехода в нэпу. 1921—1924 гг. М., 1971. 6. Дудукалов В. И. Развитие советской торговли в Сибири в годы социалистического строительства (1921—1928 гг.) Томск, 1978. 7. Червинский П. Г. Частный капитал в товарообороте Украины (Торговля Украины. По биржевым данным за 1925—1926 хозяйственный год). Х., 1927. 8. Свищев Ф. Потребительская кооперация и качество обслуживания потребителя // Хоз-во Украины. 1928. № 5. 9. Финансовая газета: Орган Народного комиссариата финансов СССР. 10. Украинский экономист: Ежедневная газета Экономического совещания УССР. 11. Экономическая жизнь: Ежедневная газета Совета труда и обороны СССР и Экономического совещания РСФСР.

Поступила в редколлегию 21.11.89

Ю. П. ВОЛОСНИК

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКИХ СОВЕТОВ УКРАИНЫ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1921—1925)

Изучение деятельности Советов по осуществлению нэпа имеет важное значение, ибо без освещения места и роли Советов в этом процессе наши представления о развитии советского общества в 20-е годы останутся неполными, односторонними. Актуальность темы возрастает в связи с переходом к экономическим методам управления обществом, проведением политической реформы, в результате которой Советы приобретают реальное полновластие.

Данная проблема относится к наименее разработанным в исторической литературе. На это указывали советские исследователи еще в середине 60-х годов [5, с. 131; 6, с. 288—289]. С тех пор практически мало что изменилось.

Цель статьи — попытка показать основные формы и методы

деятельности городских Советов по осуществлению нэпа в сфере экономики 1921—1925 гг*.

Переход к нэпу, осуществленный X съездом РКП(б), был крупным поворотом в жизни советского общества, поэтому Советы, как органы диктатуры пролетариата, поставили в центре своей деятельности вопросы практического осуществления нэпа. В постановлении ВУЦИК «Об организации городских Советов рабочих и красноармейских депутатов» от 20 апреля 1921 г. говорилось, что их основной задачей являлось «принятие мер к поднятию данной территории в хозяйственном и культурном отношении» [3, 1921, № 7, ст. 202]. В разработанном в мае 1921 г. В. И. Лениным проекте «Наказа от СТО (Совета Труда и Оборона) местным советским учреждениям» содержалась программа деятельности Советов, подчеркивалось значение местного почина и инициативы в развитии промышленности, сельского хозяйства, товарооборота [1, т. 43, с. 269].

Выполняя решения высших партийных и государственных органов, горсоветы развернули деятельность по осуществлению начал нэпа в промышленности. Вопросы, касающиеся руководства крупной и средней промышленностью, находились в ведении ВСНХ и их местных органов — совнархозов, входивших в состав губернских исполкомов. Местная промышленность подчинялась отделам местного хозяйства губисполкомов, а после перехода на окружную систему административного деления (1923—1925) — отделам местного хозяйства окрисполкомов. Поэтому горсоветы осуществляли главным образом контроль за деятельностью промышленности. Положение «О городских и поселковых Советах рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» [2, 1925, № 86, ст. 490], принятое сессией ВУЦИК в октябре 1925 г., закрепляло за горсоветами право «наблюдения за деятельностью промышленных предприятий окружного и общереспубликанского значения без вмешательства в их оперативную деятельность». Наблюдение и контроль за претворением принципов нэпа в промышленности осуществлялись горсоветами в таких формах, как заслушивание докладов о деятельности губсовнархозов, губотделов, трестов и предприятий, проведение обследований предприятий и др. Так, 11 октября 1922 г., заслушав доклад губсовнархоза о сдаче в аренду предприятий, пленум Киевского горсовета одобрил его деятельность как «отвечающую новой экономической политике», но при этом указал на необходимость повышения «производительности предприятий, остающихся в руках государства» [10, ф. Р-1, оп. 1, д. 1, л. 179].

Свою работу горсоветы осуществляли через секции и комиссии секций. Например, регулярно проводились совместные заседания промышленных комиссий горсоветов с губернскими плановыми и хозяйственными органами, на которых обсуждались вопросы развития промышленности. В 1923—1924 гг. промышлен-

* Вопросы привлечения и использования частного капитала в данной статье не рассматриваются.

ная комиссия Киевского горсовета организовала такие заседания совместно с губпланом и губсовнархозом. На них заслушивались доклады о деятельности губсовнархозов, отчеты трестов и предприятий [10, ф. Р-1, оп. 1, д. 15, л. 2]. Таким образом горсоветы могли координировать деятельность хозяйственных органов губерний и секций горсоветов, определять главные направления хозяйственной политики в городах. Эта форма работы горсоветов благотворно сказывалась на деятельности промышленных предприятий. Так, только в Киеве стоимость всей произведенной продукции промышленности возросла с 47 млн р. в 1922/23 году до 70 млн р. в 1923/24 году [10, ф. Р-1, оп. 1, д. 15, л. 18 об.].

Одной из форм контроля за развитием промышленности было прикрепление депутатов горсоветов к предприятиям с целью обследования их работы. Так, в 1923—1924 гг. все 325 членов промышленной и сельскохозяйственной секции Одесского горсовета группами по 3—5 депутатов были прикреплены к промышленным предприятиям для проведения обследований в губсовнархозе, пищевом тресте, кожтресте, химсольтресте, полиграфическом объединении и на других предприятиях Одессы [10, ф. Р-1, оп. 1, д. 92, л. 18].

Горсоветы разрабатывали для предприятий рекомендации о наиболее оптимальных условиях производства. Эта работа осуществлялась промышленными секциями горсоветов на основе результатов обследований предприятий и учета конъюнктуры рынка, причем рекомендации часто носили директивный характер. Так, в 1925 г. промышленная секция Киевского горсовета приняла решение о том, что металлообрабатывающая промышленность города должна обслуживать местный рынок. Секция оставила в качестве самостоятельных единиц ряд заводов Киева, обратив внимание их руководства на необходимость ориентации на местный рынок. С целью насыщения рынка она обязала Киевский металлострой организовать массовое производство товаров широкого потребления [10, ф. Р-1, оп. 1, д. 85, л. 40]. Промсекция обращалась в губисполком с ходатайством о снижении налогов и арендной платы с тех предприятий, работа которых была жизненно важной для города. Так, в 1925 г. секция ходатайствовала о снижении арендной платы с мясохладобойни, об оставлении некоторым заводам части прибыли, предназначенной для местного бюджета, с тем чтобы эти средства были использованы на обновление производственной базы предприятий. По инициативе промсекции в 1925 г. был открыт еще один кирпичный завод в Киеве для покрытия возрастающей потребности в строительных материалах [10, ф. Р-1, оп. 1, д. 85, л. 40—42, 47, 49].

Важной формой работы горсоветов была сдача предприятий в аренду государственным, кооперативным организациям и частным лицам. Эта работа имела важное значение, поскольку сдача в аренду предприятий не требовала государственных средств и позволяла за счет арендаторов в короткий срок восстановить промышленность и наладить выпуск необходимых товаров. В «Наказе СНК

о проведении в жизнь начал новой экономической политики» от 9 августа 1921 г. особая роль отводилась Советам, которые должны были «...не колеблясь и энергично проводить в жизнь декрет о сдаче в аренду ...предприятий» [2, т. 1, с. 246]. Секции и комиссии горсоветов осуществляли обследования и отбор предприятий для сдачи в аренду. Кроме того, с целью непосредственного участия в работе по сдаче предприятий в аренду депутаты горсоветов вводились в состав президиумов, арендных и ревизионных комиссий ГСНХ, в ведении которых находилась промышленность [10, ф. Р-1, оп. 1, д. 92, л. 18]. Уже на 1 января 1922 г. на Украине было сдано в аренду 6116 предприятий [7, ф. 2623, оп. 1, д. 573, л. 94].

Для развития кустарной промышленности немалую роль играла выдача отделами губисполкомов и горсоветов свидетельств и разрешений на право заниматься личными промысловыми занятиями. Эта работа приняла значительный размах. Так, например, только с января по март (включительно) 1922 г. Полтавским губфинотделом было выдано 250 промысловых свидетельств, Харьковским — 1220, Запорожским — 593, по Кременчугу — 230, по Подольской губернии — 856 и т. д. [7, ф. 2623, оп. 1, д. 871, л. 1, 2, 4, 5, 8]. Губисполкомы и горсоветы оказывали значительную помощь в развитии кустарной промышленности путем выдачи ссуд, представления кредитов, снижения налогов, арендной платы, предоставления различных льгот [9, ф. Р-203, оп. 1, д. 937, л. 2 об.; д. 971, л. 145 об.; 8, ф. Р-1503, оп. 1, д. 117, л. 50 и др.]. Значение этой деятельности губернских и городских Советов очень велико, поскольку для налаживания работы кустарной промышленности не требовалось больших средств и в условиях начавшегося восстановления крупной индустрии кустарная промышленность сравнительно быстро могла насытить товарами рынок.

Горсоветы проводили также работу по снижению накладных расходов и себестоимости промышленной продукции. В результате принятых Харьковским горсоветом мер на предприятиях местной промышленности накладные расходы снизились в 1923—1924 гг. на 8 % по сравнению с 1922—1923 гг. Снизилась и цены на продукцию местной промышленности за этот период [4, с. 7—8]. Деятельность секции местной промышленности Полтавского горсовета совместно с фабзавкомом, производственными комиссиями и администрацией предприятий по внедрению режима экономии в 1925 г. позволила достичь на предприятиях местной промышленности экономии от 30 до 40 тыс. р. [8, ф. Р-1792, оп. 1, д. 2, л. 17].

Сказанное выше свидетельствует об активной деятельности горсоветов в проведении начал нэпа в промышленности, использовании различных форм и методов работы, что способствовало быстрейшему восстановлению промышленности.

Важным аспектом деятельности горсоветов было налаживание и развитие торговли, так как на завершающем этапе «военного коммунизма» торговля фактически была свернута. С переходом к нэпу использование рыночных отношений явилось основным

инструментом регулирования различных укладов в экономике страны.

Горсоветы развернули работу по учету, распределению и сдаче в аренду торговых помещений. С этой целью они создавали специальные комиссии по распределению торговых помещений. Например, такая комиссия была создана при Полтавском горсовете в 1921 г. [8, ф. Р-3872, оп. 1, д. 321, л. 15]. Комиссии проводили обследование всех торговых и складских помещений, брали их на учет. Затем помещения сдавались в аренду, а размер арендной платы устанавливался в зависимости от качества и величины торговой площади. В ряде горсоветов эту работу проводили торговые подотделы. Так, торговый подотдел Харьковского горсовета в 1921 г. взял на учет и обследовал все торговые и складские помещения, выдал 5114 ордеров на их занятие. Всего за период с ноября 1921 г. по июль 1922 г. подотдел получил арендную плату в сумме 600 млрд р. (по курсу 1921 г.) [9, ф. Р-408, оп. 2, д. 252, л. 132]. В 1924 г. Житомирский горсовет сдал в аренду 1120 торговых помещений, арендная плата за которые составила 235,5 тыс. р. [9, ф. Р-408, оп. 2, д. 703, л. 8]. Сдача в аренду торговых помещений и мест на базарах играла важную роль в пополнении городских бюджетов. Об этом свидетельствует тот факт, что арендная плата с них в 1923 г. составила 63% всех доходов Киевского горсовета, в то время как от сдачи предприятий — лишь 5% [10, ф. Р-1, оп. 1, д. 14, л. 24].

Значение этой деятельности горсоветов заключается в том, что сдача в аренду торговых и складских помещений являлась формой привлечения частного капитала в торговлю. Сюда же относится и передача в частные руки торгового инвентаря, без чего невозможно было налаживание торговли. В результате в бюджет горсоветов поступали значительные средства. Так, торговым подотделом Харьковского горсовета в 1922 г. все городские весы были сданы с торгов сроком на четыре месяца в частные руки. Это принесло доход государству в сумме 5 млрд 10 млн р. (по курсу 1922 г.). Горсоветы контролировали своевременное поступление арендной платы, выявляли уклонявшихся от уплаты арендных взносов. Например, торговый подотдел Харьковского горсовета лишь в июле 1922 г. выявил 200 неплательщиков взносов [9, ф. Р-408, оп. 2, д. 252, л. 132—132 об.]. Эта работа горсоветов способствовала укреплению городских бюджетов.

Широко использовали горсоветы предоставленные им права для регулирования торговли. Они издавали постановления, в которых регламентировались время, место и порядок торговли. Так, в 1921—1922 гг. только Харьковским горсоветом было издано 10 таких постановлений [9, ф. Р-408, оп. 2, д. 245, л. 13]. При этом горсоветы стремились, с одной стороны, приспособить время торга к потребностям трудящихся города и приезжих, а с другой, обеспечить нормальные условия работы для торговых служащих. Например, по постановлению Полтавского горсовета (1925 г.) время торговли протоварами устанавливалось с 8 ч утра и до 20 ч.

Торговля продуктами питания разрешалась до 23 ч. Тем же постановлением горсовета день отдыха торговых служащих был перемещен с воскресенья на вторник, чтобы не поставить частных торговцев в более выгодное положение, все магазины города — частные, государственные, кооперативные — согласно постановлению по вторникам были закрыты [9, ф. Р-1792, оп. 1, д. 2, л. 18]. Секции и комиссии горсоветов проводили многочисленные обследования торговых предприятий, базаров, складов для устранения недостатков и улучшения их работы. О масштабах этой деятельности говорит тот факт, что только за период с июня 1922 г. по январь 1923 г. одной лишь комиссией по обследованию базаров Киевского горсовета было проведено 187 обследований базаров и предприятий торговли [10, ф. Р-1, оп. 1, д. 5, л. 2, 20 об.]. Эта работа горсоветов имела важное значение, поскольку способствовала упорядочиванию различных форм торговли, улучшению качества торгового обслуживания населения городов.

Одной из форм деятельности горсоветов являлось осуществление контроля за работой государственных органов, регулирующих торговлю. Для этого при многих горсоветах создавались комиссии, которые проверяли работу этих учреждений, следили за исполнением правовых актов. Так, комиссия административной секции Полтавского горсовета в сентябре 1921 г. провела обследование столов губисполкома и горсовета, в ходе которого были выявлены существенные недостатки в их деятельности. Так, выдача свидетельств на право торговли осуществлялась произвольно: из 1400 получивших разрешения «215 получателей были лицами сомнительными», а 50 — не имели прав на получение разрешений, поскольку обладали крупным капиталом. Отмечалось отсутствие налаженного делопроизводства и тесной связи между торговыми столами губисполкома и горсовета, «плата за аренду торговых помещений взималась неаккуратно, в результате из 1029 арендаторов 97 плату не вносили». Комиссией были разработаны меры, направленные на устранение недостатков [8, ф. Р-3872, оп. 1, д. 321, л. 4—4 об.]. Аналогичную работу проводили в 1922—1925 гг. секции Харьковского, Киевского и других горсоветов республики [9, ф. Р-408, оп. 2, д. 254, л. 33; 10, ф. Р-1, оп. 1, д. 85, л. 45, 50].

Осуществление контроля за ценами являлось важным направлением в деятельности горсоветов. С этой целью комиссии горсоветов проводили проверки государственных, кооперативных и частных магазинов, следили за соблюдением постановлений о предельных ценах на те или другие товары широкого потребления, о снижении цен и т. д. Примером работы в этом направлении может служить деятельность торгово-кооперативной секции Киевского горсовета. Выполняя приказ Наркомвнуторга от 6 марта 1924 г. об обязательной скидке с продажных цен и постановлении о предельных розничных ценах на отдельные товары, секция совместно с представителями Наркомвнуторга осуществила более 20 ревизионных проверок государственных, кооперативных и частных магазинов, торгующих мануфактурой. Ревизия установила

многочисленные факты изменения фиксированных цен. Так, мануфактура в кооперативных магазинах отпускалась на 40—50% дешевле, чем в частных, бакалейные товары — на 15—20%. Горсовет обязал всех депутатов участвовать в проведении контроля за деятельностью государственных и кооперативных органов торговли по осуществлению ими распоряжений о снижении цен [10, ф. Р-1, оп. I, д. 15, л. 46—47, 49].

Для проведения массового рабочего контроля за выполнением мероприятий по регулированию торговли, борьбе со спекуляцией при горсоветах создавались контрольно-лапочные комиссии, которые имелись в каждом районе города. В их состав наряду с депутатами входили представители фабзавкомов, женотделов, передовые рабочие. Деятельность горсоветов по контролю за ценами способствовала снижению цен, усилению борьбы со спекуляцией, улучшению снабжения трудящихся.

Приведенный материал показывает, что в годы восстановления народного хозяйства горсоветы развернули большую деятельность по осуществлению принципов нэпа в сфере экономики. Формы и методы проведения нэпа в промышленности и торговле были многообразными и зависели от решения конкретных задач. Наиболее распространенными формами работы горсоветов являлись: наблюдение и контроль за деятельностью промышленности и торговли, сдача в аренду торговых и промышленных предприятий, разработка рекомендаций для промышленных предприятий и органов торговли, осуществление контроля за ценами.

Активная деятельность горсоветов по осуществлению нэпа способствовала ускорению восстановления и развития экономики республики.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. 3. СУ УССР. 4. Отчет о работе Харьковского городского Совета рабочих и красноармейских депутатов VIII созыва. 1923—1924-й хозяйственный год. Рабочему населению г. Харькова. Х., 1924. 5. Климов Ю. М. Историография новой экономической политики // Вопр. истории КПСС. 1966. № 5. 6. Кукушкин Ю. С. Проблемы историографии Советов периода строительства социализма 1921—1936 гг. // Очерки по историографии советского общества. М., 1967. 7. ЦГАОР УССР. 8. Полтавский облгосархив. 9. Харьковский облгосархив. 10. Государственный архив г. Киева.

Поступила в редколлегию 20.11.89

А. В. СКОРОБОГАТОВ, канд. ист. наук

К ВОПРОСУ О ТЕМПАХ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

В последнее время благодаря ослаблению идеологической опеки, постепенному преодолению сковывающих научную мысль стереотипов появился ряд оригинальных публикаций, посвященных экономической истории нашей страны. К их числу относится статья О. Р. Лациса о темпах социалистического строительства [6], ко-

торая стала результатом преодоления старых догм, новаторского осмысления и анализа доступных исследователям данных официальной статистики. Вместе с тем она высветила и ограниченность возможностей в интерпретации известных фактов, и прежде всего данных официальной статистики.

Не подлежит сомнению, что искусственное подхлестывание промышленности, планируемые фантастические скачки и «бешеные темпы» развития без учета материальных и трудовых возможностей вызывают диспропорциональность и несбалансированность в развитии экономики, ухудшение качества продукции, сбои и дезорганизацию производства, постепенное нарастание кризисных явлений. Предстоит выяснить, во-первых, в какой мере эти негативные явления стали тормозом экономического развития страны уже в годы первой пятилетки и, во-вторых, в какой степени данные официальной статистики в их стоимостной форме позволяют сделать вывод о срыве планов первой пятилетки.

Известно, что в докладе И. В. Сталина на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП (б) в январе 1933 г. и его решении подчеркивалось, что план первой пятилетки по общему объему промышленного производства выполнен за 4 года и 3 месяца на 93,7% [3, т. 6, с. 10]. Через год на XVII съезде партии В. М. Молотов в докладе о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства отмечал, что в течение 1933 г. были получены новые отчетные данные, которые позволили уточнить прежние цифры. Он заявил, что по промышленной продукции план последнего года первой пятилетки выполнен не на 93,7, а на 96,4% [2, с. 335]. В 30-х годах эти данные широко публиковались в статистических сборниках. Отмечалось, что среднегодовой прирост продукции ценовой промышленности составил за 1928—1932 гг. 21,6 % против 21 % по пятилетнему плану [5, с. 58]. Такие невиданные темпы роста привели к изменению удельного веса СССР в мировой экономике. Если в 1928 г. по объему промышленной продукции СССР занимал 5-е место в мире, то в 1932 г. — 2-е.

Приведенные данные общеизвестны. Они свидетельствовали о значительных достижениях страны в развитии промышленного производства. Однако в последнее время многие исследователи обращают внимание на необходимость переоценки итогов первой пятилетки, ссылаясь на то, что статистические данные, базирующиеся на стоимостных показателях, не отражают реальные сдвиги в экономике.

В статье О. Р. Лациса отмечается условный характер стоимостных показателей, который особенно проявился в годы первой пятилетки в условиях коренной ломки структуры промышленности. В этот период были созданы новые отрасли промышленности, такие, как станкостроение, автомобильная, тракторная, химическая промышленность, моторостроение, самолетостроение и др. Для более полной и достоверной картины развития экономики, как справедливо пишет О. Р. Лацис, «нужно проанализировать и натуральные показатели» [6, с. 82]. К сожалению, наиболее важные

положения статьи он пытается обосновать, анализируя прежде всего стоимостные показатели. В частности, вывод о взаимосвязи форсированного «скачка» и неизбежного последующего спада, дезорганизации производства вообще (в данном конкретном случае в рамках первой пятилетки) сделан путем сопоставления плановых и реальных цифр годового прироста в процентах, подсчитанных на основе стоимостных показателей.

Если проанализировать данные, приведенные О. Р. Лацисом, то можно увидеть, что на протяжении первой пятилетки, за исключением 1930 г., действительные годовые темпы прироста промышленного производства были ниже запланированных, т. е. задания оптимального плана ежегодно не выполнялись. Если среднегодовые темпы роста в соответствии с оптимальным планом должны были составить 22,6 %, то на деле они составили в 1928—1932 гг. 19,3 %, а в 1928—1933 гг. — 16,5 %. Между тем в опубликованных в 1933 г. «Итогах выполнения первого пятилетнего плана» отмечалось, что среднегодовой прирост продукции ценовой промышленности составил в 1928—1932 гг. 21,6 %, что превышало среднегодовой прирост (21 %), намеченный в первом пятилетнем плане [5, с. 58]. Как видим, данные официальной статистики, используемые О. Р. Лацисом, противоречат данным же официальной статистики 30-х годов.

Возникшее противоречие, на наш взгляд, можно ликвидировать путем приведения в соответствие плановых и фактических показателей по всем трем группам промышленных предприятий. Известно, что контрольные цифры первого пятилетнего плана были составлены согласно принятой в тот период классификации для предприятий: промышленности, планируемой ВСНХ, ценовой и всей промышленности в целом. В 1927/28 году планируемая ВСНХ промышленность произвела продукции на сумму 10,9 млрд р., тогда как вся ценовая промышленность — на 13,9 млрд р., а валовая продукция всей промышленности, т. е. включая и мелкую промышленность, — на 18,3 млрд р. [9, т. 1, с. 162—165]. В соответствии с пятилетним планом более высокие темпы развития были определены для промышленности, планируемой ВСНХ, что и отражало представления о необходимости первоочередного подъема предприятий и отраслей, определяющих успех индустриализации.

В статье О. Р. Лациса задания отправного и оптимального вариантов пятилетнего плана приводятся применительно к планируемой ВСНХ промышленности, т. е. наиболее крупной ее части, а итоги выполнения охватывают всю промышленность в целом. В результате и возникло противоречие, о котором речь шла выше. Если данные, которые мы анализируем, привести в сопоставимый вид, то таблица темпов роста промышленного производства (в %) в годы первой пятилетки будет выглядеть следующим образом [Составлена по: 5, с. 58, 254—255; 8, с. 136—138; 9, т. 1, с. 162—165; 10; 12, с. 24—25; 13, с. 2—3; 16, с. 2—3].

Из таблицы видно, что среднегодовые темпы роста промыш-

Промышленность	1929	1930	1931	1932	1933	1929—1932		1929—1933	
						1932 в % к 1928	в сред- нем за год	1933 в % к 1928	в сред- нем за год
Отправной вариант плана									
Вся	15,6	16,1	15,4	16,1	15,9	179,7	15,8	208,4	15,8
Ценовая	Нет данных								
Планируемая ВСНХ	21,4	18,8	17,5	18,1	17,4	200,1	18,9	234,9	18,6
Оптимальный вариант плана									
Вся	15,6	18,2	18,5	20,0	21,4	194,3	18,1	235,9	18,7
Ценовая	18,4	21,0	21,2	22,7	23,8	212,9	20,8	263,7	21,4
Планируемая ВСНХ	21,4	21,5	22,1	23,8	25,2	222,9	22,2	279,2	22,8
Годовые задания									
Планируемая ВСНХ, цензовая	21,4	32,0	45,0	36,0	16,5				
Фактическое выполнение									
Вся	20,0	22,0	20	15	5	202	19,2	212	16,4
Ценовая	26,1	27,3	22,6	11,0	9,2	218,4	21,7	238,5	19,2

ленного производства на протяжении четырех лет (1929—1932) не уступали плановым заданиям не только отправного, но и оптимального варианта, и даже превосходили их. Они составили по ценовой промышленности 21,7 %, а по всей промышленности — 19,2 % при задании оптимального плана соответственно 21,4 и 18,7 %. Если провести аналогичные подсчеты для всей пятилетки (1929—1933), то среднегодовые темпы роста ценовой промышленности составят 19,2 %, а по всей промышленности — 16,4 %. Но в этом случае возникает вопрос: правомерно ли рассматривать хозяйственные итоги 1933 г. только в контексте первой пятилетки? Ведь мы сопоставляем официальные данные за 4 года и 3 месяца и плановые показатели, задания оптимального варианта. Известно, что в соответствии с данными официальной статистики план второй пятилетки был выполнен даже в условиях резкого замедления развития промышленности в 1933 г., который стал первым годом второй пятилетки.

На наш взгляд, ответ на этот вопрос зависит от цели, которую преследует исследователь. Официальная статистика не позволяет однозначно утверждать, что в 1933 г. первая пятилетка была свернута из-за ее провала. Решение о досрочном завершении первой пятилетки было принято в январе 1933 г., когда о катастрофическом падении темпов развития можно было только предполагать. Конечно, в высшие партийные и хозяйственные органы и раньше поступали сведения о перебоях на местах, трудностях в капитальном строительстве, разбалансированности производства. Но еще XVII конференция ВКП (б) одобрила генеральную линию развития ряда крупных отраслей промышленности на вторую пятилетку. В 1937 г. предусматривалось получить электроэнергию не ме-

нее 100 млрд квт·ч, угля — 250 млн т, чугуна — 22 млн т, увеличить добычу нефти в 2—3 раза [3, т. 5, с. 394].

Представляется недостаточно аргументированным с помощью данных официальной статистики и утверждение О. Р. Лациса о том, что «когда напряженный вариант сменился произвольными фантастическими скачками в годовых планах, произошел срыв. Возникли диспропорции, вызвавшие — после незначительного прироста — резкий спад темпов. Общий итог «скачка» со спадом по сравнению с возможным планомерным развитием был, бесспорно, ниже» [6, с. 84]. Справедливость этих важных выводов нельзя признать бесспорной, если проанализировать данные таблицы, на которую ссылается О. Р. Лацис. Из нее следует, что спад в темпах роста промышленности начинается на четвертом году пятилетки, который был объявлен завершающим, но наибольший размах приобрел в 1933 г. До этого же имел место стабильный рост производства, причем во втором и третьем годах пятилетки даже более быстрый по сравнению с первым годом, когда еще не было давления на экономику пресса форсированного роста. В то же время известно, что именно успешное выполнение заданий первого года пятилетки утвердило И. В. Сталина в необходимости форсирования темпов развития страны. XVI съезд партии отметил, что плановые задания первого года пятилетки перевыполнены. Рост валовой продукции планируемой промышленности составил в 1928/29 году 24% вместо 21,4% по плану, цензовой промышленности — соответственно 26,1 и 18,4% а всей промышленности — 20 и 15,6% [3, т. 5, с. 147].

В Политическом отчете ЦК XVI съезду партии И. В. Сталин назвал ряд факторов, которые, по его мнению, требовали форсированного развития промышленности. Так, анализируя статистические данные о развитии экономики СССР и США, он сделал вывод, что «мы дьявольски отстали в смысле уровня развития от передовых капиталистических стран... Только дальнейшее ускорение темпа развития нашей промышленности даст нам возможность догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны» [1, с. 28]. Позднее, в 1931 г., он скажет еще более определенно: мы отстали от западных стран на 50—100 лет, если мы не пробежим это расстояние за 10 лет, нас сомнут [15, т. 8, с. 131]. Однако новые годовые задания были нереальными. Они требовали увеличения планов капитального строительства, которые и без того были напряженными. Если в начале первой пятилетки объем незавершенного производства составлял 1,7 млрд р., или 31 % годовой суммы вложений, то в конце пятилетки — 13,7 млрд р., или 76% по отношению к плану капитальных работ на 1933 г. [5, с. 48]. В угольной промышленности, например, суммарная мощность строившихся шахт составляла на 1 января 1933 г. 142,3 млн т, в то время как мощность действовавших 437 шахт — 110,7 млн т [4, с. 289].

Говоря о гипертрофированных размерах нового строительства, нельзя не принимать во внимание большую роль капитального

строительства при переходе к индустриализации страны, когда создавались целые отрасли промышленности. Многие объекты, строительство которых началось в годы первой пятилетки, были введены в строй во второй, когда большие ассигнования предназначались на завершение начатого строительства. В результате в этот период было введено в строй 4500 новых предприятий, тогда как в первой пятилетке — 1500. И все же огромное перераспределение средств в пользу капитального строительства при ограниченных возможностях строительной индустрии было ошибочным решением, вызвавшим трудности и диспропорции в развитии целых отраслей промышленности, и прежде всего легкой. В конечном итоге это привело к замедлению развития всего народного хозяйства страны. Что же касается спада в темпах промышленного производства уже в годы первой пятилетки, о котором пишет О. Р. Лацис, то из нашей таблицы видно, что он имел место еще в 1931—1932 гг., не говоря о 1933 г. Но при этом нижняя точка падения только в 1932 г. пересекла отметку оптимального плана.

На наш взгляд, данные официальной статистики, в основе которых лежат стоимостные показатели, не позволяют категорично утверждать о катастрофических последствиях пересмотренных годовых заданий для судьбы первой пятилетки. Выработка подлинно научной концепции индустриализации страны может быть осуществлена только совместными усилиями экономистов и историков путем использования нетрадиционных методов анализа статистических источников, введения в научный оборот новых архивных документов.

Серьезную опасность старым представлениям о темпах нашего развития представляют попытки ряда экономистов раскрыть секреты статистики, подвергнуть критике методику подготовки статистической информации. Конечно, сейчас трудно определить масштабы приписок в 30-е годы, но очевидно, что фальсифицировать статистические данные, вывести «лукавую цифру» было проще, чем уничтожить руководителей переписи 1937 г. и утаить ее результаты. В. Селюнин и Г. Ханин пишут, что серьезные искажения информации обнаружились уже во второй половине 20-х годов, когда осуществлялся переход в учете от натуральных показателей к стоимостным, но особенно широкий размах этот процесс приобрел в годы первой пятилетки, когда началось быстрое обновление продукции, расширение ее ассортимента, появление новых отраслей промышленности [11, с. 188]. В этих условиях стоимостные показатели в значительной степени зависели от постоянно изменяющихся цен и не отражали действительных темпов развития экономики страны. Поэтому представляется перспективной попытка исследователей оценить результаты первой пятилетки на основе анализа натуральных показателей. В статье О. Р. Лациса проанализированы 15 натуральных показателей, причем наибольшее внимание привлекают 6 [6, с. 83]. Проведенный О. Р. Лацисом анализ показал, что ни по одному из 15 показателей в 1932 г. не были выполнены задания оптимального плана, а в 1933 г. вы-

полиены только по двум показателям. Однако некоторые из приводимых автором данных требуют уточнения.

Топливная промышленность в 30-х годах была представлена главным образом угольной, торфяной и нефтяной отраслями. Угольная промышленность достигла установленных заданий в 1933 г., как и предусматривалось оптимальным вариантом плана. А среднесуточная добыча нефти превысила плановые задания, установленные для 1933 г., уже в марте 1931 г. За весь 1931 г. было добыто 22,3 млн т нефти при плане на 1933 г. 22 млн т. Однако в последующие два года произошел незначительный спад производства, когда добывалось около 21,4 млн т. Тем не менее за четыре года было добыто около 76 млн т нефти, хотя предусматривалось добыть за пятилетие около 86 млн т [8, с. 208; 9, т. 1, с. 88]. Таким образом, задание пяти лет было выполнено во втором квартале 1933 г.

В области металлургии плановые задания по выплавке чугуна были достигнуты в 1934 г., но при этом нужно учитывать высокие темпы развития, позволившие превзойти уровень исходного 1927/28 хозяйственного года более чем в 3 раза [8, с. 200—220; 9, т. 1, с. 142—146].

Следует отметить, что не только субъективные просчеты и ошибки создавали преграды на пути развития отрасли. Большие трудности были связаны с тем, что новое строительство предприятий металлургии зачастую осуществлялось в необжитых районах. Так, именно в годы первой пятилетки началось создание второй угольно-металлургической базы страны [3, т. 5. с. 112].

Что касается машиностроения (в статье О. Р. Лациса рассматриваются две его отрасли — автомобильное и сельскохозяйственное), то из таблицы, приведенной автором, видно, что план по производству тракторов в 1932 г. не был выполнен. Между тем, если принимать во внимание не только показатели завершающего года пятилетки, но и объем производства за пятилетие в целом, то картина получится иная. Фактически только за четыре года было произведено около 100 тыс. тракторов при задании на пять лет 91 тыс. [8, с. 143; 9, т. 1, с. 142—146].

Сделанный О. Р. Лацисом анализ натуральных показателей позволяет в целом правильно определить основные тенденции в развитии промышленности в годы первой пятилетки, но не всегда дает однозначный вывод. В его таблице не нашли достаточного отражения некоторые отрасли промышленности, которые опережали по темпам роста средние показатели по всей индустрии. Известно, что наиболее быстрыми темпами развивались электротехническая промышленность, строительных материалов, лесная, и что особенно важно, все машиностроение в целом, в том числе энергетическое, транспортное, станкостроение и др. В соответствии с данными официальной статистики пятилетний план по машиностроению был выполнен за три года, а в 1932 г. — перевыполнен на 57%. За четыре года пятилетки продукция машиностроения возросла в 4 раза. СССР по этому показателю занял 2-е место

в мире после США. Резко вырос удельный вес машиностроения в валовой продукции промышленности. Если в 1913 г. он составлял 6,6%, в 1928 г.—9,3% то в 1932 г.—более 21% [5, с. 59, 64]. В то же время удельный вес хлопчатобумажной промышленности составлял в 1932 г. 7,6%, черной металлургии—3,7%, угольной—1,7%, нефтедобывающей—1,5% химической—0,8% [2, с. 17]. Эти данные свидетельствуют о том, что без учета в натуральном выражении или его стоимостном эквиваленте развития машиностроения в годы первой пятилетки невозможно получить достоверной картины индустриализации страны.

Задача заключается в том, чтобы на основе использования натуральных показателей не только проиллюстрировать пусть даже правильные выводы, но и всесторонне проанализировать сложный характер развития промышленности в годы первой пятилетки. Определенным шагом в этом направлении можно считать работу экономистов П. Медведева и И. Нита, хотя им удалось вычислить плановые и фактические значения приростов в годы первой пятилетки лишь по 37 натуральным показателям. По их данным, отправной вариант плана был выполнен по семи показателям, а оптимальный — по пяти, а плановые показатели приростов продукции — на 58% [7, с. 50]. Конечно, полученные результаты будут еще уточняться, но заслуживание поддержки стремление авторов выйти за рамки традиционного анализа натуральных показателей.

И последнее замечание. Какой бы справедливой критике ни подвергалась система управления экономикой, которая формировалась в годы первой пятилетки, вряд ли будет оправданной фетишизация собственно плана и показателей его выполнения. Тем более накопленный опыт показал крупные недостатки и самого принципа директивного планирования. Нельзя правильно определить масштабы пятилетки без учета человеческого фактора, роли народных масс, взрыва трудового энтузиазма, развития ударничества и т. д. Задания первого пятилетнего плана были чрезвычайно напряженными, на грани возможного. Необходимо сравнить сделанное в этот период с достигнутым на других этапах развития страны. Успехи в развитии тяжелой промышленности — это славная страница истории народа, а не командно-бюрократической системы. Неимоверные усилия трудящихся масс, их энтузиазм и устремленность в будущее ограничивали негативное воздействие жесткой централизации в управлении экономикой, допущенных ошибок и просчетов.

Советский Союз за кратчайший исторический срок превратился в индустриальную державу мира. По объему валовой промышленной продукции СССР переместился с 5-го места в мире в 1928 г. на 2-е (на 3-е, если сравнивать с уровнем производства в западных странах до кризисного падения, т. е. с 1929 г.), по производству электроэнергии — с 10-го на 6-е (7-е), чугуна — с 6-го на 2-е (5-е), по добыче угля — с 6-го на 4-е, нефти — с 3-го на 2-е, производству тракторов — с 4-го на 1-е (2-е), автомобилей — с 12-го на 6-е (7-е) и т. д. [5, с. 32; 14, с. 48].

Но нельзя забывать, что отставание от капиталистических стран преодолевалось за счет выкачивания средств из сельского хозяйства, резкого возрастания фонда накопления в национальном доходе, невнимания к развитию легкой промышленности, пренебрежительного отношения к насущным нуждам человека, эксплуатации трудового энтузиазма народных масс. Советский народ заплатил большую цену за превращение СССР из аграрной в индустриальную державу.

Список литературы: 1. XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стеногр. отчет. М.; Л., 1931. 2. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б): Стеногр. отчет. М., 1934. 3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1983—1989. 4. Второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР. М., 1934. Т. 1. 5. Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. М., 1933. 6. Лацис О. Проблема темпов в социалистическом строительстве // Коммунист. 1987. № 18. 7. Медведев П., Нит. И. Номинальные цели и реальная эффективность административного управления // Вопр. экономики. 1988. № 12. 8. Народное хозяйство СССР в 1958 г. М., 1959. 9. Пятилетний план народнохозяйственного строительства. М., 1930. Т. 1—2. 10. 5-летний План Развития Промышленности СССР. М., 1929. 11. Селюнин В., Ханин Г. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2. 12. Социалистическое строительство СССР. М., 1934. 13. Социалистическое строительство СССР. М., 1936. 14. СССР и капиталистический мир. М.; Л., 1934. 15. Сталин И. Сочинения. М., 1949. 16. Труд в СССР. М., 1936. 17. Известия.

Поступила в редколлегию 15.10.89

С. И. ПОСОХОВ

РАЗВИТИЕ НАУКИ В СССР В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК (НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ)

В реализации задач социально-экономического развития страны первостепенная роль принадлежит науке. Превращение науки в ведущий фактор общественного прогресса способствовало ее всестороннему изучению в последние десятилетия. Большой вклад в изучение НТП внесла историческая наука. Работы историков посвящены в основном социальным, общественно-политическим и идеологическим аспектам развития науки. Особый интерес в этом плане представляет период первых пятилеток (1928—1937), который характеризуется быстрым ростом науки.

В 20—30-е годы, несмотря на наличие серьезных трудностей, наука смогла решить стоявшие перед ней сложные задачи. Чем объясняется данный факт? Ответ на этот вопрос пытались дать многие исследователи, однако и до сих пор разработка проблемы далека до завершения, а многие ее аспекты требуют переосмысления с позиций сегодняшнего дня.

Проблема развития науки занимает одно из центральных мест в советской историографии культурного строительства. Среди

основных ее аспектов следует назвать взаимосвязь НТП, социально-экономического и общественно-политического развития в 20-30-е годы. Как отмечал известный экономист А. И. Анчишкин, «...социальные и экономические условия определяют общие направления развития науки, точнее, их результаты. От них в значительной и даже в решающей мере зависят масштабы и динамика развития науки. В общеисторическом аспекте эта связь выражается в определяющей роли производства для развития науки» [5, с. 215]. Быстрый рост науки исследователи связывают с индустриализацией, созданием новых отраслей промышленности, с практическими потребностями хозяйственного строительства [22 и др.]. Но связь науки с производством не осуществлялась автоматически. Именно в оторванности научных исследований от практики ряд авторов видят причины реорганизации управления промышленностью в 1929—1932 гг. [15, с. 117—120; и др.], перестройки АН СССР, других научных учреждений на рубеже 20—30-х годов [13; 23; и др.]. Но несмотря на это, как подчеркивает В. Д. Есаков, можно утверждать, что научное строительство было единовременным процессом практически для всех сторон социалистического строительства [13, с. 168]. Ко времени нападения фашистской Германии на СССР в стране производились широкомасштабные научно-технические исследования [14, с. 81; и др.].

Среди объективных факторов, влияющих на развитие науки, в исторической литературе большое внимание уделено общественно-политическим условиям, влиянию политической обстановки в стране, соотношению классовых сил, политике государства и др. Эти аспекты раскрываются в монографических исследованиях [8; 15; 23; и др.], в сборниках статей, посвященных вопросам культуры [27; и др.], в ряде обобщающих работ [24; 28 и др.]. Наиболее разработан вопрос государственного, партийного руководства наукой. В условиях сложной экономической и общественно-политической ситуации именно централизованное руководство наукой обеспечивало ее ускоренное развитие. Это отмечают не только советские, но и некоторые зарубежные авторы, в частности один из основателей науковедения Дж. Бернал [10]. К необходимости организации науки со стороны государства придут в послевоенное время все развитые страны мира. Среди главных направлений государственного руководства наукой следует выделить государственное планирование и финансирование науки, создание строгой системы организации всех звеньев научной деятельности [15, с. 80—81; и др.].

Государственное планирование научных исследований является одним из важнейших принципов общегосударственной политики в области науки [28, с. 265]. Вместе с тем этот вопрос лишь эпизодически освещался в работах по культурному строительству и практически не разрабатывался в обобщающих трудах по государственному планированию [16; и др.]. Определенным достижением в освещении данного вопроса стал недавно изданный

сборник статей «Исторический опыт планирования культурного строительства» [21]. Примечательно, что авторы сборника пошли по пути углубления исследований. Так, С. П. Стрекопытов попытался показать роль в планировании науки государственных органов, в частности НТО (научно-технического отдела) ВСНХ, Л. В. Иванова — значение такой общественной организации, как секция научных работников, в процессе осмысления новых условий и задач научной деятельности. Однако, на наш взгляд, до настоящего времени недостаточно внимания уделяется анализу сложного характера этого процесса. Лишь в некоторых работах последних лет отмечается, что вначале планирование являлось формальным, предпринимались попытки внедрения плановых начал без учета конкретной обстановки и наличия для этого необходимых условий [28, с. 20; и др.]. По мнению исследователей, принцип планирования превратился в неотъемлемый элемент системы партийно-государственного руководства наукой в конце 30-х годов.

Не менее важное значение имеет вопрос государственного финансирования научных разработок. Исследователи различных аспектов развития науки 20—30-х годов, так или иначе, затрагивают этот вопрос, используя главным образом материалы статистических справочников. Однако объективной необходимостью сегодняшнего дня стала задача создания специальной работы, посвященной финансированию науки.

Процесс формирования структурной организации науки в годы первых пятилеток разработан гораздо глубже. В этой области следует выделить четыре основных направления исследований: становление Академии наук как центра советской науки [3—4; 23; и др.], формирование сети научно-исследовательских учреждений [9; и др.], развитие вузовской науки [29; 35; и др.], организация и деятельность научных учреждений в национальных регионах [11; и др.]. Особый интерес представляет второе направление. Как известно, необходимость в создании научно-исследовательских институтов возникла еще на рубеже XIX—XX вв. [6, с. 158]. Но создание их стало возможным только после 1917 г. К 1940 г. в стране насчитывалось 786 научно-исследовательских институтов [26, с. 215]. И в этом большую роль сыграло государственное руководство наукой. Ибо, как отмечает В. Д. Есаков, без строгой системы организации научной деятельности не могло быть и речи о планомерном развитии научно-исследовательских работ [15, с. 80]. Без созданных в 20—30-е годы научно-исследовательских учреждений были бы невозможны всемирно известные научные достижения [25, с. 12]. Безусловно, путь организационного построения науки был сложным и противоречивым. Так, в исторической литературе, посвященной вузовской науке, указывается, что в конце 20-х — начале 30-х годов развитие научно-исследовательских подразделений в системе вузов страны осуществлялось медленными темпами. Часто работники народных комиссариатов и системы высшего образования считали, что вузы

не должны заниматься научно-исследовательской работой, что им следует ограничиться учебно-педагогической деятельностью [35, с. 190]. Эти и другие трудности, о которых уже шла речь, к сожалению, не получили должного освещения в литературе, хотя, по нашему мнению, они — не что иное, как отрицательные проявления той же централизованной системы управления наукой.

Относительно самостоятельной темой в историографии культурного строительства является формирование и рост научных кадров. Эта проблема разработана как в исторических [30—31; 34; и др.], так и историографических работах [20]. Вместе с тем ряд ее аспектов требует более глубокого осмысления.

Предоставив право поступления в вузы для выходцев из широких слоев общества, Советская власть не только совершила определенный переворот в социальной сфере, но и во многом определила пути развития науки. Бесспорно, этот факт способствовал повышению культурного уровня сотен тысяч людей. Так, С. А. Федюкин приводит следующие данные: если за первые десять лет Советской власти было подготовлено около 150 тыс. специалистов высшей квалификации, то за годы первой пятилетки — 170 тыс., второй — 370 тыс. [32, с. 25]. Численность же научных сотрудников возросла с 10,2 тыс. в 1914 г. до 80 тыс. в 1937 г. [26, с. 216]. Однако следует отметить, что в современной советской историографии не всегда дается объективный анализ приведенных сведений. Нельзя обходить вниманием отрицательные последствия процесса формирования новой интеллигенции, в частности сравнительно низкий профессиональный уровень новых кадров [33, с. 76]. Именно в этом, по мнению некоторых исследователей, коренится одна из причин некоторого застоя в ряде научных областей [2, с. 28]. В начале разработки пребывает вопрос о степени ущерба, нанесенного делу подготовки и воспитания научных кадров в ходе репрессий, имевших место в 30-е годы.

Тесно связанным с общественно-политической жизнью страны является вопрос о мировоззрении деятелей науки. Особое внимание в исторической литературе уделено политической перерождению ученых. Значительное влияние на него оказало уже первое советское десятилетие [7; и др.]. Общепризнанным является тот факт, что этот процесс был характерен и для периода первых пятилеток, а в первые годы Советской власти, как справедливо отмечал А. В. Кольцов, лишь начался сложный и длительный процесс привлечения ученых к активному участию в социалистическом строительстве [23, с. 18]. На длительность и трудность решения этой задачи в свое время указывал В. И. Ленин. Он подчеркивал, что необходимо «...подходить к специалистам науки и техники... чрезвычайно осторожно и умело, учась у них и помогая им расширять свой кругозор, исходя из завоеваний и данных соответственной науки...» [1, т. 42, с. 346]. Вместе с тем в ряде обобщающих работ по истории науки, в частности истории Академии наук [3], анализ сложности политической эволюции ограничивается периодом до середины 20-х годов, хотя ут-

верждение о том, что к этому времени предпосылки для перехода на новые политические позиции были созданы, является ошибочным. Л. М. Зак, С. А. Федюкин, В. А. Ульяновская и другие авторы [18, с. 95; 30, с. 51; 31, с. 376] указывают на сложность и противоречивость данного процесса и в годы первых пятилеток. Отнюдь не способствовали быстрому переходу научной интеллигенции на новые политические позиции в этот период негативные проявления усиливающегося культа личности. К сожалению, исследователи лишь кратко упоминали о таких фактах. До недавнего времени исключение составляли только, пожалуй, обобщающие работы С. А. Федюкина [31—32; 34]. В частности, автор проанализировал последствия для развития науки такого явления, как борьба с вредительством [31]. Причины подобных явлений скрыты прежде всего в политической системе 20—30-х годов. В то же время изучение таких явлений должно быть дополнено выяснением действительных форм вредительства и саботажа в научной среде.

Раскрытие сложности идейной эволюции научной интеллигенции невозможно без анализа различных точек зрения на интеллигенцию и ее роль в обществе, которые имели место в Коммунистической партии в рассматриваемый период, в том числе в рядах разного рода «оппозиций». Несмотря на обширную литературу, посвященную роли партии в указанном процессе, данная проблема до сих пор, за исключением нескольких работ [36; и др.], почти не изучалась. Лишь в последнее время в советской историографии получила освещение такая важная тема, как влияние большевистской партийной интеллигенции на формирование и воспитание научных кадров [19; и др.]. Между тем в АН СССР в 1929 г. коммунисты составляли 20 % действительных членов академии [30, с. 192]. К тому же, как известно, 30-е годы буквально заполнены мероприятиями идеологического характера, значительное количество принимавшихся тогда партийных решений по вопросам науки носило идеологическую окраску, что зачастую имело отрицательные последствия.

Активно разрабатывается в последнее время проблема привлечения научных специалистов к преобразованиям, происходившим в обществе, через деятельность общественных организаций [12; 18].

Таким образом, к настоящему моменту разработаны основные направления рассматриваемой нами проблемы, вышли в свет первые историографические работы [17; 20]. Вместе с тем советской исторической науке предстоит решить такие вопросы, как определение степени негативного влияния централизованной системы планирования и управления наукой, анализ различных взглядов на науку, существовавших в рядах Коммунистической партии в данный период, влияние идеологических кампаний на процесс формирования и воспитания научных кадров и др. Эти исследования позволяют не только глубже понять процесс развития науки, осмыслить определяющие его факторы, но и, в известном смысле, помогут в понимании общественного развития страны в целом.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Абрашнев М. М., Джигиев А. М. 50 лет ленинского союза философов-материалистов и естествоиспытателей. Горький, 1967. 3. Академия наук СССР: Крат. ист. очерк: В 2 т. М., 1977. Т. 2. 4. Академия наук СССР: Крат. ист. очерк. М., 1974. 5. Анчишкин А. И. Наука — техника — экономика. М., 1986. 6. Бастракова М. С. Организационные тенденции русской науки в начале XX в. // Организация научной деятельности. М., 1968. 7. Бастракова М. С. Становление советской системы организации науки (1917—1922). М., 1973; Запоров И. П. Первые мероприятия Советского государства по повышению творческой активности научных работников // Советы и творчество масс. М., 1986. 8. Беляев Е. А. КПСС и организация науки в СССР. М., 1982. 9. Беляев Е. А., Пышнова Е. С. Формирование и развитие сети научных учреждений СССР. М., 1979; Соболева Е. В. Из истории организации советской науки в 1926—1932 гг. // Исторические тенденции и опыт развития отечественной науки и техники. К., 1988. 10. Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956. 11. Брега Г. С. Сотрудничество советских республик в области науки в годы первой пятилетки. К., 1978; Кольцов А. В. Роль Академии наук в организации региональных научных центров СССР. 1917—1961. Л., 1988. 12. Ермаков В. Т., Ермаков Л. В. Место общественных организаций в руководстве культурным строительством в годы довоенных пятилеток // Духовный потенциал СССР накануне Великой Отечественной войны. М., 1985; Фортунатов В. В. Секция научных работников как проводник идейного влияния Коммунистической партии на старую интеллигенцию 1923—1934 // Исторический опыт борьбы КПСС против буржуазной идеологии, оппортунизма и современность. Л., 1979. 13. Есаков В. Д. Об организации научно-исследовательской работы для народного хозяйства в годы первой пятилетки // Культурная революция в СССР. М., 1967. 14. Есаков В. Д. Расширение фронта научных исследований в предвоенные годы // Духовный потенциал СССР накануне Великой Отечественной войны. М., 1985. 15. Есаков В. Д. Советская наука в годы первой пятилетки: Основные направления руководства наукой. М., 1971. 16. Залкинд А. И., Мирошниченко Б. П. Очерки развития народно-хозяйственного планирования. М., 1980; Сорокин Г. М. Планирование народного хозяйства СССР. М., 1968. 17. Зак Л. М. История изучения советской культуры. М., 1981; Зак Л. М. Некоторые проблемы современной историографии истории культуры народов СССР // Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества. Свердловск, 1974. 18. Зак Л. М. Создание и деятельность ВАРНИТСО // История СССР. 1959. № 6. 19. Иванова Л. В. Партийная интеллигенция и задача ее изучения историками культуры // Духовный потенциал СССР накануне Великой Отечественной войны. М., 1985. 20. Иванова Л. В. Проблемы формирования научной интеллигенции СССР в советской историографии // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976; Федюкин С. А. Некоторые аспекты изучения истории советской интеллигенции // Вопр. истории. 1980. № 9. 21. Исторический опыт планирования культурного строительства в СССР. М., 1988. 22. История социалистической экономики СССР: В 7 т. М., 1977. Т. 3; Чуфаров В. Г. Победа социализма и решающие успехи культурной революции в СССР // Культурная революция в СССР и духовное развитие советского общества. Свердловск, 1974. 23. Кольцов А. В. Развитие Академии наук как высшего научного учреждения СССР. 1926—1932. Л., 1982. 24. КПСС во главе культурной революции в СССР. М., 1977; Становление и развитие социалистической культуры (1917—1939 гг.). Л., 1984. 25. Миллиончиков М. Д. Организационные условия научной деятельности // Организация научной деятельности. М., 1968. 26. Митрякова Н. М. Структура, научные учреждения и кадры АН СССР. 1917—1941 гг. // Организация научной деятельности. М., 1968. 27. Организация научной деятельности. М., 1968; Из истории советской культуры. 1917—1941 гг. М., 1985. 28. Советская культура в реконструктивный период 1928—1941 гг. М., 1988. 29. Украинцев В. В. КПСС — организатор революционного преобразования высшей школы. М., 1963; Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы (1917—1938 гг.). Уфа, 1973. 30. Ульяновская В. А. Формирование научной интеллигенции. 1917—1937 гг. М., 1966. 31. Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. 32. Федюкин С. А.

Деятельность КПСС по формированию советской интеллигенции. М., 1984. 33. Федюкин С. А. Некоторые особенности формирования интеллигенции в 30-е годы // Духовный потенциал СССР накануне Великой Отечественной войны. М., 1985. 34. Федюкин С. А. Партия и интеллигенция. М., 1983. 35. Чанбарисов Ш. Х. Формирование советской университетской системы. М., 1988. 36. Ярошевский М. Г. Проблемы теории науки и искусства в работах Н. И. Бухарина // Вопр. филос. 1988. № 10.

Поступила в редколлегию 30.10.89

А. И. ЭПШТЕЙН, д-р ист. наук, С. М. КУДЕЛКО, канд. ист. наук

МЕМУАРЫ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ РОДНОГО КРАЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Мемуары являются одним из важных исторических источников. В них содержатся конкретные подробности, детали, описание событий, происходивших в определенный исторический период, перечисляются участники этих событий, передаются их настроения и т. п. В мемуарах, дневниках отражена не только история отдельных республик или регионов, но и предприятий, учреждений и др.

Мемуары публиковались отдельными изданиями [4], в сборниках [3], газетах и журналах [1]. Даже краткий перечень мест их публикации показывает, насколько широк круг их местонахождения. Но еще больше мемуарных источников, хранящихся в архивах, музеях, в том числе народных, школьных, не опубликовано. Так, в Харьковском историческом музее имеется фонд мемуаров строителей и работников ХТЗ им. С. Орджоникидзе, в квартире-музее М. И. Калинина в Москве хранятся мемуары рабочего Н. Н. Локтева, участника строительства днепровского алюминиевого комбината. Приведем следующий пример. Общеизвестно, что в 1932 г. М. И. Калинин и Г. К. Орджоникидзе побывали на Днепрострое. После осмотра стройки Днепровской ГЭС они переправились на левый берег Днепра, на так называемую промплощадку, где строились заводы — будущие потребители энергии Днепрогэса. Однако в архивных документах, газетных сообщениях опущены многие интересные подробности о встрече М. И. Калинина и Г. К. Орджоникидзе со строителями. Н. Н. Локтев вспоминал, что весть о приезде двух членов Политбюро партии быстро облетела всех участников строительства алюминиевого комбината. На стихийный митинг собралось несколько тысяч человек. Начальник строительства Н. Г. Мышков (до этого он работал в Харькове, в тот период столице Украины, заместителем председателя ВСНХ УССР, затем был первым начальником строительства ХТЗ) попытался отрапортовать, но Г. К. Орджоникидзе сказал: «Не надо. Не рапортуй. Ты лучше скажи, когда алюминий дашь?». И обратился к собравшимся: «Что это я его спрашиваю? Разве он может комбинат построить? Вы должны это сделать. Алюминий нужен вот так (рукой он провел по

горлу). Маленького Волховского завода не хватает. Ждет страна днепровский алюминий». В это время в небе пролетел самолет, что по тем временам было целым событием. Г. К. Орджоникидзе, воспользовавшись моментом, сказал: «Видели, птичка пролетела? Из алюминия ее надо строить. А вы думаете, что на Западе есть такие чудачки, которые придут к нам и скажут: нате вам алюминий, стройте больше самолетов, чтобы Страна Советов крепче была. Нет, таких чудачков там нет, свой алюминий надо иметь». Затем перед присутствующими выступил М. И. Калинин. На его приветствие тысячи людей хором ответили: «Здравствуй, Михаил Иванович!». М. И. Калинин говорил о задачах строительства социализма, о связи между ростом производства и повышением материального благосостояния народа, о месте будущего комплекса в экономике СССР, о том, как страна ждет завершения его строительства. Характерна оценка его выступления, данная старым рабочим, присутствовавшим на митинге: «Разве это доклад? Это — отец вышел и говорил с детьми как дальше жить надо» [6].

Этот маленький эпизод важен не только для изучения истории Днепровской ГЭС, но и истории Запорожской области и всей Украинской ССР. В нем отразился ленинский стиль партии, умение ее лидеров доносить свои идеи до широких масс народа. Можно соглашаться или не соглашаться с оценками мемуариста, но в них отразились дух того времени, психология людей той эпохи.

Еще больше ненаписанных мемуаров — той устной истории, которая обязательно должна быть зафиксирована и сохранена для потомков. Выступления ветеранов партии, труда и войны изобилуют яркими подробностями тех или иных событий, уникальными сведениями о быте, жизни населения того или иного края и др. Так, выступая на вечере, посвященном памяти П. И. Свищуна, начальника строительства и директора ХТЗ, один из ветеранов завода вспоминал: грязь в поселке строителей, пока не замостили улицы, была такая непролазная, что ботинки портились за несколько дней. Поэтому он купил галоши, но и они не помогали, как и веревки, которыми он их привязывал. Наконец, он нашел выход — прибил галоши к ботинкам гвоздями (записано А. И. Эпштейном). Какой документ, какие газетные сообщения передадут нам столь образные подробности трудностей быта первых строителей ХТЗ? Как историку-краеведу, например, не использовать описание молодых горных инженеров А. Л. Терпигоревым жилищных условий рабочих Донбасса, не привести его заключения о жизни рабочих до революции: «...землянки больше напоминали собачьи конуры, чем человеческое жилье» [12, с. 43]. Эти воспоминания — проявление устной исторической традиции.

Многие мемуары написаны деятелями науки и искусства [11]. Без использования их воспоминаний невозможно представить себе изучение истории развития культуры. В мемуарах деятелей науки

и искусства немало страниц, отражающих исторические события, не связанные с их профессией.

Сегодня, когда необычайно возрос интерес к отдельным личностям, когда мы возвращаемся к ленинским истокам партии, большое значение приобретают мемуары, в которых воссоздается облик бойцов ленинской гвардии, зачастую искаженный в ходе различных деформаций социализма. Одна из задач краеведов в этом направлении — сохранить воспоминания ветеранов партии как источник для изучения прошлого нашей страны. Краеведы обязаны разыскать людей, переживших сталинские репрессии, записать и отредактировать их воспоминания, организовать их хранение, систематизацию, публикацию. Пока эта работа ведется в основном литераторами (Лев Разгон, Лидия Гинзбург, Анатолий Жигулин). Может быть, стоит подумать о возрождении связанной с именем А. М. Горького традиции создания кабинетов мемуаров.

В последнее время опубликован ряд сборников, посвященных видным деятелям партии [8; 10]. Как правило, в них мемуары помещены наряду с очерками и статьями.

Различные периоды отечественной истории неодинаково освещены в опубликованных мемуарных источниках. Большинство из них посвящено революционным событиям, Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войне и Великой Отечественной войне.

Глубоко ошибочной является мысль о том, что мемуары — это лишь свидетельства о прошлом. Существует значительное количество мемуарных источников, в которых описываемые события вплотную соприкасаются с современностью. Это воспоминания участников освоения целинных и залежных земель, строителей новых предприятий, новаторов производства, партийных и советских руководителей и других наших современников.

Мемуары освещают разнообразный круг проблем — революционные, боевые и трудовые подвиги советских людей, трудности преобразования страны. Содержащиеся в них факты, на первый взгляд незначительные, могут рассказать о многом современному читателю. Например, рабочая частушка, которую сохранили для нас мемуары. В воспоминаниях одного из участников строительства Эсхара В. И. Юсима приводится бытовавшая на стройке частушка: «Где в степи жужжал комар, расселился там Эсхар». Этот мемуарист вспоминал, что в первый же день пребывания на стройке ему бросился в глаза болезненный вид многих рабочих, среди которых свирепствовала малярия [13]. Потребовались серьезные санитарно-эпидемиологические меры, чтобы ликвидировать заболевание. Участника строительства, впоследствии рабочая ХТЗ Е. А. Скрыль, рассказывала, что когда комсомольцы Ближнюковского района после окончания курсов каменщиков в Лозовой ехали на тракторострой, они переделали слова известной песни:

*«Наш паровоз вперед лети,
В коммуне — остановка.
В руках у нас кельма и молоток,
А впереди большая стройка!»*

Из ее воспоминаний мы узнаем о работе и репертуаре агитбригады «Синяя блуза»:

*«Здесь было поле чистое и ветер век гулял,
Но план наш большевистский, смотрите, что создал!
Дома стоят готовые, цеха большие новые,
Гудки вот скоро загудят» [5].*

Не следует оценивать эти стихи с позиции высокой эстетической требовательности; их создавали люди, только овладевшие элементарной грамотностью. Но как отразились в них пафос нового строительства, исторический оптимизм, чувство сопричастности к большим событиям, меняющим облик страны.

Давид Новоплянский, ветеран журналистики, до 1932 г. работавший в литейном цехе харьковского завода «Серп и Молот», вспоминал: «В нашем литейном цехе работало много участников революции 1905 года, легендарной первой маевки харьковского пролетариата 1900 года. Мы преклонялись перед ними. Цеховая партиячка наполовину состояла из большевиков с дореволюционным стажем» [7]. Позже молодой рабкор учился в Коммунистическом институте журналистики, работал в центральном органе партии. Воспоминания воспитанника рабочего класса Украины, ветерана-правдиста, являются незаменимым источником для воссоздания истории трудового коллектива завода «Серп и Молот», Харькова и республики в целом. Они позволяют составить представление о структуре рабочего класса, роли его кадрового ядра, настроении молодежи.

Мемуары как краеведческий и исторический источник требуют к себе критического подхода. Их недостатки связаны с пробелами в человеческой памяти, стремлением авторов (вольным или невольным) преувеличить свою роль в тех или иных событиях, желанием писать об общеизвестном и др. Так, например, в изданном сборнике материалов о П. П. Постышеве [10] помещены воспоминания П. Л. Рудима, который в первые годы строительства ХТЗ работал председателем постройкома. Он вспоминал, что специалистам Харьковского паровозостроительного завода, его директору И. П. Бондаренко было поручено подготовить справки, материалы и экономические расчеты по строительству тракторного гиганта [10, с. 252]. Но директором ХПЗ в это время был Г. Наконечный, а И. Бондаренко стал им в 1933 г. Затем автор утверждает, что комиссия, которая приехала в Харьков для выбора места строительства тракторостроя, возглавлял председатель ВСНХ Г. К. Орджоникидзе [9]. Между тем он занял эту должность только 30 ноября 1930 г. Прибывшую в Харьков в сентябре 1929 г. комиссию возглавлял член Президиума ВСНХ А. Н. Долгов [11, с. 33].

Мемуарам свойствен субъективизм. В этом их достоинство и недостаток. Историк, краевед должен преодолеть слабые стороны мемуаристики. Приведем такой пример. В воспоминаниях С. З. Гинзбурга по существу все заслуги в освоении производства ХТЗ приписаны А. Д. Брускину (в то время главному инженеру, а затем и директору ХТЗ) [2]. Не умаляя его заслуг, отметим, что нельзя недооценивать вклад в развитие завода Н. И. Свистуна, сначала начальника строительства, а впоследствии директора ХТЗ. Отсюда понятна необходимость критического отношения к мемуарам, важность их сопоставления с другими источниками.

Задача историков, краеведов заключается не только в использовании опубликованных воспоминаний, но и в организации поиска людей, которые могли бы их написать, в оказании им всесторонней поддержки. Рядом с нами работает немало участников важных событий как прошлого, так и настоящего. Сколько интересного и поучительного, полезного для воспитания молодежи могли бы рассказать эти люди. Поэтому краеведы должны принять активное участие в сборе, сохранении и использовании мемуарных памятников по истории родного края.

Список литературы: 1. Басков В. С. Записки строителя // *Вопр. истории*. 1966. № 3; Вернер Еггерг. Оптимизм победителей // *Правда*. 1972. 30 апр.; *Лжевський В. І.* Зустріч з Г. І. Петровським // *Укр. іст. журн.* 1962. № 2; Каверин В. Несколько лет // *Новый мир*. 1966. № 1; Кышев И. Всплываясь в себя // *Правда Украины*. 1968. 22 июня; Колесников В. Так народжувався «Есхар» // *Вечірній Харків*. 1971. 22 грудня; и др. 2. Гинзбург С. З. О прошлом для будущего. М., 1983. 3. *Говорят строители социализма*. М., 1957; О Валериане Куйбышеве: Воспоминания, очерки, статьи. М., 1983; Страницы памяти. О планах, планировании и плановиках. М., 1987; Участницы великого созидания. М., 1962; и др. 4. Кривицкий А. Не забуду вовек. М., 1964; Чуковский Корней. Из воспоминаний. М., 1959; Курская А. С. Пережитое. М., 1965; Ковтун А. И. В те довоенные годы; и др. 5. *История Харьковского тракторного завода им. Г. К. Орджоникидзе*: Сб. документов и материалов. Х., 1960. Т. 1. 6. *Квартира-музей М. И. Калинина в Москве* (Фонд документов. Инв. № РФ 1012). 7. Новоплянский Д. По письмам читателей // *Солдаты слова*. Рассказывают ветераны советской журналистики. М., 1981. Кн. 3. 8. О Валериане Куйбышеве: Воспоминания, очерки, статьи. М., 1983; О Михаиле Фрунзе: Воспоминания, очерки, статьи современников. М., 1986; и др. 9. *Орджоникидзе* Г. К. Статьи и речи. М., 1957. Т. 2. 10. Павел Постышев. Воспоминания, выступления, письма. М., 1987. 11. Смолич Ю. К. Рассказ о непокое: Страницы воспоминаний об украинской литературной жизни минувших лет. М., 1976; Коненков С. Т. Мой век: Воспоминания. М., 1988; Образцов С. В. Моя профессия. М., 1981; Емельянов В. С. О времени, товарищах, о себе // *Новый мир*. 1967. № 1; Пророков Б. И. О времени и о себе: Воспоминания. Некоторые заметки военного художника. Из дневников 1956—1972 гг. М., 1979; и др. 12. Терпигорев А. М. Воспоминания горного инженера. М., 1956. 13. Юсим В. И. Эсхар // *Сделаем Россию электрической*. М.; Л., 1961.

Поступила в редколлегию 13.08.89

Ф. ЭНГЕЛЬС О ПРЕДШЕСТВЕННИКАХ ПРОЛЕТАРИАТА

Предыстория рабочего класса относится к числу тем перво-степенной важности, привлекающих пристальное внимание многочисленных исследователей. Обусловлено это тем, что научная характеристика современного рабочего класса, являющегося ведущей силой мирового общественного развития, невозможна без обращения к его «истокам». Трактовка этой темы в литературе неоднозначна. Для немарксистской историографии характерно традиционное отождествление средневековой «черни», «плебса» с пролетариатом эпохи промышленной революции [3, с. 335—337]. В последние десятилетия многие немарксистские историки и социологи, изучающие «низшие», «внесловные», «маргинальные» слои средневекового общества, отстаивают тезис об отсутствии у них общих социальных черт и признаков [4, с. 35; 5, с. 345—346; 6, с. 9—10]. Общей чертой многих работ такого рода является недооценка роли плебса в социальных движениях средневековья и раннебуржуазных революциях XVI—XVIII вв. Разноречивые оценки предшественников пролетариата высказываются и в современной марксистской литературе [7, с. 63—66]. Отмеченные выше обстоятельства обусловили необходимость анализа относящихся к названной теме работ и высказываний Ф. Энгельса, которые должны учитываться при дальнейшей разработке марксистского учения о рабочем классе.

К. Маркс и Ф. Энгельс определяли рабочий класс как социальную категорию непосредственных производителей, лишенных средств производства, живущих продажей своей рабочей силы и подвергающихся эксплуатации со стороны капитала. При этом основоположники марксизма подчеркивали, что рабочий класс приобрел зримо различные очертания в результате длительного исторического развития. Гранью, которая отделяет рабочий класс от его предшественников, они считали промышленный переворот конца XVIII в. Уже в работе «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельс назвал пролетариат «самым важным детищем... промышленного переворота» [1, т. 2, с. 256].

В истории возникновения пролетариата Ф. Энгельс выделял три основных этапа: городской плебс феодальной эпохи; плебс эпохи генезиса капитализма, в среде которого формировался предпролетариат; пролетариат эпохи промышленной революции. Анализ этих этапов позволил ему охарактеризовать социальный облик общественное сознание, революционную борьбу предшественников рабочего класса.

Появление и существование плебса в средневековом обществе Ф. Энгельс связывал с тем, что цеховое производство, составлявшее основу экономики средневекового города, не могло удовлетворить все потребности общества и дополнялось внецеховым трудом. «Нужда городов в подневной работе создала плебс», — отме-

чали К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» [1, т. 3, с. 51]. Особенностью средневекового производства в городе являлось то, что в цехах применялся квалифицированный труд, выступавший в качестве сословного капитала, непосредственно связанного с «вполне определенным трудом владельца» [Там же, с. 52]. Если же «труд не требовал выучки и поэтому носил не цеховой, а поденный характер, то работники не могли организоваться и навсегда оставались неорганизованными плебеями» [Там же, с. 51]. Одним из основных источников формирования плебса Ф. Энгельс считал беглых крепостных, а также «выброшенных из своих насиженных мест крестьян и уволенных слуг» [1, т. 7, с. 355]. Кроме того, в состав плебса входили люмпен-пролетарии, «которые встречаются уже на низших ступенях развития городов» [Там же, с. 354].

Классовые выступления плебса в феодальном обществе XI—XV вв., по мнению Ф. Энгельса, обнажали его внутреннюю разнородность и неорганизованность. Средневековый плебс был бессилен «вследствие того, что он состоял из чуждых друг другу, пришедших туда поодиночке индивидов, которые неорганизовано противостояли организованной, по-военски снаряженной и ревниво следившей за ними силе» [Там же, с. 51]. Эти выступления плебса, как правило, не сливались с волнениями учеников и подмастерьев, которые «не шли дальше мелких столкновений в рамках отдельных цехов, столкновений, неразрывно связанных с самим существованием цехового строя» [Там же, с. 52].

Положение плебса в обществе не изменилось и с началом эпохи генезиса капитализма. «Плебен,— писал Ф. Энгельс в «Крестьянской войне в Германии»,— в то время были единственным классом, находившимся совершенно вне существующего феодального общества. Они стояли как вне феодальных, так и вне бюргерских связей. Они не обладали ни привилегиями, ни собственностью; у них не было даже обремененного тяжелыми повинностями владения, которое имелось у крестьян и мелких бюргеров. Они были во всех отношениях неимущи и неправы: условия их существования не имели никакого непосредственного касательства к действовавшим в то время учреждениям, которые их совершенно игнорировали» [1, т. 7, с. 363]. В более поздних работах, а также письмах Ф. Энгельс отмечал, что плебс представлял собой бесправную часть населения, которая находилась «вне сословного порядка» [1, т. 37, с. 126], «вне феодальной структуры» [1, т. 39, с. 399], не принадлежала «ни к какому определенному сословию» [1, т. 21, с. 314].

Но вместе с тем зарождение капиталистических отношений способствовало изменению источников пополнения, структуры, общественного сознания плебса, наложило заметный отпечаток на его революционные выступления. Главным источником формирования плебса в эпоху генезиса капитализма Ф. Энгельс считал пауперов, нищих и бродяг. Он констатировал, что «во всех развитых странах количество бродяг никогда не было так велико,

как в первой половине XVI века» [1, т. 7, с. 354]. Неоднократно подчеркивая крестьянское происхождение основной массы пауперов, Ф. Энгельс вместе с тем отмечал, что в отличие от средневековой это были уже не беглые крепостные, а жертвы массовой экспроприации крестьянства, вызванной процессом первоначального накопления капитала. Рассматривая этот процесс в Англии, Ф. Энгельс показал, что разорившиеся мелкие арендаторы и крестьяне «стали сельскими батраками и зависимыми от заработной платы ткачами, из них рекрутировалась та масса, которая, вливаясь в города, увеличивала их с такой удивительной быстротой» [1, т. 1, с. 607].

Общеввропейским явлением в эпоху генезиса капитализма Ф. Энгельс считал роспуск войск, упразднение феодальных дружин, разорение городских и сельских ремесленников. Вся эта пестрая масса также пополняла ряды плебса. Наконец, в плебс вливались многие подмастерья и ученики. Если в период развитого феодализма они, пройдя стадию обучения, имели реальную возможность стать мастерами, то во второй половине XV в. начался процесс «замыкания» цехов. «...И соответственно тому, как средневековый цеховой мастер развивался в современного буржуа, цеховой подмастерье и внецеховой поденщик развивались в пролетариев» [1, т. 20, с. 17].

Рост плебейской массы в эпоху генезиса капитализма опережал развитие мануфактурного производства. Поэтому часть деклассированных элементов «в военное время нанимались в армии, другая бродила по деревням, занимаясь попрошайничеством, наконец, третья добывала свое скудное пропитание в городах поденной работой и другими занятиями, не требовавшими принадлежности к какому-либо цеху» [1, т. 7, с. 354—355]. Таким образом, Ф. Энгельс пришел к важному выводу о том, что лишённые средств производства крестьяне и ремесленники были лишь потенциальными наемными рабочими. Но как ни узок был в эпоху генезиса капитализма рынок рабочей силы, зарождение капиталистического производства повлекло за собой формирование в среде плебеев «зачаточного пролетарского элемента», который постепенно превращался в новую социальную группу — предпролетариат. Впервые это понятие Ф. Энгельс употребил в письме к К. Каутскому от 21 мая 1895 г. В нем он писал о необходимости всестороннего исследования того, как постепенно с распадом феодальных связей из плебейских элементов «образуется тот предпролетариат, который в 1789 г. совершил революцию в парижских предместьях, вобрав в себя всех отверженных феодального и цехового общества» [1, т. 39, с. 399]. Прослеживая в общих чертах эту эволюцию, Ф. Энгельс отмечал, что если в конце XV — начале XVI вв. предпролетариат выступал в виде зарождавшихся пролетарских элементов, которые составляли малочисленное ядро плебса, то в XVIII в. он уже определял социальный облик плебейских масс и являлся непосредственным предшественником пролетариата эпохи промышленной революции.

Костяк формирующихся «пролетарских элементов» составляли мануфактурные рабочие, которых Ф. Энгельс охарактеризовал как прогрессивную производительную силу общества, связанную с передовыми, постоянно совершенствующимися средствами производства.

Ф. Энгельс обратил внимание и на то, что возникавший в ходе первоначального накопления капитала пролетариат уже в эмбриональной стадии развития выдвинул идеологов, которые не только отразили его непосредственные интересы, но и наметили контуры будущего справедливого общественного устройства. Впервые в исторической литературе Ф. Энгельс сумел объективно оценить подлинный смысл учения и деятельности Томаса Мюнцера. Если католические и протестантские историки заклеили Мюнцера как смутьяна и мятежника, если представитель либерально-демократического направления буржуазной историографии В. Циммерман видел отличие Мюнцера от Лютера лишь в том, что первый стремился к более последовательному осуществлению принципов Реформации [2, с. 136], то Ф. Энгельс, блестяще применив метод исторического материализма в конкретном историческом исследовании, в работе «Крестьянская война в Германии» показал выдающегося революционера XVI в. провозвестником идей того класса, который призван упразднить эксплуатацию человека человеком и построить справедливое общество, где власть будет принадлежать народу. Разумеется, Ф. Энгельс отмечал, что учение Мюнцера было сформулировано в религиозной форме, что его призыв к равенству был лишь стихийной реакцией на вопиющую социальную несправедливость того общества, в котором он жил, что в Германии XVI в. не было еще объективных условий для осуществления его планов. Но вместе с тем Ф. Энгельс подчеркивал, что как зародышевая форма идеологии пролетариата, как гениальное предвосхищение коммунистических идеалов и обоснование решающей роли народных масс в борьбе за свободу и равенство учение Мюнцера намного превосходило все политические теории его времени. Оценивая в целом идеи этого мыслителя, Ф. Энгельс писал: «Подобно тому, как религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму, его политическая программа была близка к коммунизму, и даже накануне февральской революции (буржуазной революции 1848 г.— *авт.*) многие современные коммунистические секты не обладали таким богатым теоретическим арсеналом, каким располагали «мюнцерцы» в XVI веке» [1, т. 7, с. 371].

Зарождение капиталистических отношений в промышленности и сельском хозяйстве, появление новых классов — буржуазии и пролетариата — существенным образом изменили характер классовой борьбы в эпоху генезиса капитализма. Исследуя эту проблему, Ф. Энгельс определил границу, отделявшую классовую борьбу средневековья от революционных битв нового времени. Таким рубежом он считал Реформацию и Крестьянскую войну в Германии. В заметках к «Крестьянской войне» Ф. Энгельс писал: «Реформация — лютеранская и кальвинистская — это бур-

жуазная революция № 1 с Крестьянской войной в качестве критического эпизода» [1, т. 21, с. 417].

Существенным моментом, отличавшим революционные события первой четверти XVI в. в Германии от антифеодальных выступлений периода развитого феодализма, Ф. Энгельс считал участие в революционном движении предпролетариата. «В то время как горожане и дворянство еще продолжали между собой драку,— замечал он,— немецкая Крестьянская война пророчески указала на грядущие классовые битвы, ибо в ней на арену выступили не только восставшие крестьяне,— в этом уже не было ничего нового,— но за ними показались предшественники современного пролетариата с красным знаменем в руках и с требованием общности имущества на устах» [1, т. 20, с. 345]. Однако пролетарские элементы не играли в то время ведущей роли среди остальных прослоек плебса, и лишь в кульминационный момент Крестьянской войны— в восстании 1525 г. в Тюрингии под непосредственным влиянием Мюнцера и его учеников «плебейская часть городского населения была настолько увлечена общей революционной бурей, что зачаточный пролетарский элемент получил в ней кратковременный перевес над всеми остальными элементами, участвовавшими в движении» [1, т. 7, с. 356].

Позиции других групп плебса в революционных движениях эпохи генезиса капитализма были противоречивыми. Одна часть плебса находила общий язык с крестьянами, другая— мешала установлению дисциплины среди крестьян, третья— пополняла ряды наемников и участвовала в подавлении крестьянского движения. Наличие в среде плебса столь разнородных элементов приводило к тому, что политическая ориентация плебейской массы в целом не отличалась ни устойчивостью, ни классовой сознательностью и делала возможными и подлинно революционные выступления, и реакционные колебания. Ф. Энгельс раскрыл сложный характер раннепролетарских движений, в которых проявлялись как связь зарождающегося класса наемных рабочих с феодальной средой, из которой они вышли, так и стремление к отстаиванию своих собственных, специфически пролетарских интересов. Анализ этих интересов и форм борьбы плебейских масс, сопоставление их с основными тенденциями революционной борьбы пролетариата позволили Ф. Энгельсу увидеть в предшественниках пролетариата мощную революционную силу, уже в стадии генезиса капитализма противостоящую зарождающейся буржуазии. И если одни мыслители XVIII—XIX вв. рассматривали пролетариат как толпу пауперов, лишенных каких-либо социально-нравственных устоев, а другие— как инертную, жалкую массу обездоленных, способную вызвать лишь чувство сострадания и порывы к благотворительным реформам, то Ф. Энгельс, проследив историю пролетариата, выделил его из общей массы трудящихся и развил учение о его революционно-преобразовательной роли в истории человеческого общества.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Диммерман В. История Крестьянской войны в Германии. М., 1937. Т. 1. 3. Konze W. Vom «Pöbel» zum «Proletariat». Sozialgeschichtliche Voraussetzungen für den Sozialismus in Deutschland // Vierteljahresschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Н. 4., 1954. Bd. 41. 4. Bolte K. M., Knappe D., Neihardt F. Soziale Schichtung. Opladen, 1966. 5. Maschke E. Die Unterschichten der mittelalterlichen Städte Deutschlands // Die Stadt des Mittelalters. Darmstadt, 1973. Bd. 3. 6. Irsigler F., Lassota A. Bettler und Gaukler, Dirnen und Henker: Randgruppen und Außenseiter in Köln 1300—1600. Köln, 1984. 7. Feige W. Die Sozialstruktur der spätmittelalterlichen deutschen Stadt im Spiegel der historischen Statistik. Leipzig, 1965. Bd. 1.

Поступила в редколлегию 28.11.89

Ю. Е. ИВОНИН, д-р ист. наук

РЕФОРМАЦИЯ КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ XVI в.

Несмотря на огромное количество публикаций, посвященных Реформации, эта тема, как видно, неисчерпаема. Ее актуальность объясняется не только дискуссионностью многих аспектов ее истории, но и тем, что в событиях того времени заложены основы противоречий, характерных для развития национальных государств нового времени, сказывающихся вплоть до наших дней (отсутствие до 60-х годов XIX в. централизованного государства в Германии, своеобразие Швейцарии, сохранение монархии в Англии).

Существуют различные определения Реформации. В буквальном смысле слова Реформация означает преобразование, исправление. Она была тесно связана с раннебуржуазными революциями XVI—XVII вв., а с конца XVII — начала XVIII вв. идеологическое развитие ранней буржуазии было связано уже с эпохой Просвещения [28]. Следует более внимательно отнестись к известной формулировке Ф. Энгельса, содержащейся в рукописном отрывке «К «Крестьянской войне»: «Реформация — лютеранская и кальвинистская — это буржуазная революция № 1 с Крестьянской войной в качестве критического эпизода. <...> которая была более европейской, чем английская, и стала европейской гораздо быстрее, чем французская, — победила в Швейцарии, Голландии, Шотландии, Англии, а также в известной мере в Швеции, уже при Густаве Ваза, и в Дании — здесь, в ортодоксально-абсолютистской форме, только в 1660 г.» [1, т. 21, с. 417]. Эту формулировку многие исследователи первоначально относили лишь к событиям в Германии, а затем и во всей Западной Европе. Но суть вопроса заключается не только во влиянии Реформации в Германии на реформационные процессы в других странах Европы, но и в том, что Реформация стала мощным фактором политической истории XVI в. Поскольку внешнеполитические аспекты Реформации проанализированы нами в ряде работ, нет необхо-

димости специально останавливаться на них в данной статье [2—4].

В немарксистской историографии Реформация, как правило, рассматривается несколько однобоко: либо как чисто религиозное движение, вызванное внутренним развитием церкви, либо национальное, либо политическое [32]. Как часть общеевропейского исторического процесса при переходе от феодализма к капитализму она существенно повлияла на становление буржуазного общества, на рост национального самосознания, была тесно связана с политическими событиями в Европе.

Неоспоримым является факт, что Реформация началась в Германии, а выступление Мартина Лютера с 95 тезисами против индульгенций 31 октября 1517 г. было начальным пунктом общеевропейского реформационного процесса. Но в настоящее время в ряде исследований распространено мнение, что Лютер осуществил Реформацию в силу действовавших на него обстоятельств, что он не стремился и не создал новой религиозной системы; поэтому Реформация не привела к радикальным изменениям [26].

Следует отметить, что устойчивые формы капиталистических отношений даже в наиболее развитых европейских странах сложились лишь к середине XVI в. В Германии этому препятствовали экономическая и политическая раздробленность. Империя не представляла собой «комплекс национальный», ее отдельные провинции и группы провинций были изолированы друг от друга [1, т. 18, с. 571]. Но закономерен вопрос: почему именно Германия стала родиной Реформации, очагом раннебуржуазной революции?

Политическая слабость Германии способствовала усилению позиций католической церкви, располагавшей огромными богатствами. Имперские города не являлись опорой централизации, а наоборот, воплощали в себе цехово-гильдейскую корпоративность; территориальные князья были заинтересованы в укреплении локальных государств. В итоге в первой четверти XVI века германские земли, прежде всего Саксония, Швабия и Франкония, превратились в арену острого социально-политического конфликта, облаченного в религиозную форму Реформации [18, с. 93—94]. Поэтому именно в Германии сложились условия для того, чтобы выступление Лютера, по форме направленное против индульгенций, стало молнией, попавшей в бочку с порохом [1, т. 7, с. 392]. Однако эволюция Лютера вправо, отразившая колебания и незрелость немецкого бюргерства, привела к потере лютеранской Реформацией своей революционности. По существу Лютер и его сторонники подчинили свою деятельность князьям и связанным с ними кругам богатого бюргерства [29]. В предисловии к английскому изданию работы «Развитие социализма от утопии к науке» Ф. Энгельс подчеркнул связь лютеранской Реформации с сепаратистскими устремлениями немецких князей: «Лютеранская реформация установила ... новую религию — именно такую, какая и нужна была абсолютной монархии» [1, т. 22, с. 307]. Может

быть, в этой формулировке Энгельса и скрывается ключ к разгадке проблемы княжеского абсолютизма в Германии? Во всяком случае князья успешно использовали лютеранскую Реформацию для экспроприации церковных имуществ и укрепления своих позиций [1, т. 7, с. 364]. Они стали основной политической силой, многие из них видели в Реформации средство борьбы против Габсбургов [2, с. 93—94]. Заметим, что лишь в последние годы марксистская историография приступила к серьезному изучению политической истории Германии после Крестьянской войны, хотя она важна для правильного понимания как самой Реформации, так и политической обстановки накануне Тридцатилетней войны. По словам Энгельса, Германия, оказавшись обреченной на пассивность и регресс в экономическом отношении, в большей степени была подвержена влиянию менявшихся политических обстоятельств, чем передовые страны. «Раскол на два лагеря поставил междоусобную войну в порядок дня» [1, т. 18, с. 573]. Политическое устройство Германии развивалось в направлении локальной централизации, что также является одним из существенных моментов истории Реформации.

Наиболее последовательным течением в бюргерско-буржуазной Реформации был кальвинизм. Учение Кальвина о предопределении, обоснованное им в трактате «Наставление христианину» (1536 г.), стало манифестом широких кругов европейской буржуазии. Оценивая влияние кальвинизма на реформационные и революционные процессы в Западной Европе, Энгельс отмечал: «...кальвиновская Реформация послужила знаменем республиканцев в Женеве, в Голландии и Шотландии, освободила Голландию от владычества Испании и Германской империи и доставила идеологический костюм для второго акта буржуазной революции, происходившей в Англии. Здесь кальвинизм явился подлинной маскировкой интересов тогдашней буржуазии, поэтому он и не добился подлинного признания после революции 1688 г., окончившейся компромиссом между частью дворянства и буржуазией [1, т. 21, с. 315]. Для кальвинистской церкви было характерно республиканское устройство. Вместе с тем Кальвин и его сторонники являлись противниками демократии, считая лучшей формой правления олигархию и призывая беднейшие слои населения к повиновению власти имущим. Это обстоятельство давало возможность использовать кальвинизм не только буржуазии, но и реакционным феодальным кругам некоторых стран Европы в борьбе против усиливающегося королевского абсолютизма.

Ряд исследователей, в частности М. Прествич [30], стремятся отделить ортодоксальное учение Кальвина, на которое, по его мнению, большое влияние оказал гуманизм, от кальвинизма конца XVI—XVII вв., а также от процесса развития капитализма. Они рассматривают кальвинизм как некое теологическое и «ученое» движение. В этом проявляется попытка погасить социальный запал второй Реформации, как теперь нередко называют кальвинизм. Здесь необходимо отметить, что авторы политических кон-

цепций XVI в. в духе своего времени искали в религиозно-догматических теориях опору для себя и стремились использовать их в пропагандистских целях с учетом внутренней и внешней конъюнктуры. В вероучениях отражались чаяния различных социальных слоев и групп, а их популярные идеи использовались политическими и религиозными деятелями в своих целях. По существу только вопрос о собственности может служить показателем разделения этих учений на умеренные и радикальные, хотя само по себе это разделение еще не определяет их прогрессивного характера. Как верно отметил английский историк К. Хилл, люди не потому становились капиталистами, что они были протестантами, и не потому — протестантами, что были капиталистами; а дело в том, что в обществе, уже превращавшемся в капиталистическое, протестантизм облегчал триумф новых ценностей [27, Р. 36].

В приведенном определении Ф. Энгельса важны слова о том, что раннебуржуазная революция в форме Реформации «была более европейской, чем английская, и распространилась в Европе гораздо быстрее, чем французская». Действительно, Реформация как лютеранского, так и кальвинистского толка стремительно распространилась в странах Западной и Центральной Европы и имела при этом больший размах и общеевропейский резонанс, чем английская и французская буржуазная революции. Но в различных странах она имела отнюдь не равнозначное влияние. Думается, вывод С. Г. Лозинского, что «лютеранство стало религией менее развитых государств Западной Европы, кальвинизм — наиболее развитых» [11, с. 242], довольно упрощен, ибо как тогда объяснить распространение кальвинизма в отсталой феодальной Шотландии, на юге Франции, где он стал знаменем сепаратистски настроенного дворянства, приверженность кальвинизму польско-литовских магнатов Радзивиллов, владевших почти третью белорусских земель? Кроме того, в наиболее передовой в экономическом отношении стране нового времени — Англии в конечном счете утвердилось англиканство, а не кальвинизм. Да и лютеранство первоначально распространилось не только в германских землях, но и в Нидерландах, Англии, скандинавских странах. Правда, в этих государствах лютеранство не стало господствующей религией, ибо те или иные общественные слои либо власти в большинстве случаев использовали из учения Лютера такие положения, которые отвечали их экономическим и политическим интересам [18, с. 93—94]. В Нидерландах, например, вызвали интерес общие положения реформационной доктрины; лютеранство не оказывало здесь существенного влияния, а его сторонники имелись только в высших слоях общества. Превращение лютеранства в оружие княжеской политики в Германии повлекло за собой падение его популярности в Нидерландах. Революционное крыло Реформации в Нидерландах вначале развивалось по пути анабаптизма, а затем кальвинизма [19].

В Англии же королевская Реформация заняла среднюю позицию между Римом и Виттенбергом: прежде всего была установ-

лена королевская супрематия над церковью, а также проведена секуляризация церковных и монастырских земель. В догматическом плане лютеранство по существу не оказало влияния на королевскую Реформацию в Англии [5—6]. Между тем в литературе встречается мнение о «непосредственном влиянии лютеранства» на развитие королевской Реформации в Англии [7, с. 33]. Известно, что английский абсолютизм, во всяком случае в лице Генриха VIII, не стремился к последовательному проведению Реформации, ибо решал в ней три вопроса: политический и финансовый, о которых уже шла речь, и социальный, действуя в интересах английского дворянства и отчасти буржуазии. В целом королевская Реформация в Англии укрепила позиции абсолютной монархии в усложнившейся внутри- и внешнеполитической обстановке и в борьбе с феодальной оппозицией [5, с. 91, 93].

В английской историографии, несмотря на традиционно сдержанную оценку королевской Реформации (обычно ее характеризуют как раскол в католической церкви), ряд исследователей, в частности Д. Элтон, приписывает ей характер революции [25]. Точка зрения Элтона и его последователей является не просто научной концепцией. Они пытаются доказать, что революционные изменения произошли не в эпоху Английской буржуазной революции XVII в., а в 30-е годы XVI в., во время министерства Томаса Кромвеля, и касались сферы государственного управления, а не социальных отношений. Но неправильно было бы утверждать, что Реформация Генриха VIII и Английская буржуазная революция XVII в. тесно связаны [34]. Английская буржуазная революция прошла под лозунгами пуританства, получившего особенно широкое распространение в конце XVI — начале XVII вв. [8; 22].

В скандинавских странах лютеранство прижилось гораздо легче, поскольку их социально-политический строй имел много общих черт с устройством Германии. Хотя и здесь этот процесс не был механическим дублированием лютеранских символов веры и организации церкви. Убедительным примером является Швеция, в которой главным политическим результатом Реформации было укрепление государства в финансовом и социальном отношениях: за счет церкви пополнилась королевская казна и монархия стала опираться на земельное дворянство и верхушку бюргерства [10, с. 157; 18, с. 97—98].

Во Франции королевская власть еще со времен «Прагматической санкции» Карла VII (1438), царствования Людовика XI и тем более после заключения «Болонского конкордата» 1516 г., предоставившего французскому королю право назначения епископов с последующим их утверждением папой римским, не нуждалась в отличие от английской монархии в подчинении церкви государству. Церковная политика французской монархии, важным элементом которой являлась поддержка автономии церкви по отношению к римской курии (галликанизм), была направлена

на укрепление позиций усиливавшегося абсолютизма [16]. Французское новое дворянство, по происхождению буржуазное, стремилось, купив государственные должности, получить дворянские титулы и поддерживало королевскую религию, т. е. католицизм. В то же время во Франции первой трети XVI в. трудно заметить в движениях низов идеи протестантизма [9, с. 183; 24, р. 103].

Неудачи Франции на последнем этапе Итальянских войн (1494—1559) вызвали недовольство главным образом южно-французского дворянства, не получившего желанной доли добычи и оттесненного от королевского трона кликой Гизов. Гонения на французских протестантов, проникшихся к тому времени кальвинистскими идеями, вызвали выступления гугенотов, т. е. французских кальвинистов [24, р. 228]. Но, безусловно, сами по себе распри при дворе Генриха II (1547—1559) и его преемников не могли быть причиной гражданских войн во Франции [33, р. 1]. В кальвинистском лагере не было единства. Наиболее последовательными кальвинистами оказались южнофранцузские буржуа (религиозные гугеноты), а дворяне (политические гугеноты) после введения Нантского эдикта 1598 г., провозгласившего принципы религиозной веротерпимости, и особенно после падения Ла-Рошели в 1628 г. и ликвидации гугенотского «государства в государстве» в большинстве своем перешли в католическую веру [9, с. 193—202; 12—13]. Показательно, что после отмены Нантского эдикта в 1689 г. из Франции эмигрировали в основном не дворяне, а именно буржуа-кальвинисты.

Ф. Энгельс охарактеризовал кальвинизм как идеологическое знамя Нидерландской буржуазной революции. Роль кальвинизма как идеологии наиболее передовых кругов буржуазии в Нидерландах показал в ряде своих работ А. Н. Чистозвонов [20—21]. Иное значение имел кальвинизм в Шотландии. Здесь он был взят на вооружение той частью шотландской аристократии, устремленной которой носили антиабсолютистский характер. Шотландская Реформация пользовалась поддержкой английской монархии, заинтересованной в ослаблении и подчинении себе шотландской короны, не питавшей симпатий к кальвинизму и преследовавшей английских сторонников кальвинизма в своей собственной стране [14—15; 23].

Распространение Реформации вызвало ожесточенное сопротивление католической церкви и папства, стремившихся противопоставить ей сильное движение за сохранение католицизма. Наиболее ярким выражением политики папства были создание ордена иезуитов и проведение Тридентского собора (1545—1563), подтвердившего в конечном счете все средневековые догматы католицизма. Кроме того, папство предпринимало попытки заключить союз с Испанией, Гизами и императорами Священной Римской империи в борьбе против Реформации. Поэтому просто одними идеологическими мероприятиями Контрреформация не исчерпывается. Представляются неубедительными выводы многих западных историков о том, что Контрреформация является движе-

нием за обновление католической церкви (католической Реформацией) [17, с. 253—256], большинство из них отделяли католическую Реформацию от Контрреформации. Наиболее четко эта идея выражена в статье Х. Едина, опубликованной еще в 1946 г. Он писал, что католическая Реформация — это стремление католической церкви к обновлению с помощью католического жизненного идеала, а Контрреформация — самоутверждение церкви в борьбе против протестантизма [31].

В заключение следует подчеркнуть, что Реформация была общеввропейским явлением, характерным для тех стран, где в XVI—XVII вв. созрели предпосылки раннебуржуазных революций (Германия, Нидерланды, Англия). Религиозная средневековая окраска способствовала использованию ее идей как среди буржуазии, так и среди реакционного феодального дворянства в целях сопротивления абсолютизму. В свою очередь некоторые феодально-абсолютистские режимы использовали Реформацию для укрепления своих экономических и политических позиций. Политическое и социальное мышление того времени было насквозь пронизано религиозностью, и именно поэтому Реформация столь стремительно распространилась в Европе. Реформация создала благоприятные условия для самоопределения национальных культур и создания в Европе национальных государств с различным социально-политическим устройством.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ивонин Ю. Е. Религиозно-политические союзы в западноевропейской политике первой половины XVI в. // Вопр. истории. 1978. № 11. 3. Его же. У истоков европейской дипломатии нового времени. Минск, 1984. 4. Его же. Становление европейской системы государств. Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. Минск, 1989. 5. Его же. О характере Реформации Генриха VIII // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1980. Вып. 3. 6. Его же. England und das Luthertum. WZ FSU Jena. 1984. Hf. 3. 7. Исаенко А. В. Английская королевская Реформация в XVI в. Орджоникидзе, 1982. 8. Его же. О политических взглядах английских пуритан XVI в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. История. 1975. № 4. 9. История Франции. М., 1972. Т. 1. 10. История Швеции. М., 1974. 11. Лозинский С. Г. История папства. 3-е изд. М., 1986. 12. Луцицкий И. Гугенотская аристократия и буржуазия на юге после Варфоломеевской ночи. Спб., 1870. 13. Его же. Феодальная аристократия и кальвинизм во Франции. К., 1871. Ч. 1. 14. Петросян А. А. Дворянство и церковная собственность в Шотландии в первой половине XVI в. // Проблемы античности и средних веков. М., 1978. 15. Его же. Тираноборческие идеи Джона Нокса // Проблемы истории докапиталистических формаций. М., 1978. 16. Плешкова С. Л. Французская монархия и галликанизм на рубеже XVI в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 1984. № 5. 17. Рутенбург В. И. Италия и Европа накануне нового времени. Л., 1974. 18. Чистозвонов А. Н. Реформация как фактор германской истории XVI в. // Средние века. М., 1985. Вып. 48. 19. Его же. Лютеранство в Нидерландах (1517—1533) // Средние века. М., 1983. Вып. 46. 20. Его же. Нидерландская буржуазная революция XVI в. М., 1958. 21. Его же. Роль кальвинизма в Нидерландской буржуазной революции // Средние века. М., 1971. Вып. 33. 22. Штокмар В. В. Особенности пуританского движения конца XVI — первой трети XVII в. и начало конфликта между пуританами и абсолютной монархией // Проблемы социальной структуры... Л., 1980. Вып. 3. 23. Её же. Религиозно-политический и национальный аспекты объединения Шотландии в начале XVII в. // Проблемы социальной структуры... Л., 1978. Вып. 2. 24. Baill y A. La réforme en France en France jusqu'à l'édit de Nantes. Paris.

1960: *Hauser H.* Etudes sur la réforme française. Paris. 1909. 25. *Elton G.* The Tudor Revolution in Government. Cambridge. 1953; ejusdem. Studies in Tudor and Stuart politics and government. Vol. 1—3, Cambridge. 1974—1983. 26. *Herrman H.* Martin Luther. Ketzer wider Willen. München. 1983; *Pozzoli C.* Vita di Martin Lutero. Milano. 1983; *Thompson W.* The political thought of Martin Luther. Prignton. 1984 *Scribner R.* Incombustible Luther // Past and Present. 1986, N 110. 27. *Hill Ch.* Protestantism and the rise of capitalism // Essays in the economic and social history of Tudor and Stuart England / Ed. by F. Fisher. Cambridge. 1961. 28. *Hoyer S.* Reform-Reformation-Revolution // Reform. Reformation. Revolution / Hrsg. von S. Hoyer. Leipzig. 1980. 29. *Illustrierte Geschichte der deutschen frühbürgerlichen Revolution* Berlin. 1974. 30. *International calvinism. 1541—1715* / Ed. by M. Prestwich. Oxford. 1985; *Calviniana. Ideas and influence of Jean Calvin* / Ed. by R. Schnucker. Kirksville: 1988. 31. *Jedin H.* Katholische Reformation oder Gegenreformation? // Gegenreformation. 1969. 32. *Grimm H.* The reformation era. 1500—1650. N. Y. 1954; *Leonard E.* Histoire générale du protestantisme. T. I. La Reformation. Paris. 1961; *Trevor-Roper H.* Religion, the reformation and social change. L. 1967; *Delumeau J.* Naissance et affirmation de la réforme. Paris. 1973; *Zeeden W.* Das Zeitalter der Crlaubtskämpfe 1555—1648. München. 1973. 33. *Romier L.* Les origines politiques des guerres de religion. Genève. 1974. T. 11. 34. *Schülfert G.* Zur Problematik der Verhältnisses von Reformation und Revolution in England des 16. und 17. Jahrhunderts // Reform, Reformation. Revolution. S. 255—261; *Mothes G.* Zum Verhältnis vom revolutionären Bewegungen, Reform und Reformation in England beim Übergang von Mittelalter zur Neuzeit 1381—1536 // Leipziger Beiträge zur Revolutionsforschung. Lehrheft 8. Leipzig. 1984, S. 18.

Поступила в редколлегию 27.06.89

В. В. КУРЯКИН, канд. ист. наук

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ МЕЖОКЕАНСКОГО ТРЕСТА МОРГАНА

С наступлением эпохи империализма, как отмечал В. И. Ленин, сравнительно спокойная и плавная полоса мировой истории сменилась гораздо более порывистой, скачкообразной, катастрофичной, конфликтной [1, т. 27, с. 94]. Это внесло существенные изменения в ранее сложившиеся американско-английские экономические отношения. На рубеже XIX—начала XX вв. в США шел интенсивный процесс развития американского империализма, который побуждал его к экспансии, захвату источников сырья и рынков сбыта, поиску наиболее выгодных условий вложения капиталов и получения высоких прибылей.

Одним из проявлений экспансии США было создание под руководством американского миллионера Моргана межокеанского треста. «... В Америке,— писал В. И. Ленин,— 1 января 1903 г. образовался так называемый трест Моргана, «Международная компания морской торговли», объединяющая американские и английские судоходные компании, числом в 9, и располагающая капиталом в 120 млн. долларов...» [1, т. 27, с. 370].

Создание треста непосредственно связано с бурным ростом американской экономики, которой к началу 900-х годов необходимы были внешние рынки сбыта своей продукции. Однако удов-

летворить эти потребности, используя национальный торговый флот, не представлялось возможным в силу его малочисленности, а также ввиду отсутствия крупных трансатлантических пароходных компаний, за исключением «Интернэшнл Навигэйшн компани», которая осуществляла в основном сообщения с отдельными островами и портами американского материка. В результате более 2/3 внешнеторгового оборота США обеспечивалось за счет фрахта иностранных судов, что наглядно видно из следующей таблицы [10, с. 452].

Год	Импорт, млн долл.		Экспорт, млн долл.	
	на судах США	на иностр. судах	на судах США	на иностр. судах
1898	94	492	68	1 090
1899	82	582	79	1 065
1900	104	701	91	1 193
1901	93	683	84	1 292
1902	102	745	84	1 174

Развитие национального торгового флота сдерживали введенные в США высокие протекционистские тарифы, согласно которым значительно увеличились пошлины на ввозимые стальные и железные изделия, необходимые для американской судостроительной промышленности. Вследствие этого по-

стройка судов в США обходилась дороже, чем в Англии. Так, стоимость строительства грузового парохода водоизмещением до 5 тыс. т в США составляла 275 тыс. долл., а в Англии — 214 тыс. [5, 1900, 9 дек.].

В результате действия тарифов резко сократился импорт судов из Англии и других стран. Кроме того, американские капиталисты стремились поместить свои капиталы прежде всего в те отрасли промышленности, которые были ограждены пошлинами и приносили высокие дивиденды, достигавшие нередко 20—50 % годовых. При вложении капиталов в строительство морских судов с учетом возрастающей конкуренции на морских коммуникациях и малочисленности американского торгового флота они могли рассчитывать на получение дивидендов в размере не более 5 %. Поэтому американские экспортеры были поставлены в неблагоприятные условия в соперничестве с конкурентами тех стран (особенно Великобритании), суда которых они фрахтовали или закупали. На эту зависимость указывал заведующий отделом торгового мореплавания при департаменте торговли и труда США Е. Г. Чемберлен: «... мы уплачиваем иностранным пароходным предприятиям огромную сумму, около 150 млн долл. ... мало того, иностранные суда завоевали себе 9/10 торгового движения между Соединенными Штатами и старым Светом» [5, 1906, 9 окт.].

Львиная доля грузопассажирских перевозок между США и европейскими портами принадлежала Англии, которая по праву считалась «мировым извозчиком». Грузоподъемность ее судов (без судов, принадлежащих колониям) в 1900 г. составляла 11,3 млн т, в то время как грузоподъемность мирового торгового флота — 24,3 млн т [2, с. 316]. Таким образом, на Англию приходилось свыше 46 % тоннажа мирового торгового флота.

Зависимость американской экспортно-импортной торговли от иностранных судов заставляла США изыскивать возможности для увеличения национального торгового флота. К этому призывал американских промышленников в одном из выступлений президент США Маккинли: «У нас пароходное сообщение крайне недостаточно. Одной из потребностей времени являются крупные пароходные линии в области сбыта. Мы должны поддерживать наш торговый флот, мы должны иметь больше парусных судов под американским флагом, построенных и экипированных американцами и принадлежащих американцам» [9, с. 199].

В 1901 г. в США возник судостроительный трест «Юнайтед Стэйтс Шип Билдинг компани» с капиталом в 65 млн долл. который ежегодно строил суда общим водоизмещением до 380 тыс. т. В состав треста входило шесть компаний, в том числе крупные фирмы «Ньюпорт Шип Билдинг Драй компани», «Юнион Айрон Вокс», «Сан-Франциско компани», «Бас Айрон Вокс», «Гайд Виндлэсс компани» [7, ф. 417, оп. 1, д. 2078, л. 270]. В том же году конгресс США обсудил законопроект о предоставлении помильных премий американским судовладельцам, чьи пароходы выполняли трансатлантические рейсы. В ходе обсуждения выяснилось, что проект предусматривал предоставление субсидий пароходным компаниям, имевшим скоростные суда как отечественной, так и иностранной постройки. Однако основным собственником таких пароходов являлась крупнейшая американская компания «Интернэшнл Навигэйшн компани», представлявшая интересы Моргана и Рокфеллера. Им принадлежали и менее крупные пароходные компании — «Атлантик Транспорт компани», «Пасифик Мэйл Стимшип компани», «Нью-Йорк энд Куба Мэйл Стимшип компани» и др. Таким образом, свыше 90 % выделяемых федеральным правительством субсидий оказалось бы в руках 4—5 наиболее крупных американских компаний. Это вызвало серьезную оппозицию в конгрессе при обсуждении билля и привело к его провалу.

Однако решение конгресса не остановило Моргана, который к этому времени являлся собственником нескольких крупных океанских пароходов. Еще в 1900 г. он приобрел английскую пароходную линию «Уайт Стар Лайн», уплатив за нее десятикратную стоимость, а в 1901 г. — английскую трансатлантическую линию «Лейланд Лайн», которой принадлежало более 60 пароходов водоизмещением в 227 тыс. т [8, ф. 560, оп. 22, д. 249, л. 60], а также 17 пароходов линии «Атлантик Лайн», 87 судов линии «Вилсон Лайн» и несколько пароходов, находившихся в стадии постройки. В результате Морган располагал флотом, насчитывавшим 189 пароходов, в то время как наиболее крупная «Гамбургско-американская линия» имела 95 судов, а другая германская компания «Северо-германская Ллойд» — 108.

В 1902 г., после ряда закулисных сделок, Морган официально объявил о вступлении в трест пароходных линий «Лейлинд Лайн», «Уайт-Стар Лайн», «Рэд Стар Лайн», «Америкаэн Лайн»,

«Доминион Лайн», «Голланд-Америкаэн Лайн». В трест вошли крупнейшие англо-американские пароходные компании, за исключением британской линии «Кунард Лайн». В этом же году трест заключил соглашение с двумя немецкими пароходными компаниями: «Гамбургско-американской линией» и «Северо-германским Ллойдом». Германские пароходные линии, вошедшие в трест, сохранили за собой право трансатлантических грузопассажирских перевозок при относительно высоких фрахтах, но были в значительной степени ограничены в выборе пунктов грузопассажирских перевозок вне пределов германской империи. За отказ продать тресту часть своих акций немецкие компании отчисляли ему долю от прибылей в размере 25 %, что составляло около 20 млн марок, взамен от треста они получали ежегодно 6 % от прибылей [8, ф. 560. оп. 22, д. 251, л. 118]. Такое соглашение позволило германским компаниям сохранить относительную самостоятельность и избежать опасности поглощения американским капиталом. В то же время три английские линии фактически были поглощены американским капиталом, получая из акционерного капитала треста лишь 32 % акций.

Создание межokeанского треста позволило перекинуть своеобразный «торговый мост» через Атлантический океан, который соединил железнодорожные коммуникации США с портами в странах Западной Европы. В целях увеличения грузооборота и нанесения урона конкурентам трест практиковал предоставление скидок крупным промышленным предприятиям. Чтобы избежать преследований со стороны междуштатной торговой комиссии по контролю за трестами, железные дороги, как сообщал бывший российский вице-консул К. Карасев, получали плату с каждого отправления в полном размере, но зато через каждые три месяца возвращали промышленникам разницу между полученной и условленной суммами в виде особых, не относящихся к перевозке сумм [3, с. 304]. Этими льготами пользовались крупные железнодорожные компании, такие, как «Нью-Йорк Сентрал, Эри, Риддинг, Пеннсилвания, Балтимора энд Огайо», принадлежавшие Рокфеллеру. Эти компании заключили соглашение с трестом, благодаря чему получали надежный и дешевый способ сбыта основной части своей продукции на рынках Англии и других стран Европы.

Чтобы сократить простой судов во время погрузо-разгрузочных работ в Лондоне (наиболее крупном порту Англии), Морган ассигновал 10 млн. долл. для модернизации и механизации портовых сооружений. В результате суда пароходных компаний «Лейланд Лайн» и «Атлантик Транспорт Лайн», входившие в состав треста, смогли перевозить ежегодно до 5 млн т различных грузов. Ранее стоимость одной тонны погрузо-разгрузочных работ, производившихся вручную, обходилась в 75 центов. Механизированный способ удешевил этот процесс в среднем до 25 центов, что позволило в короткий срок окупить затраты и давало Моргану до 20 % чистой прибыли.

Весть о захвате значительной части трансатлантических сообщений американским капиталом «... громовым ударом разразилась над британским деловым миром,— доносил в Петербург С. С. Татищев, русский представитель министерства финансов в Лондоне,— и вызвала во всех слоях английского общества глубокое возмущение, отодвинув на задний план все прочие злобы дня: войну в Южной Африке, мирные переговоры с бурами и приготовления к коронации короля Эдуарда» [8, ф. 560, оп. 22, д. 251, л. 116]. Газета «Таймс» писала: «Не подлежит сомнению, что английские сообщения по Атлантическому океану отныне поставлены в зависимость от воли американского треста и немецких пароходных обществ» [4, 1902, 4 мая]. Другая английская газета «Дэйли телеграф» выражала опасение, что «все британские линии, которые ведут в Южную Африку, Восточную Азию и Австралию ... ускользнут из рук Англии, как только осуществится союз треста с немецкими пароходными линиями» [Там же]. В своем заявлении газета была недалеко от истины, ибо с приобретением «Уайт Стар Лайн» моргановский трест вступил во владение африканской, австралийской и новозеландской пароходными линиями.

Действия Моргана стали предметом обсуждения в английском парламенте, где правительству был сделан ряд запросов о характере американского предприятия, о возможном противодействии тресту, об отношении к нему британского правительства и др. [11, с. 1322]. Ответы министра торговли Джеральда Бальфура на многочисленные вопросы депутатов парламента отличались лаконичностью. Бальфур заявил, что контракты * пароходных компаний, вошедших в состав треста, не будут нарушены, а поскольку до истечения их срока осталось три года, правительство в случае необходимости примет решение о постройке новых судов [6, ф. посольства в Лондоне, оп. 520, д. 1073, л. 36]. Вместе с тем министр признал, что коммерческая сторона этого дела представляется чрезвычайно сложной, но британское правительство не намерено нарушать свою традиционную политику невмешательства в вопросы торговли без предварительного изучения создавшейся ситуации [6, ф. посольства в Лондоне, оп. 520, д. 1073, л. 36].

Из ответов министра стало ясно, что правительство Англии не в силах остановить вторжение американского капитала. Это явление, как признал парламентский секретарь по иностранным делам в палате общин лорд Кренборн, невозможно было замаскировать даже в официальных отношениях с правительством США [8, ф. 560, оп. 22, д. 251, л. 119].

Многочисленные запросы в парламенте, националистическая позиция английской прессы и, наконец, опасения адмиралтейства потерять значительную часть вспомогательного флота — все это

* Д. Бальфур имел в виду соглашения, которые заключало английское правительство с крупными пароходными компаниями. В случае войны их пароходы переходили в подчинение адмиралтейства в качестве вспомогательного крейсерского флота. За это компании ежегодно получали субсидии от британского правительства.

заставило правительство заключить соглашение с моргановским трестом. По договору от 27 сентября 1902 г. английские пароходные компании, вошедшие в состав треста, обязывались наравне с независимыми линиями подчиняться требованиям британского правительства в вопросах торговой и военной службы. Они продолжали считаться английскими, сохраняли в национальном флоте все суда, как имевшиеся в наличии у них, так и те, которые могли быть приобретены путем сооружения или покупки. Компании обязывались также по первому требованию адмиралтейства предоставлять в его распоряжение любое судно. В соглашение был включен пункт, согласно которому английские подданные преобладали и в правлении, и в составе экипажей судов. Что касается обновления флота английских и американских компаний, вошедших в состав треста, то в соответствии с договором половина общей грузоподъемности новых судов должна быть причислена к английскому торговому флоту [6, ф. посольства в Лондоне, оп. 520, д. 1112, л. 117].

Соглашение сохраняло силу в течение 20 лет с момента подписания. В нем было оговорено, что если одна из сторон пожелает расторгнуть его, то этому должно предшествовать заявление, поданное за пять лет до расторжения договора. Британское же правительство может досрочно расторгнуть договор, если сочтет, что его действие наносит ущерб английской торговле. В случае возникновения конфликта между британским правительством и компаниями верховной инстанцией при решении спора являлся лорд-канцлер [5, 1903, 7 авг.]. Ранее подобное соглашение было заключено трестом с «Кунард Лайн».

Из основных пунктов соглашения видно, что английскому правительству удалось сохранить контроль над судами компаний, вошедших в состав треста, и даже добиться от него значительных уступок.

Вскоре после образования треста, в первой половине 1903 г., начались трения между участниками соглашения. Их главная причина заключалась в усиливавшейся иммиграции из стран Европы в США и Канаду. Иммигранты составляли основную массу пассажиров третьего класса, служивших крупным источником дохода пароходных компаний, сотрудничавших с трестом. Долгое время между пароходными компаниями царил относительный мир, так как они, заключив соглашение, разделили между собой иммигрантский поток. Германские и бельгийские линии осуществляли перевозки иммигрантов из России, Австро-Венгрии и Германии, а Великобритания — из стран Скандинавского полуострова. Это означало, что английские пароходные компании не имели права перевозить иммигрантов из стран, расположенных между Либавой и Антверпеном, а континентальные компании — из скандинавских стран.

За каждого пассажира, перевезенного в нарушение соглашения, компании выплачивали штраф по 2 ф. ст. в общую кассу. В конце года накопленная сумма распределялась между участ-

никами соглашения. Этот договор давал возможность «Гамбургско-американской компании», «Северо-германскому Ллоиду» и другим компаниям облагать каждого иммигранта налогом в 2,5 ф. ст. сверх тарифа, чему способствовала система так называемых «контрольных станций», возникших на северо-восточной границе Пруссии. Под видом необходимости защитить страну от занесения иммигрантами инфекционных болезней на границе были устроены «контрольные станции», содержавшиеся за счет пароходных компаний. Иммигрант, не прошедший санитарной обработки, не получал свидетельство, которое давало право проезда до Гамбурга, Бремена или других портовых городов, где он мог сесть на пароход для следования к месту назначения. Таким образом, иммигранты вынуждены были покупать билет на немецкий пароход или вовсе отказаться от перехода через прусскую границу. Многие иммигранты, особенно из Галиции, Венгрии и других регионов Австро-Венгерской империи, которые имели билеты, присланные родственниками или знакомыми и годные лишь на английские пароходы, старались миновать «контрольные станции», добираясь к портовым городам через Саксонию, где таких станций не было. Однако с ноября 1903 г. саксонское правительство под давлением немецких пароходных компаний создало целую сеть «контрольных станций», что существенно уменьшило число пассажиров на пароходах «Кунард Лайн», а значит и доходы компании. В ответ английская компания порвала соглашение с трестом, установила прямые рейсы из Австро-Венгрии (из порта Фиуме) в США, снизила стоимость проезда на своих пароходах, добившись при этом у правительства Австро-Венгрии привилегий, дававших ей льготы на почти монопольную перевозку иммигрантов в Америку. Развернулась острая конкурентная борьба между английской пароходной компанией и германскими линиями. Вследствие конкуренции стоимость проезда из европейских портов в США упала с 30—35 долл. до 10. Даже с наступлением кризиса 1903 г. поток иммигрантов в Соединенные Штаты не ослабевал благодаря дешевизне проезда.

Между тем конкурентная борьба «Кунард Лайн» с немецкими компаниями поставила в трудное положение другие английские линии, находившиеся в составе треста. Правда, к началу 1904 г. стало ясно, что трест не оправдал возлагавшихся на него надежд по созданию для США крупного торгового флота. Вскоре правление треста было перенесено в Лондон и окончательно перешло в руки англичан. Но остался в силе договор треста с немецкими линиями, который гарантировал им ежегодно причитавшиеся прибыли. Таким образом, развернувшаяся тарифная война немецких компаний с «Кунард Лайн» оказалась для треста убыточной, ибо ему приходилось за счет своих средств покрывать материальные потери германских компаний.

В 1904 г. под нажимом общественного мнения германским компаниям пришлось отказаться от использования «контрольных станций». «Кунард Лайн» вновь вошла в союз североатлантичес-

ких линий, который вынужден был уступить ей часть своих коммуникаций и доходов от перевозки иммигрантов. Однако конкурентная борьба внутри треста за более выгодные коммуникации и тарифы не прекратилась и продолжалась вплоть до начала первой мировой войны, когда это объединение распалось.

Итак, в начале XX в. по инициативе американского капитала была предпринята попытка образования транснациональной корпорации, положившая начало созданию будущих американских межнациональных монополистических объединений.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Дмитриев Н. И., Колпычев В. В. Судостроительные заводы и судостроение в России и за границей. Спб., 1909. 3. Сборник консульских донесений. Спб., 1903. Вып. IV. 4. Биржевые ведомости. 5. Торгово-промышленная газета. 6. Архив внешней политики России. 7. ЦГА Военно-Морского флота. 8. ЦГИА СССР. 9. Document of American History. N. Y., 1962. Vol. 2. 10. Historical Statistics of the United States with Colonial times to 1957. Wash., 1960. 11. The parliamentary debates. L., 1902. Vol. XVI.

Поступила в редколлегию 03.11.89

А. А. ЧУВПИЛО, канд. ист. наук

ИНДИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС ВО ВРЕМЯ КАМПАНИИ ГРАЖДАНСКОГО НЕПОВИНОВАНИЯ 1930—1931 гг.

В многолетней борьбе народов Индостана против британского колониального господства особое место занимает период 1930—1931 гг., когда Индийский национальный Конгресс (ИНК) во главе с М. К. Ганди отказался от требования предоставления Индии прав доминиона и организовал кампанию гражданского неповиновения для достижения полной независимости. Изучение характерных особенностей этой кампании, не утративших актуальность для стран, ведущих антиимпериалистическую борьбу, имеет научное и политическое значение. Между тем в советской и зарубежной востоковедческой литературе еще недостаточно полно отражены важные аспекты индийского национально-освободительного движения начала 30-х годов XX в.

В первые три десятилетия своего существования (1885—1917) ИНК был элитарной организацией, выражавшей в основном интересы привилегированной части индийского общества, которая стремилась добиться конституционным путем незначительных уступок у англичан. Положение изменилось после победы Великого Октября, когда рабочие, крестьяне и другие слои населения страны активно включились в борьбу с иностранными угнетателями, и Индия, как подчеркивал В. И. Ленин, возглавила антиимпериалистическое движение колониальных и зависимых стран [1, т. 44, с. 4—5]. Тогда руководство Конгресса приняло резолюцию о вовлечении трудящихся в освободительную борьбу [3, с. 467; 6, с. 35; 13, с. 17]. В результате ИНК, возглавивший эту борьбу, превратился в массовую организацию, намного опередив по

численности другие партии. В 1921 г. в нем насчитывалось около 10 млн членов [9, с. XLVII]. Хотя в Конгрессе всегда преобладали национально-буржуазные элементы, он выражал стремление индийцев к ликвидации империалистического господства и представлял собой скорее блок различных антиколониальных сил, чем политическую партию. Даже большинство коммунистов до 1929 г. являлись членами ИНК и боролись за радикализацию его программы [18, с. 309].

Среди конгрессистов велась острая идейно-политическая борьба, в которой зачастую одерживали победу умеренные и правые деятели. Это нашло отражение в политике и программно-тактических установках партии и ее лидера Ганди, отличавшихся умеренностью и готовностью к компромиссам. Так, конституция ИНК признавала только мирные и законные средства борьбы с чужеземной властью (ст. 1) [4, с. 1]. В итоге ИНК никогда не прибегал к насильственным действиям, строго придерживался принципа ненасилия. В социально-экономической политике конгрессисты многие годы руководствовались конструктивной программой Ганди, предполагавшей бойкот английских тканей и развитие в широком масштабе прядения и ткачества, производство ххаддара (домотканной одежды) [10, с. 231—244]. Их политические устремления до сессий в Мадрасе (1927) и Лахоре (1929) ограничивались требованием статуса доминиона. Лишь в Лахорской сессии, проходившей в обстановке активизации радикальных сил, произошел сдвиг Конгресса влево: главной целью партии была провозглашена борьба за полную независимость Индии [5, с. 186].

2 января 1930 г. Рабочий комитет ИНК постановил отозвать конгрессистских депутатов из законодательных органов, бойкотировать новые выборы в них и провести 26 января по всей стране День независимости, когда население даст клятву бороться за полное освобождение от ига колонизаторов. В тексте клятвы, разработанной Рабочим комитетом, содержалась программа действий Конгресса и всего народа Индии. В ней говорилось о неотъемлемом праве индийцев на свободу и ставилась задача ликвидации колониального режима. Решать ее предстояло следующим образом: соблюдая ненасилие, прекратить сотрудничество с властями и их учреждениями, а затем прибегнуть к гражданскому неповиновению, включая неуплату налогов [7, с. 94—96; 19, с. 362—363].

25 января 1930 г. вице-король Индии лорд Ирвин, выступив с речью в Центральном законодательном собрании, развеял надежду умеренных и правых конгрессистов на возможность достижения соглашения с англичанами о предоставлении Индии прав доминиона [7, с. 447—449]. Такая позиция властей лишь усилила антиимпериалистические настроения в стране и содействовала реализации замыслов руководства ИНК. 26 января по его призыву отмечался День независимости. Все слои населения приняли активное участие в мирных демонстрациях, торжественных собраниях

и митингах, во время которых собравшиеся давали клятву бороться за независимость. Несмотря на провокации властей, народные собрания и шествия прошли в мирной обстановке. Тем не менее многие конгрессисты, руководившие народными выступлениями, оказались за решеткой. В числе первых был арестован один из лидеров левого крыла ИНК С. Ч. Бос [14, с. 334; 17, 362—363; 20, с. 9—10].

Всенародный энтузиазм во время проведения Дня независимости убедил Ганди в том, что страна готова и к более серьезным действиям. В своей газете «Янг Индия» он предъявил колониальной администрации так называемые «11 пунктов Ганди» — минимум требований, удовлетворение которых продемонстрировало бы ее желание пойти на уступки и могло предотвратить кампанию гражданского неповиновения. Лидер ИНК в тактических целях отказался от постановки вопроса о независимости и некоторых других, а ограничился требованиями запрещения продажи спиртного, снижения валютного курса рупии и поземельного налога, отмены налога на соль, уменьшения военных расходов, введения протекционистских тарифов на иностранную одежду, освобождения политзаключенных и др. [11, с. 378—379]. Однако вице-король проигнорировал эти требования, дав понять умеренным конгрессистам, что власти не желают идти ни на уступки, ни на переговоры о будущем устройстве Индии. Поэтому на заседании Рабочего комитета в Сабармати 14—16 февраля 1930 г. был поставлен вопрос о разрывании кампании гражданского неповиновения для завоевания независимости. После длительных дискуссий комитет принял резолюцию, предоставившую Ганди все полномочия по организации и проведению кампании [14, с. 335].

2 марта Ганди посылает письмо Ирвину, в котором повторялись основные положения клятвы в День независимости и указывалось на нежелание английской администрации удовлетворить требования конгрессистов. Ганди поставил главу правительства в известность, что он лично начнет кампанию гражданского неповиновения путем нарушения самого несправедливого закона — соляного, а затем последуют выступления народных масс по стране [20, с. 14—18]. Индийская общественность расценила это как ультиматум вице-королю, последнюю попытку достичь с ним компромисса. В ответном послании Ирвин не дал согласия на уступки. Это убедило Ганди в том, что компромисс невозможен [11, с. 237].

12 марта 1930 г. Ганди вместе с 79 наиболее близкими единомышленниками начал знаменитый поход к селению Данди, расположенному на побережье Аравийского моря, намереваясь выпаривать там из морской воды соль. Тем самым нарушался одиозный закон, запрещающий индийцам добывать соль [14, с. 338]. На всем пути следования участникам похода устраивались торжественные встречи, проводились демонстрации и митинги под антиимпериалистическими лозунгами, на которых Ганди выступал с призывом принять участие в начатой им кампании, но со-

блюдать при этом ненасилие [20, с. 24—27]. Собранный в Ахмадабаде Всеиндийский комитет Конгресса (ВИКК) подтвердил эти призывы и принял текст клятвы борцов за свободу: каждый участник кампании гражданского неповиновения обязывался признавать цель ИНК и неукоснительно подчиняться указаниям ее руководителей [19, с. 379—380].

5 апреля 1930 г. «соляной» поход завершился, а с 6 апреля по всей стране началась кампания нарушения соляной монополии правительства [11, с. 237]. Соль добывали везде, где это было возможно. Те, кто не занимался ее производством, бойкотировали иностранную одежду и пропагандировали кхаддар. Власти обрушили на народ жестокие репрессии, не останавливаясь в ряде случаев перед применением оружия. Ганди осудил их действия, определив создавшееся положение как «черный режим», и призвал население сохранять спокойствие, не отвечать насилием на насилие [19, с. 389—391; 20, с. 35].

В очередном письме вице-королю он указал на бесчинства полиции и потребовал отмены закона о соляной монополии, угрожая в противном случае активизацией борьбы. Вместо ответа 5 мая Ганди и другие руководители ИНК были арестованы. Накануне Ганди обратился с посланием к Конгрессу и народу, в котором призвал к усилению борьбы и изложил рекомендации по ее ведению. В деревнях он предлагал добывать соль, а в городах — проводить харталы и манифестации, пикетировать питейные заведения и магазины, торгующие иностранной одеждой, бойкотировать правительственные учреждения, учебные заведения, заниматься прядением и ткачеством. В специально принятой резолюции Рабочий комитет признал эти рекомендации обязательными к выполнению конгрессистами, добавив к ним пункт о неуплате населением земельного и некоторых других налогов в указанных провинциях [19, с. 394—398].

Призыв Ганди был поддержан широкими массами. Нарушение соляного закона приняло всеобщий характер. Повсюду проводились харталы, антиимпериалистические митинги и демонстрации, пикетировались магазины с иностранной одеждой и товарами, винные лавки, бойкотировались государственные учреждения и институты. В движении участвовали представители разных национальностей, религий и каст, почти все классы и социальные слои как города, так и деревни, молодежь, женщины. Полиция преследовала безоружных людей, которые тем не менее проявляли мужество и дисциплинированность, в большинстве случаев неукоснительно выполняя инструкции Ганди о ненасилии (исключением являлись восстания в Читтагонне, Пешаваре и Шолапуре) [Подробно см.: 14, с. 341—367; 20, с. 31—44]. Тюрьмы были переполнены: за время движения было арестовано свыше 90 тыс. чел. [11, с. 239].

Стойкость индийцев, в такой специфической форме отстаивавших свое право на свободу, а также протесты мировой прогрессивной общественности, в том числе и британской, вынудили

колонизаторов лавировать. Не прекращая репрессий и объявив ИНК и другие оппозиционные организации вне закона, власти, надеясь ослабить накал борьбы, опубликовали 7 июня 1930 г. доклад комиссии Саймона, образованной в ноябре 1927 г. и занимавшейся изучением вопроса об изменениях в системе управления Индией. Но желаемого успеха власти не добились, так как из доклада следовало, что страна не получит прав доминиона [8, с. 25—248]. Тогда колониальная администрация заявила о необходимости созыва конференции «круглого стола» для обсуждения индийской проблемы, а затем через посредников (либералов Т. Б. Сапру и М. Р. Джаякара) попыталась воздействовать на Ганди с целью убедить его прекратить гражданское неповиновение и решить спорные вопросы путем переговоров. Аналогичные предложения получили и другие лидеры ИНК.

23—24 июля 1930 г. в Иеравде (тюрьма в г. Пуне) Сапру и Джаякар провели переговоры с Ганди, а 13—15 августа в них приняли участие переведенные из других тюрем отец и сын Неру, В. Патель, С. Махмуд, Дж. Даулатрам и С. Найду [2, с. 250—251]. Они написали письмо Ирвину от 15 августа. В качестве предварительных условий будущих переговоров с англичанами лидеры ИНК выдвинули следующие требования: немедленное признание за Индией права на выход из состава Британской империи, освобождение политических заключенных, возвращение конфискованных имущества и ценностей участникам гражданского неповиновения, восстановление на работе всех лиц, уволенных по политическим мотивам, отмена чрезвычайных указов [2, с. 644—647]. Ирвин в письме Ганди от 28 августа отказался удовлетворить эти требования, и преследования патриотов возобновились.

Вместе с тем империалисты проводили и политику лавирования. 12 ноября 1930 г. в Лондоне состоялась конференция «круглого стола». В ее работе участвовало 89 делегатов, специально отобранных колонизаторами и настроенных лояльно к существующему режиму. ИНК и другие организации, участвовавшие в гражданском неповиновении, не были приглашены на конференцию [Подробно см.: 14, с. 368—372; 16, с. 103—164]. Английский премьер-министр Р. Макдональд лицемерно заявил о возможности предоставления Индии прав доминиона, но при условии наделения особыми полномочиями вице-короля и генерал-губернаторов провинций, что фактически лишало индийцев возможности проводить самостоятельную политику [8, с. 229—232].

21 января 1931 г. в Аллахабаде Рабочий комитет ИНК, состоявший в основном из временных членов, обсудил результаты работы конференции и принял резолюцию, в которой не признавались ее решения, поскольку в ней не участвовали действительные представители индийского народа, находившиеся в то время в тюрьмах. В речи Макдональда, по оценке комитета, даже не затрагивался вопрос о принципиальном изменении политики английских правящих кругов в отношении Индии. Поэтому резолюция призывала конгрессистов и индийский народ продолжать

борьбу за независимость, выполняя прежние решения Конгресса [19, с. 425—426]. Однако 25 января 1931 г. колониальная администрация выступила с заявлением о своем стремлении к восстановлению мира в стране и намерении предоставить Индии права доминиона. Был отменен указ, поставивший ИНК вне закона, из тюрем освобождены Ганди и другие лидеры Конгресса [20, с. 49]. В свою очередь Ганди выступил с обращением к индийскому народу, в котором заявил о необходимости регулирования всех вопросов с властями и заключения почетного мира. Он призвал народ к продолжению производства соли, бойкоту иностранной одежды и питейных заведений. Аналогичный призыв содержался и в резолюции Рабочего комитета, заседания которого состоялись в Аллахабаде 31 января и 1 февраля 1931 г. [19, с. 430].

После этого руководство Конгресса развернуло интенсивную подготовку к переговорам с правительством. 16 февраля 1931 г. Ганди, получив от Ирвина положительный ответ на просьбу о встрече с ним, отбыл в Дели. Несколько позже туда отправились и члены Рабочего комитета, все более склонявшиеся к политике соглашательства и примиренчества. В специальной резолюции они поручили Ганди провести переговоры с вице-королем от имени Конгресса, наделив его неограниченными полномочиями [19, с. 432; 20, с. 53—54].

Изменение позиции Ганди и членов Рабочего комитета, еще недавно призывавших народ к борьбе, нельзя, видимо, объяснить только их миролюбием и стремлением к компромиссу, как это иногда делают некоторые исследователи. Несомненно, были и другие, более веские причины. Во-первых, умеренные и правые деятели, определявшие в то время политику ИНК, боялись выхода гражданского неповиновения за рамки ненасилия и перерастание его во всеобщее восстание. Поэтому они стремились договориться с англичанами о почетном мире на условиях, выгодных для обеих сторон. Во-вторых, активизация накануне и в ходе гражданского неповиновения левых сил в Конгрессе могла привести к смене его руководства. В-третьих, жестокие репрессии властей. В-четвертых, ослабление активности народных масс, вызванное не только репрессиями колонизаторов, но и тем, что они постепенно теряли веру в возможность завоевания независимости с помощью предлагаемых Конгрессом методов. В-пятых, Ганди и другие лидеры ИНК опасались, что в случае бойкота ими конференции «круглого стола» образовавшийся политический вакуум заполнят представители правых и религиозно-общинных организаций и Конгресс утратит роль ведущей общендийской силы.

Переговоры Ганди с Ирвином продолжались с перерывами более трех недель [Подробно см.: 15, с. 133—137; 19, с. 432—437]. Их содержание и ход сохранялись в строгой тайне, что вызвало недовольство журналистов, особенно американских. У индийской общественности сложилось впечатление, что на переговорах решается вопрос о передаче власти ИНК. В результате Ганди как лидеру будущей свободной Индии поспешили высказать свое ува-

жение представители различных партий, организаций, видные общественные деятели [2, с. 273]. Но надеждам индийцев сформировать собственное правительство не суждено было сбыться. В заключенном в ночь с 4 на 5 марта 1931 г. соглашении, получившем название Делийского пакта, или «пакта Ганди—Ирвин», об этом ничего не говорилось [Текст пакта см.: 7, с. 100—104].

Пакт состоял из 21 статьи. Вопрос о предоставлении Индии политической независимости или хотя бы статуса доминиона в пакте не затрагивался. В ст. 2 указывалось, что в будущем на переговорах, но только с согласия английского кабинета министров, будет рассмотрен план создания конституционного правительства в Индии, вопрос о котором обсуждался на конференции «круглого стола». Что касается гражданского неповиновения, то в соответствии со ст. 1 оно прекращалось; в последующих статьях содержались конкретные обязательства Конгресса по его прекращению. Это были большие уступки ИНК, означавшие его отказ практически от всех форм борьбы, используемых накануне и в ходе кампании гражданского неповиновения.

В свою очередь колониальная администрация взяла на себя обязательства привлекать в будущем представителей ИНК к разработке проектов конституционных реформ в Индии, содействовать экономическому развитию страны, отменить чрезвычайные указы, освободить большую часть политзаключенных, отменить штрафы за участие в антиправительственной деятельности и вернуть конфискованную у патриотов собственность (с оговорками), восстановить их на работе. Соляной закон не был отменен, хотя в отдельных случаях допускалось производство соли для личного потребления (в первую очередь это касалось беднейших слоев индийского общества). В случае несоблюдения конгрессистами условий пакта власти оставляли за собой право предпринимать такие действия, которые они считали необходимыми для защиты закона и порядка (ст. 21).

Фактически «пакт Ганди—Ирвин» был заключен на условиях, предложенных вице-королем. Хотя Ганди согласился прекратить кампанию гражданского неповиновения, он не смог добиться удовлетворения важнейших требований, выдвинутых им и Конгрессом в начале борьбы. Решение Лахорской сессии оказалось невыполненным. Власть английских империалистов в Индии сохранялась в неизменном виде. Те незначительные уступки, на которые оно пошло, не предусматривали политические и экономические изменения в стране. Индийцы по-прежнему были лишены элементарных политических прав и демократических свобод, подчинялись колониальному правительству, назначенному Лондоном.

Вместе с тем пакт сыграл и положительную роль в освободительной борьбе индийского народа. Впервые вице-король Индии вынужден был начать переговоры с руководителем Конгресса и признать его в качестве ведущей политической силы в стране. Это нанесло сильный удар по взглядам тех коммунистов, которые считали ИНК обычной общинной индусской партией. Пойдя

даже на небольшие уступки требованиям ИНК, английские империалисты тем самым признавали не столько конгрессистов, сколько силу индийского народа, от имени которого выступали конгрессисты. Наконец, признание Делийским пактом необходимости значительных конституционных изменений в будущем устройстве Индии способствовало активизации национально-освободительной борьбы, а колонизаторов вынуждало лавировать и идти на уступки.

Таким образом, кампания гражданского неповиновения 1930—1931 гг., руководимая ИНК во главе с М. К. Ганди, завершилась заключением компромисса с британскими правящими кругами. Главная цель кампаний — предоставление независимости Индии — не была достигнута. Как показали дальнейшие события, власти не соблюдали условий «пакта Ганди—Ирвин». Тем не менее пакт был первой уступкой британских колонизаторов национально-освободительному движению.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. Неру Дж. Автобиография. М., 1955. 3. *Congress presidential addresses from the silver to the golden jubilee*. Madras, 1934. 4. *Constitution of the Indian National Congress*. Allahabad, 1925. 5. *Indian constitutional documents*. Calcutta, 1946. Vol. 3. 6. *Indian National Congress*. (1920—1923); Being a collection of the resolutions of the Congress and the All-Indian Congress Committee and of the Working Committee of the Congress, from Sept. 1920 to Dec. 1923. Allahabad, 1924. 7. *India's struggle for freedom: select Documents and Sources*. Delhi, 1962. Vol. 1. 8. *Speeches and documents on the Indian constitution 1921—1947*. Bombay, 1957. Vol. 1. 9. *Gandhi M. Young India 1919—1922*. Madras. 1924. 10. *Gandhi. M. Young India 1924—1926*. Madras, 1927. 11. *Kaushik P. D. The Congress ideology and programme 1920—1947*. Bombay, 1964. 12. *Lakhanpal P. L. History of the Congress Socialist Party*. Lahore, 1946. 13. *Lakshman P. P. The Congress and labour movement in India*. Allahabad, 1947. 14. *Majumbar R. C. History of the freedom movement in India*. Calcutta, 1963. Vol. 3. 15. *Majumdar S. K. Jinnah and Gandhi* Calcutta, 1966. 16. *Moore R. J. The crisis of Indian unity 1917—1940*. Delhi, 1974. 17. *Netaji. His life and work*. Agra, 1948. 18. *Sinha L. P. The left wing in India (1919—1947)*. Muzaffarpur, 1965. 19. *Sitaramayya B. P. The history of the Indian National Congress*. Bombay, 1947. Vol. 1. 20. *Tendulkar D. G. Mahatma. Life of Mohandas Karamchand Gandhi*. Delhi, 1951. Vol. 3.

Поступила в редколлегию 20.10.89

В. Ф. ПАХОМОВ, канд. ист. наук

ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПОЛИТИКА НАРОДНОГО ФРОНТА В ЧИЛИ (1938—1941)

Складывающаяся в настоящее время обстановка в Чили создает благоприятные условия для расширения борьбы народных масс за демократию и социальный прогресс. Прошедший в 1989 г. Пленум ЦК Коммунистической партии Чили указал, что для осуществления этих целей необходимо проведение политики, диаметрально противоположной режиму А. Пиночета. Пленум призвал все организации Народного Единства уделять основное

внимание борьбе рабочего класса, содействовать сплочению профсоюзов и крестьянских федераций [2, 1989, 18 сент.].

В этой связи актуальное значение имеет опыт профсоюзной политики Народного фронта в 30-е — начале 40-х годов. Проводившиеся тогда правительством социально-экономические преобразования способствовали активизации движения трудящихся за свои права, улучшение условий жизни и труда. Их социальные завоевания в этой сфере явились конкретным показателем тех достижений, которых они смогли добиться при содействии правительства, а также критерием оценки его деятельности. Между тем указанные вопросы еще не нашли должного освещения в научной литературе [1].

Вспышки классовой борьбы в Чили в конце 1938 г. — начале 1939 г. заставили наиболее радикальные силы Народного фронта потребовать от новой исполнительной власти неукоснительного соблюдения всех положений трудового законодательства, поставить вопрос о признании права Конфедерации трудящихся Чили (КТЧ) на прямое вмешательство в любые конфликты между трудом и капиталом. Это дало повод правым охарактеризовать деятельность КТЧ как «органа, руководимого исключительно социалистами и коммунистами», организации, которая вместо того, чтобы заниматься проблемами рабочих, бесцеремонно вмешивалась в них, усложняя решение» [6, 1939, 26 февр.]. Правые пытались изобразить КТЧ «подстрекательской организацией», виновной во всех беспорядках и бесчинствах, направленных якобы против «стабильности экономической и социальной жизни» [6, 1939, 26 февр.].

Так возник вопрос о роли профсоюзного движения, который был наиболее сложным за весь период деятельности Народного фронта и его правительства. Рабочие Чили и их авангард — коммунистическая и социалистическая партии, — понимая, что профсоюзы служат главным орудием в борьбе за улучшение условий труда и жизни, добивались расширения их прав и полномочий, создания новых профсоюзов и т. д.

Одной из острых проблем являлась организация профсоюзов сельскохозяйственных рабочих. Партии Народного фронта считали необходимым создать сельскохозяйственные профсоюзы и включить их в общую профсоюзную систему страны. Против этого предложения выступила правая оппозиция, заявив о том, что «принудительное включение крестьян в профсоюзы» противоречит трудовому законодательству [5, 1939, 18 марта]. Демагогически истолковывая его положения, которые не устанавливали четкого разграничения между различными профсоюзными движениями, олигархия и правые стали оказывать давление на общественность, конгресс и правительство, а также на международные организации с целью отвергнуть инициативу Народного фронта. Они утверждали, что создание сельскохозяйственных профсоюзов приведет к нарушению в Чили «традиционных естественных условий труда и спокойствия в деревне», «нежелательному спаду

производства» и даже «застоем в сельском хозяйстве» [5, 1939, 18 марта].

Президент Агирре Серда, возглавлявший правительство, пытаясь разрешить споры между землевладельцами и крестьянами, предложил учредить смешанную комиссию, которая занялась бы изучением и анализом проблем производственных отношений в сельском хозяйстве. Он поддержал решение I сельскохозяйственного съезда (апрель 1939 г.) о создании такой экономической системы, действовавшей в интересах сельскохозяйственных рабочих. На съезде выдвигалось требование повсеместной организации профсоюзов, немедленного рассмотрения вопроса о восстановлении на работе незаконно уволенных рабочих и арендаторов [7, 1939, 27 апр.].

Спустя несколько месяцев Агирре Серда направил в конгресс специальный законопроект, предусматривавший меры по примирению хозяев и сельхозрабочих. 9 ноября 1939 г. конгресс начал чтение предложенного законопроекта [8, 1939, с. 9]. Его основное содержание сводилось к следующему: разрешалось создание и деятельность сельскохозяйственных профсоюзов по всей стране и во всех имениях, где число рабочих составляло не менее 100 чел. в возрасте 18 лет и старше; строго регламентировались взаимоотношения профсоюзов и землевладельцев, призванные обеспечивать, как говорилось в преамбуле проекта, «взаимосотрудничество между трудом и капиталом»; конфликты коллективного характера должны были разрешаться по просьбе одной из сторон специальной хунтой примирения и арбитража.

Как видим, проект разрешал создавать крестьянам профсоюзы и в значительной степени гарантировал стабильность труда. Однако, на наш взгляд, в таком виде профсоюзы носили все же коллаборационистский характер. Хотя проект ограничивал возможность профсоюзов, латифундистская оппозиция выступила против его утверждения, заявив, что он преследует цель создать «политический аппарат, контролируемый коммунистами и социалистами» [5, 1939, 10 нояб.].

Несмотря на сопротивление правых, процесс создания профсоюзов происходил успешно по всей стране. За период 1939—1940 гг. в его промышленности и сельском хозяйстве было организовано 888 профсоюзов, из них 294 промышленных, 594 непромышленных (профессиональных) и 100 сельскохозяйственных [8, 1940, с. 185].

В августе 1940 г. депутаты-социалисты Сапата, Годой, Росалес, Барман и Доулинг представили на рассмотрение конгресса проект организации профсоюзов крестьян, в соответствии с которым «сельскохозяйственные профсоюзы должны были являться организациями защиты интересов трудящихся деревни». Принадлежность к ним объявлялась личным и свободным делом каждого и должна была быть «социально значимой». Деятельность профсоюзов подлежала контролю со стороны КТЧ и Государственной инспекции по труду [3, 1940, 14 авг.].

Оппозиция, обеспокоенная предложениями социалистов, представила свой проект, который открыто ограничивал интересы рабочих и арендаторов и одновременно расширял права землевладельцев. В ноябре 1940 г. депутаты Народного фронта отвергли проект, представленный правым большинством, квалифицировав его как «не дающий никаких улучшений положения трудящихся деревни» [3, 1940, 12 нояб.].

Месяц спустя в Осорио открылся II сельскохозяйственный съезд, в работе которого участвовали поденщики, исполщики, рабочие, мелкие арендаторы. Съезд снова проанализировал острые проблемы трудовых отношений в деревне. 17 декабря 1940 г., закрывая съезд, Национальное руководство постановило ходатайствовать перед парламентом о немедленном рассмотрении проекта закона о легализации сельскохозяйственного профсоюзного движения. Оно выразило благодарность президенту Агирре Серде и министрам его кабинета, а также всем прогрессивно настроенным работникам сельского хозяйства за то, что они «бескорыстно принимали участие в крестьянском вопросе и в деле социальной солидарности» [7, 1940, 18 дек.].

К 1941 г. было создано 1271 новый профессиональный союз, из них 642 промышленных, объединивших 172 605 рабочих. Под контролем Конфедерации трудящихся Чили оказалось 1982 профессиональных организации, насчитывавших 208 775 чел. [8, 1941, с. 196].

На очередных сессиях конгресса в 1941 г. проблема профсоюзного движения вновь вызвала ожесточенную полемику между представителями Народного фронта и оппозиционерами. 28 июля депутат-консерватор Артуро Кардевинг демагогически заявил: «Я не боюсь упреков в предвзятости, утверждая, что профсоюзное движение в Чили провалилось, потому что выгоды от него пожинали политические дельцы, а рабочему классу оно приносило страх, что его доходы будут облагаться десятиной взносов и отчислений, назначение которых он не знает. Рабочему нет никаких улучшений, и доказательством тому является тот факт, что он так и остался в моральной нищете, потому, что пролетарский союз эксплуатируют с политическими целями. У меня нет никакой надежды на то, что при нынешнем правительстве может быть достигнута цель, которую оно преследует» [3, 1941, 28 июля].

На следующий день депутат-коммунист Рейнальдо Альварес дал отпор своему противнику, сказав: «Мы, трудящиеся Чили, объединимся в профсоюзы, потому что понимаем необходимость того, чтобы рабочий класс организованно оформился, чтобы на равных говорить с хозяином об условиях труда и заработной плате... И если рабочий класс в состоянии руководить своими профсоюзами и ставить свои проблемы, то это потому, что он выучился распознавать Вас по глубине Вашего лицемерия...» [3, 1941, 29 июля].

Выступление депутата от компартии свидетельствовало о том, какой глубокий сдвиг произошел в сознании трудящихся Чили.

Коммунистов поддерживали социалисты. Депутат Хосе Асеведо на очередной сессии сказал: «Мы, рабочие, должны знать действительное положение вещей, и я надеюсь, что большинство Уважаемой палаты сумеет правильно понять это справедливое желание и предоставит трудящимся свободу организации и благополучие, которого они заслуживают» [3, 1941, 5 авг.].

Однако создание новых профсоюзов не удалось закрепить конкретным законодательным документом. Главная причина заключалась в том, что все инициативы Народного фронта и его правительства встречали сопротивление имущих классов.

Кроме того, правительство понимало необходимость обновления свода социальных законов с тем, чтобы привести их в соответствие с постоянными изменениями в отношениях между трудом и капиталом, в частности установить новую систему оплаты за труд.

В 1939 г. в Чили началось движение прогрессивной общественности за установление так называемой «семейной зарплаты» [7, 1939, 7 июля]. 7 июля 1939 г. правительственная газета «Опиньон» подчеркнула важность разработки проекта закона, который определял бы структуру «семейной зарплаты» для рабочих, крестьян, служащих, военнослужащих и карабинеров. Такая зарплата складывалась из суммы 30 песо за жену и по 30 песо за каждого ребенка, что в среднем на семью из 4 чел. составляло примерно 15% месячной зарплаты (из расчета 10 песо за один рабочий день). «Семейная зарплата» предоставляла трудящимся средства на самые необходимые расходы: питание, жилье, минимальные санитарные удобства, одежду, образование и др. Проект был одобрен правительством, которое для его осуществления установило сумму в 300 млн песо в год [7, 1939, 7 июля].

Специальный проект «семейной зарплаты» был разработан и для сельских тружеников. Он предусматривал следующее: работа оплачивалась отдельно, и рабочий мог расторгнуть договор, если ему не удавалось вырабатывать дневную норму средней «семейной зарплаты» в стране; минимальная заработная плата в сельском хозяйстве устанавливалась для рабочего дня продолжительностью до 10 ч и достигала размеров не менее $\frac{3}{4}$ и не более $\frac{5}{6}$ дневной зарплаты, выплачивавшейся в течение последнего сельскохозяйственного сезона в соответствующем районе; минимальная заработная плата определялась комиссией в составе председателя, назначаемого президентом республики, трех представителей землевладельцев, назначаемых Национальным сельскохозяйственным обществом, и трех представителей, утверждаемых президентом республики [3, 1939, 2 нояб.]. В соответствии с этим проектом сельскохозяйственные рабочие приобретали статус, уравнивающий их с другими категориями трудящихся.

Оба указанных проекта зарплат в ноябре 1939 г. были переданы на рассмотрение в конгресс, однако встретили здесь решительный протест со стороны правых. Депутат-консерватор Фернандес, выступая на внеочередной сессии палаты депутатов 16 но-

ября 1940 г., заявил: «Мы не согласны на установление минимальной заработной платы, считаем, что она неприемлема в Чили при нынешних условиях, хотя является мерой труда и прибыли с капитала. Мы поддерживаем политику порядка и финансовой дисциплины, которая была бы направлена на поддержание курса нашей валюты и принесла бы народу снижение налоговых повинностей, которые вызывают дороговизну жизни» [3, 1940, 16 янв.]. Газета «Импарсыаль», осуждая социальную политику левых и правительства, писала: «Им мало проектов, и они вносят в конгресс новый, который повлечет за собой увеличение налогов с предпринимателей. Этот налог является несправедливым и, что самое серьезное, вызывает увольнение людей с предприятий. Социал-коммунизм, к сожалению, путает две вещи: раскритикованный индивидуализм и финансово-производственную дисциплину, призванную как раз поддержать «коллективное государство» [5, 1940, 4 марта].

Акцентируя внимание на финансовой стороне проблемы, правые, таким образом, критиковали деятельность правительства, предлагая взамен незначительные изменения в социальной сфере. Но тем не менее в 1938/39 финансовом году на увеличение заработной платы трудящимся и жалования служащим было выделено 264 млн песо, в том числе преподавателям — 80 млн, вооруженным силам — 60, карабинерам и жандармам — 58, на «семейные зарплаты» — 42, благотворительность — 24 млн песо [5, 1940, 5 марта].

Всего в 1939 г. Министерство труда израсходовало на выплату зарплат 1 млрд 716 млн песо [8, 1940, с. 11]. Расчеты контролировались провинциальными комиссиями по заработной плате, генеральными комиссиями по минимальной заработной плате и постоянными хунтами по трудовым спорам и арбитражу.

Декрет № 6528 от 10 февраля 1940 г. способствовал улучшению деятельности различных отделов Министерства труда и перечисленных организаций. Особого внимания среди них заслуживают бюро по найму, которые занимались разрешением споров хозяев с рабочими и служащими, а также изучали и регламентировали общие условия труда и его оплату. В 1939—1940 гг. в стране действовало 31 бюро по найму [8, 1940, с. 185].

Определенную сумму средств предоставило рабочим техническое бюро гигиены труда и страхования. Облеченное широкими полномочиями, оно осуществило около 600 обследований различных промышленных предприятий, проверило более 3 тыс. расчетов и возбудило более 4 тыс. исков по несчастным случаям на производстве, в результате чего рабочим и служащим было возвращено 4,1 млн песо [7, 1939, 3 окт.].

Важную функцию осуществляли трудовые суды, которые защищали лиц, получающих зарплату или жалование. Только в 1939 г. суды провели 41 337 процессов. В результате трудящимся было возвращено более 7,9 млн песо, из них 3 328 972 песо — рабочим и 4 627 997 песо — служащим. Кроме того, деятельность су-

дов по линии Управления социального обеспечения позволила получить более 9,4 млн песо в виде штрафов за невыполнение распоряжений и законов правительства [8, 1940, с. 185—186].

Декретом № 579 правительства Народного фронта от 15 июля 1939 г. был создан Верховный Совет по труду, являвшийся высшей инстанцией в спорах между трудящимися и хозяевами [4, 1939, 15 июля].

Однако по-прежнему оставался открытым вопрос о минимальных зарплатах. 1 августа 1940 г. в разгар законодательных заседаний сенатор-консерватор Мануэль Ираррасабаль подверг критике политику заработной платы, проводимой Народным фронтом, назвав ее «явно неспособной энергично противостоять разрушительной деятельности профсоюзов». Отрицательную оценку он дал и сельскохозяйственной зарплате, утверждая, что при этом устанавливается «абсурдный принцип соответствия». Он оспаривал также принятое правительством деление национальной территории на зоны для выплаты зарплаты, указывая на то, что оно «не способно остановить процесс удорожания жизни, поскольку не в состоянии унять за ростом цен и инфляции, вызванных отсутствием «порядка» при данном режиме» [3, 1940, 1 авг.].

Несмотря на сопротивление правой оппозиции, в 1940 г. правительство Народного фронта значительно увеличило зарплату трудящимся по сравнению с 1939 г. Сумма, предназначенная для выплат зарплат и жалований, достигла 2 млрд 455 млн песо. На увеличение зарплаты служащим частного сектора было выделено 76 346 724 песо, рабочим — 17 829 483. Эту сумму существенно дополнили различные доплаты в виде компенсаций за удорожание жизни, доплат, взывавшихся в судебном порядке. Они распределялись следующим образом: служащим — 8 345 575 песо, рабочим — 1 684 080, сельхозрабочим — 834 780, домашней прислуге — 172 849 [8, 1941, с. 17—18].

Благодаря деятельности правительства рабочие и служащие получили существенные надбавки к заработной плате. Например, для государственных рабочих она составила по официальной статистике 35 песо в месяц [8, 1941, с. 18]. Важной мерой правительства явилось введение по требованию трудящихся с 1940 г. системы «витальных зарплат», т. е. зарплат, соответствующих определенному прожиточному минимуму в каждой провинции страны. В 1940 г. минимальный оклад (324 песо) устанавливался в провинции Кольчагуа, а максимальный (496 песо) — в провинции Антофагаста. В 1941 г. правительство Народного фронта выделило для выплаты зарплат и жалования 2 млрд 918 млн песо. Размер «витальных окладов» составлял: минимальный — 444 песо в провинции Арауко, максимальный — 620 песо в провинции Аусен. В целом за три года объем заработной платы по сравнению с 1938 г. вырос на 69,8 % [8, 1941, с. 246—247].

В 1939—1941 гг. правительство и Народный фронт разработали ряд законопроектов в области профсоюзного и трудового законодательства. Они были представлены для обсуждения в кон-

грессе 4 февраля 1941 г. группой депутатов от коммунистической и социалистической партий [3, 1941, 4 февр.]. Наиболее важными из них были проекты законов об аренде, об обязанности предпринимателей устанавливать минимальную заработную плату своим работникам, о создании на каждом предприятии смешанных комиссий из хозяев и служащих для установления минимальных заработных плат, о предоставлении 15 рабочих дней полностью оплачиваемого отпуска для всех рабочих промышленности и сельского хозяйства, докеров, моряков и других категорий трудящихся, если они проработали 280 рабочих дней в году, об улучшении системы оказания первой помощи и возмещения убытков при травматизме, а также выдачи материальной помощи и пособия при потере трудоспособности и на похороны лиц, погибших в результате несчастных случаев на производстве.

Большинство из этих проектов из-за упорного сопротивления правых осталось на бумаге. Тем не менее правительство попыталось добиться с помощью законодательной деятельности улучшения социально-экономического положения трудящихся. Профсоюзное движение в Чили, таким образом, обогатилось новыми формами и методами борьбы.

Список литературы: 1. Гаранин Ф. А. Народный фронт в Чили. 1936—1941. М., 1973. 2. Правда. 3. Boletín de Sesiones del Congreso. 4. Diario oficial. 5. El imparcial. 6. El Mercurio. 7. La Opinión. 8. Mensajes Presidenciales (1939—1941) Biblioteca Nacional de Chile (Santiago), archivo.

Поступила в редколлегию 20.10.89

В. И. КАДЕЕВ, д-р ист. наук

К ВОПРОСУ О КУЛЬТЕ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ В ХЕРСОНЕСЕ

В I—III вв. н. э. Херсонес Таврический, в котором длительное время находился римский гарнизон и была стоянка флота, проживали семьи римских солдат и многочисленные выходцы из восточных провинций Римской империи, а также римские граждане из числа местных жителей [3], подвергся римскому влиянию. Это влияние проявилось в экономике, материальной и духовной культуре, искусстве, о чем свидетельствуют дошедшие до нас археологические, эпиграфические и нумизматические источники. Распространению римского влияния в Херсонесе способствовали также экономические и культурные контакты с римскими провинциями Малой Азии, Восточного Средиземноморья и Подунавья [4]. Признавая все это, мы вместе с тем не можем согласиться с имеющимся в исторической литературе мнением о том, что в Херсонесе существовал культ римских императоров.

Впервые мысль о существовании в Херсонесе культа римских императоров высказал К. Ганелл, перечисляя херсонесские культы [10, с. 218]. Основанием для такого вывода ему послужил декрет херсонеситов в честь отцов-гераклеотов (IOSPE, I², № 362). Позднее эту мысль повторил, но уже ссылаясь на две надписи (IOSPE, I², № 362, 423) и монеты, Г. Д. Белов [1, с. 119]. Однако какие он имел в виду монеты, сказать трудно, поскольку ссылки на них отсутствуют. Что касается упомянутых надписей (в честь отцов-гераклеотов и Аристана, сына Аттины), в которых при титулах римских императоров стоит слово ΘΕΟΣ, т. е. бог, то это обычный термин официальной титулатуры императора, а не указание на существование в Херсонесе культа римских императоров. В пользу толкования этого термина свидетельствует еще одна херсонесская надпись времени императора Домициана (IOSPE, I², № 422), при котором, по свидетельству Светония [Suet. Dom., 13,2], впервые в титулатуру здравствующих императоров вошел термин «бог».

Существование в Херсонесе культа римских императоров пыталась доказать в ряде работ Э. И. Соломоник [7, с. 39; 8, с. 17; 9, с. 31], которая обосновывает свой вывод тем, что в одной из херсонесских надписей (НЭПХ, № 13) упомянута должность ΑΡΧΙΕΡΕΥΣ, т. е. верховный жрец. Однако этот факт не является доказательством тому, что верховный жрец имел отношение к императорскому культу. В данном случае можно говорить только о том, что в первых веках н. э. в Херсонесе существовала коллегия жрецов во главе с архиереем, но не более. Если бы это был верховный жрец или первосвященник императорского культа, то в надписи его называли *αρχιερεύς των Σεβαστών*, как тогда именовали жрецов этого культа. На это указывают, в частности, надписи I—III вв. н. э., найденные на территории Боспорского царства, где существовал императорский культ, а роль первосвященников выполняли боспорские цари, начиная с Котиса (38 г. н. э.) и до Рескупориды III (216 г. н. э.). Во всех дошедших до нас надписях с упоминанием первосвященников императорского культа и датировемых в широком хронологическом диапазоне до 160 лет [5, № 41, 42, 44, 53, 981, 982, 983, 1045, 1047, 1118, 1122], для обозначения верховного жреца этого культа всегда применялась одна и та же формула: ΑΡΧΙΕΡΕΥΣ ΤΩΝ ΣΕΒΑΣΤΩΝ ΔΙΑ ΒΙΟΥ, т. е. пожизненный первосвященник Августов.

Нередко встречаются и другие варианты для обозначения верховного жреца императорского культа, но неизменно то, что в них совершенно отчетливо видна принадлежность жрецов к этому культу. Например, в одной из гераклейских надписей III в н. э. упомянута ΑΡΧΙΕΡΕΙΑ ΘΕΟΥ ΑΝΤΩΝΕΙΝΟΥ, т. е. первосвященница бога Антонина [10, с. 153]. Среди малоазийских надписей бытовала еще одна формула для обозначения жрецов императорского культа: ΙΕΡΕΥΕ ΤΟΥ ΘΕΟΥ ΣΕΒΑΣΤΟΥ, т. е. жрец бога Августа [11, с. 1403].

В пользу того, что херсонесский архиерей не являлся первосвященником императорского культа, свидетельствует и его имя.

Из-за повреждения стелы * начало имени не сохранилось и можно прочесть только его часть ...ТОУ ПАΠΙΟΥ **. Хотя имя сохранилось неполностью, ясно, что оно было греческим. На это указывает его структура. Можно предположить, что в утраченной строке надписи было не только имя, но и патронимикон. В таком случае сохранившееся в надписи ...ТОУ ПАΠΙΟΥ является, вероятно, именем деда, входившего в состав имени архиерея, поскольку в херсонесских надписях II в. н. э. член ТОУ помещали перед именем деда. Примерами могут служить эпитафия Александра, сына Хрестіона, внука Аполлония (НЭПХ, № 56), и декрет 129/130 гг. н. э. [IOSPE, 1², № 359], в котором упомянут первый архонт Т. Флавий Аристон, сын Флавия Аристона, внук Агеполіса. Следовательно, херсонесский архиерей имел греческое имя, тогда как первосвященники культа римских императоров обычно обладали правами римского гражданства, а значит имели в составе своего имени *ргаепоп* и *поп*. Исключения, конечно, встречались, но в тех общинах, где не было римских граждан. Что касается Херсонеса, то здесь в рассматриваемый период было немало римских граждан как среди местных жителей, так и среди выходцев из других городов и регионов, постоянно проживавших в городе [3, с. 42—43]. В случае существования в Херсонесе культа римских императоров римские граждане принимали бы в нем участие и вряд ли доверили роль верховного жреца лицу, не обладавшему римским гражданством.

Наконец, как показали специальные исследования [12], существование в том или ином городе императорского культа предусматривало обязательное возведение соответствующих храмов, алтарей. В таких городах существовали святилища, устраивались празднества, фестивали, приуроченные к дню рождения императора или по случаю нового года, в театрах устанавливались императорские статуи и в них давались представления, связанные с императорским культом [12, с. 109], а в гимнасиях проводились спортивные состязания в честь римских императоров [12, с. 110]. В некоторых городах в «императорский день» (*δευαδτη*) устраивались пиршества и раздачи для граждан [6, с. 41]. Для проведения и увековечивания всех таких мероприятий, требовавших немалых расходов, избирали жрецов императорского культа, как правило, из представителей местной элиты, а нередко — специальную коллегию гимнодов (*ὑμνωδοὶ φιλοσεβαστοὶ*), которая исполняла гимны во время религиозных церемоний, приуроченных к дням рождения императора, и на римский новый год. Известны также религиозные объединения частных лиц, которые наряду с почитанием своих богов почитали и римских императоров [6, с. 43]. В римских провинциях важную роль в организации празд-

* Каменная стела, на которой обнаружена надпись, в средневековую эпоху была превращена в базу колонны и обрезана, что и уничтожило часть надписи.

** Обычно в херсонесских надписях член ТОУ помещался перед именем деда. Исключением является имя жреца Хрестіона, сына Боиска (IOSPE, 1², № 359).

неств, связанных с императорским культом, играли такие своеобразные союзы, как герусии, широко известные во многих малоазийских городах в I—II вв. н. э., а также союзы «молодых» (νεοί) [6, с. 43].

Следовательно, существование культа императоров всегда подтверждается наличием соответствующих памятников в виде храмов, алтарей, постаментов, скульптур, монументальных надписей с упоминанием празднеств, раздач и состязаний, каталогов победителей и т. п. Однако в Херсонесе, где значительная площадь городища уже раскопана, до сих пор не обнаружены памятники, связанные с императорским культом. Поэтому, на наш взгляд, пока нет оснований для утверждения о существовании в городе культа римских императоров.

В связи с этим возникает вопрос: почему при наличии в Херсонесе римских граждан здесь отсутствовал императорский культ? Вероятно, потому, что город не входил в состав римской провинции, где культ императора был тесно связан со всей общественно-политической жизнью населения и являлся государственным. За пределами Римской империи императорский культ превращался в частный или общественный, а поэтому существовал далеко не во всех городах и регионах, даже при наличии проримской ориентации правящих кругов общества, вынужденных считаться с настроениями основной массы граждан, а также остального населения. А население Херсонеса выражало недовольство политикой Рима. Содержание военного гарнизона и отряда флота, посягательства римских солдат на городские доходы (IOSPE, I², № 404; НЭПХ, № 14), а значит на доходы местных граждан, приводили к недовольству и жалобам, которые направлялись не только наместникам Мезии, но и императорам. Введение императорского культа потребовало бы новых и притом немалых расходов, что легло еще более тяжким бременем на граждан города, в том числе и римских. Но если в провинциальных городах без таких расходов обойтись было нельзя, то за пределами империи обходились, если не возникало общества почитателей римских императоров. Факты о существовании в Херсонесе подобного общества пока отсутствуют.

Таким образом, источники, которыми мы располагаем, не подтверждают существование в Херсонесе культа римских императоров. Поэтому императорский культ мог быть только в вексиляциях римской армии, расквартированных в городе и его окрестностях, для которых он был официальным культом и отправлялся наряду с воинскими культами (*dii militares*).

Список литературы: 1. Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. 2. Кадеев В. И. О культурных связях Херсонеса Таврического с Фракией и Мезией в первых веках н. э. // Вестн. Харьк. ун-та. 1988. № 316. История. Вып. 22. 3. Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Х., 1981. 4. Кадеев В. И., Сорочан С. Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э. — V в. н. э. Х., 1989. 5. Корпус боспорских надписей М.; Л., 1965. 6. Свенцицкая И. С. Полис и империя: эволюция императорского культа и роль «возрастных союзов» в городах малоазийских про-

винций I—II вв.// Вестн. древней истории. 1981. № 4. 7. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсона. К., 1964. 8. Ее же. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. 9. Ее же. Древние надписи Крыма. К., 1988. 10. Hanell K. Megarische Studien. Lund, 1934. 11. Magie D. Roman Rule in Asia Minor. Vol. 2. Princeton. 1950. 12. Price S.R.F. Rituals and Rower. The Roman Imperial Cult in Asia Minor. Cambridge, 1986.

Поступила в редколлегию 28.10.89

Т. А. МАТАНЦЕВА, С. Б. СОРОЧАН

НАВЕРШИЕ АРХИЕРЕЙСКОГО ЖЕЗЛА С НАДПИСЬЮ

В ходе раскопок в Херсонесе (июль 1988 г.) обнаружена уникальная находка — навершие архиерейского жезла (ГХМ, инв. № 32/37164).

Навершие представляет собой шаровидный предмет (рис. 1), выточенный из слоновой кости (диаметр 0,034, высота 0,031), нижняя плоскость которого служит входом во внутреннее отверстие (диаметр 0,012 высота 0,015), оформленное торовидным выступом. Его внешняя поверхность украшена четырьмя парами врезанных на разной высоте концентрических окружностей; верхняя пара служит кольцевидным обрамлением для выгравированной на верхней горизонтальной плоскости монограммы (рис. 2); две другие пары, идущие по боковой плоскости, ограничивают собой полосу, вдоль которой вырезана однострочная надпись (рис. 3); нижняя пара проходит по нижней плоскости вокруг выступа — входа в отверстие (рис. 4). В самом центре верхней плоскости врезана маленькая окружность (диаметр 0,004), пересекающая линии монограммы, причем глубина врезки этой окружности значительно больше, чем глубина гравировки монограммы, что говорит об особом назначении окружности. Следовательно, она не является элементом монограммы и может быть интерпретирована как след крепления кости к токарному станку в процессе первоначальной обработки изделия.

Около трети всей поверхности навершия сильно повреждено, на сохранившейся части имеется несколько щербин и узких глубоких трещин; лицевые стороны предмета отполированы, нижняя — сглажена.

Предмет был найден при раскопках портового района Херсонеса на так называемом Юго-Западном участке, находящемся в квартале 1. Исследование этого участка ведется экспедицией Харьковского университета с 1987 г., раскопки проводились под руководством С. Б. Сорочана. Участок площадью 45 м² примыкает к средневековым усадьбам № 3 и 4 и находится рядом с XVI куртиной крепостных стен Херсонеса, на расстоянии 10—11 м от них. Площадь, примыкающая непосредственно к куртине, раскопана в 1900 и 1906 гг. К. К. Косцюшко-Валюжиничем. Сохранилось лишь общее описание обнаруженных при этом находок [1]. В 1988 г. на Юго-Западном участке был исследован

культурный слой мощностью 0,6 м [4, л. 4—14]. В нем были найдены остатки трех пифосов, вероятно, позднеантичного — ранне-средневекового времени, стоявших на одном уровне [6, с. 17—19, рис. 5]. По-видимому, в северной части участка находилось хозяйственное помещение. В культурном слое встречается сильно фрагментированный материал, относящийся в основном к V—VI вв., обломки изделий первых веков н. э., клейменные ручки эллинистических амфор IV—III вв. до н. э., монеты Романа IV, Василия I. Думается, слой носит нивелировочный характер и пред-

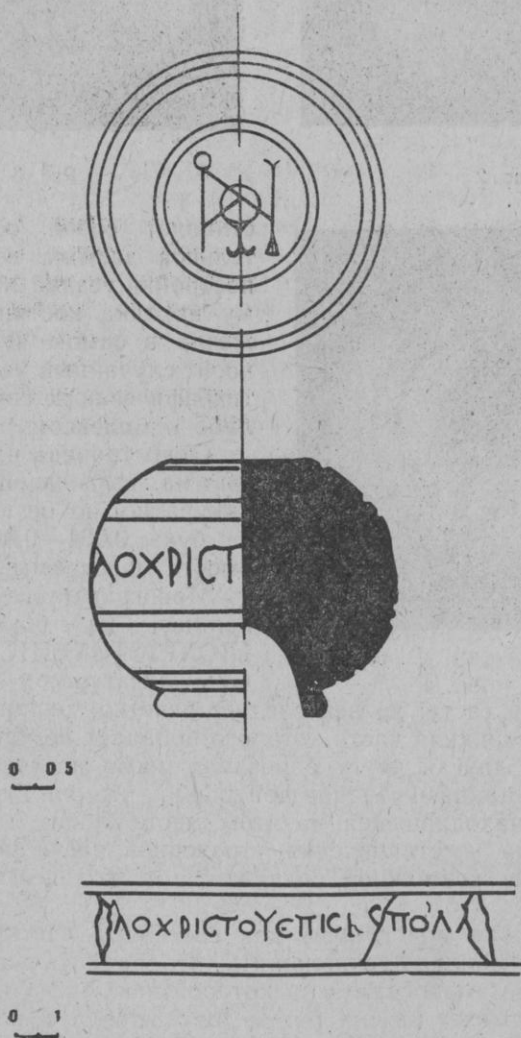

Рис. 1

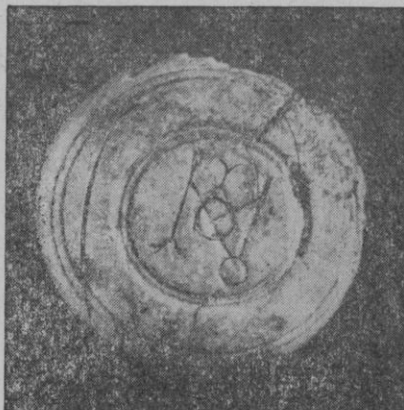

Рис. 2

Рис. 3

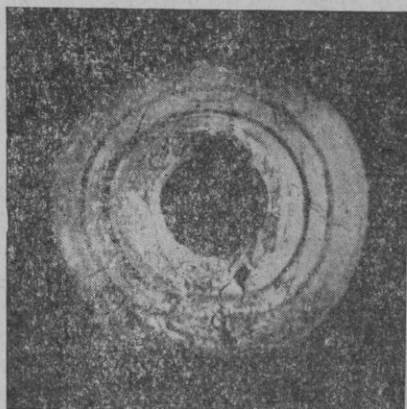

Рис. 4

верхняя косая гаста; за ней следует нечетко сохранившийся знак аббревиации, нижняя часть которого попадает на трещину; в двух наклоненных друг к другу бороздках после последней сохранившейся буквы надписи (λ) при допущении, что они следуют направлению гаст находившейся на этом месте буквы, можно предполагать χ. Для восстановления утраченной части надписи важно определить ее возможное содержание и количество пропавших знаков.

Рассматривая монограмму как составную часть всей надписи на предмете, можно предположить, что надпись на боковой стороне дополняет монограмму, в которой заключено имя владельца жезла, и указывает на чин (επίδκ [episcopu]doku), кафедру (πόλ — обычная аббревиатура для πόλεως) [7, subvoc]. Примеры такого рода известны. В мозаичной латинской надписи VI в. из базилики в Градо вокруг монограммы с именем епископа-строителя

ставляет собой остатки строительной засыпи, возведенной до постройки усадеб № 3 и 4. Поэтому находка костяного навершия жезла в самом центре участка носит случайный характер и стратиграфически не связана с каким-либо комплексом.

Однострочная надпись и монограмма на навершии вырезаны аккуратно, но не глубоко (высота букв 0,004—0,006; «о» 0,003; высота монограммы 0,011).

Монограмма (см. рис. 1 и 2); надпись на боковой стороне ΙΛΟΧΡΙΣΤΟΥΕΠΙΣΚΑΠΟΛΗ.

СТ — лигатура; у К отсутствует

имеются слова: *episcopus sanctae aequilensis ecclesiae* [25, с. 201]; иерархический чин сопровождается указанием кафедры в латинских надписях: 'υδακος ο οδωτ(ακος) ἐπίσκο(πος) τ[η]ς κο[ρυκίωτ]ων πόλ(εως) (514 г.; МАМА III, 197); ἐπί Εὐλαλίου ἐλδνό(που) χαλκηδόνας (VI в.) [14, с. 412]. Какая именно кафедра упоминается, установить невозможно. Но при предположении χ за последней сохранившейся буквой справа восстановление ΧΕΡСОНС покажется вполне допустимым.

При интерпретации левой стороны надписи возможны два варианта ее прочтения.

Во-первых, вероятно, перед указанием иерархического чина повторяется имя собственное, содержащееся в монограмме. Интересно привести замечание вьенского епископа Авита о том, что монограмма его имени содержится в расположенной вокруг нее надписи [15, с. 62; ер. 78 ар.]. В этом случае две первые буквы левой части надписи будут концом имени; в них без труда узнается морфема ηλ, характерная для усвоенных христианским обиходом библейских имен (например, μιχαηλ). В пользу восстановления здесь имени семитского происхождения говорит и то обстоятельство, что в греческом языке слова на λ не оканчиваются, эту букву на конце слова могут иметь только иноязычные имена собственные, как правило, в номинативе. Однако восстановить имя в настоящее время не представляется возможным без расшифровки монограммы.

Итак, первый вариант чтения надписи: ... χ ο χρίστος ἐπίσκ(ολος) πόλ(εως) [χερδου(ηδου)]. Перевод: ... епископ Христов города Херсонеса (?).

Итацизм в морфеме ηλ — самое уязвимое место в этом варианте. Подобное отступление от общепринятой орфографии кажется маловероятным и потому, что в именах собственных такие отклонения встречаются гораздо реже, чем в именах нарицательных. Кроме того, изящное изготовление навершия предполагает особую продуманность нанесенной надписи, практически исключая возможность ошибки гравера.

Во-вторых, можно предположить, что предшествующая слову 'ελτδп(олос) часть надписи включает в себе эпитет. Тогда надпись читается следующим образом: [τουφ]ίλοχρίδεου ἐπίσκ(ολος) πόλ(εως) [χερδου(ηδου)]. Перевод: Христолюбивого епископа города Херсонеса (?).

Эпитет φίλοχρίστος был распространен в христианском обиходе с древних времен и известен уже в патристике (например, Ath. Alex. Apol. Cons. 3//PG, 25, col. 600 A).

Количество пропавших знаков определяется довольно точно: длина дуги, которая соответствует утраченной поверхности, составляет примерно треть периметра предмета. Если сохранилось 19 знаков (две трети), то пропало около 10 (одна треть). Такое количество букв делает более убедительным второй вариант восстановления лакуны, где ΧΕΡСОНCΤΟΥΦ дает 11 знаков, причем

три из них (буквы «о» и знак аббревиации) занимает пространство наполовину меньше, чем остальные.

Совокупность палеографических особенностей начертания букв (π с горизонтальной гастой, выступающей над вертикальными; лунарная сигма; горизонтальная гаста Ε, не примыкающая к полукружью буквы вплотную; форма апексов) четко указывает на верхние хронологические границы находки — начало V в.

Приступая к разбору монограммы, приходится заранее ссылаться на недостаточную исследованность вопросов, связанных с расшифровкой подобных надписей, что допускает и пространное обоснование, и гипотетичный характер предлагаемых заключений. Имеется только несколько статей, затрагивающих эту проблему [12; 18; 22]. Монография Гардхаузена «Древняя монограмма» [11], будучи описательной, не содержит сколько-нибудь полезных обобщений. О слабой изученности этого раздела эпиграфики свидетельствует и тот факт, что во многих изданных эпиграфических памятниках монограммы в большинстве случаев остаются нерасшифрованными [10; 16—17].

Рассматриваемая монограмма относится к «двуствольчатому» типу (*Doppelstammonogramm*), распространенному с конца IV до середины VI вв., и включает в себе имя собственное [22; с. 412]. В сравнении с другим типом средневековых монограмм, крещатым, двуствольчатый труднее поддается расшифровке, поскольку вычленив отдельные буквы из такой «многослойной» лигатуры гораздо сложнее, чем определить порядок следования крестовидно расположенных букв в крещатых монограммах. Вполне понятны поэтому разночтения при расшифровке некоторых двуствольчатых монограмм [8—9; 20, с. 30, 115; 21]. Завершение двух вертикальных гаст монограммы буквами «о» и «Υ» (флексия генитива единственного числа второго склонения) является типичным признаком двуствольчатых монограмм [23, с. 211].

Раскрытие монограммы можно вести в двух направлениях. При чтении *in minimis portem* принимаются во внимание только те буквы, очертания которых не перекрывают друг друга (за исключением L), но соседствуют, имея в некоторых случаях общие гасты. Этими буквами будут L; η, μ, Α, ω; их сочетание дает Αμωηιζουου — имя, весьма распространенное в Византии V—VI вв. [19, sub. voc.]. Если вместо μ читать Α (с надломленной гастой), т. е. исключить из буквенного ряда μ, то получается более популярное имя — Ιωαυου.

При расшифровке *in maximam portem* следует учитывать и те буквы, которые, имея более простые очертания, могут полностью совпадать с буквами более сложными по форме и как бы поглощаться ими. Тогда к буквенному ряду прибавляется Δ и Ρ. Отметим также, что Μ при повороте на прямой угол можно интерпретировать как Σ. При чтении *in maximam portem* у данной монограммы имеется аналогия — близкая по очертаниям монограмма, расшифрованная ее издателем как 'Αλεξαυδρου [13]. Несом-

ненная ω в нашей надписи допускает только одну общую с этой аналогией морфему — $\alpha\upsilon\sigma\rho$. Таким образом имеются некоторые данные для определения искомого имени; этим данным соответствует $\Sigma\omega\delta\alpha\nu\delta\rho\omicron\varsigma$ — имя, зафиксированное в бюрократических кругах Византии в V в. [20, subvoc.].

В итоге можно предположить три варианта раскрытия монограммы: $\cdot\Lambda\mu\omega\nu\acute{\iota}\alpha\nu\omicron\upsilon$; $\cdot\Gamma\omega\alpha\nu\nu\omicron\upsilon$; $\Sigma\omega\delta\alpha\nu\delta\rho\omicron\upsilon$. Вполне возможно что дальнейшие исследования византийской просопографии дадут аргументы в пользу одного из этих имен. Если придерживаться первого варианта чтения надписи на боковой стороне предмета, то в монограмме следует предполагать одно из библейских имен, начинающихся на $\eta\lambda$ и содержащих также ω . Однако до сих пор такие имена не встречались. Значит, более вероятным можно считать второй вариант восстановления надписи.

Датировка памятника точно определяется по палеографическим признакам: нижняя хронологическая граница — конец IV в. (начало распространения двустольчатых монограмм), верхняя — первые десятилетия V в.

Как исторический источник находка говорит сама за себя. Отныне византинистика обладает надежным археологическим свидетельством христианизации далекого пограничного города византийской ойкумены в конце IV — начале V вв., которое, помимо прочего, служит косвенным подтверждением исторической достоверности известного агиографического памятника — жития семи епископов, прибывших в Херсонес с христианской миссией при Константине Великом [2; 3; 5].

Список литературы: 1. Косцюшко-Валюжинич К. К. Отчет за 1906 г. Раскопки у Карантинной бухты в местности расширенного города // Архив ГХМ, д. № 15, л. 22—38. 2. Лавров П. Жития херсонесских епископов в греко-славянской письменности. М., 1911. 3. Латышев В. В. Жития святых епископов Херсонесских: Исследования и тексты. СПб., 1906. 4. Сорочан С. Б., Шмалько А. В. Отчет о раскопках в Херсонесе на участке «Центр квартала» в портовом районе в 1988 г. // Архив ГХМ, д. 2848. 5. Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в VI—X вв. по Р. Хр. М., 1908. 6. Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. 7. *Avi Jonah M.* Abbreviations in Greek inscriptions (The Near East 200 B. C.—AD 1100) // Quarterly of the Department of Antiquities in Palestine L., 1940. 8. *Bury M. E. B.* A misinterpreted monogram of the sixth century // *Melanges Schlumberger*. P., 1924. 9. *Ferrua A.* Antichità cristiane. Riliggendo i graffiti di San Sebastiano 3 // *La civiltà cattolica*. 1965, III, IV. 10. *Firaili N.* Un tresor du 6-me c. trouvé à Kamluca on Lycie // *Acten*. 7. Internationalen Kongresse für christlichen Archéologie. Trier. B., 1965. 11. *Gardthausen V.* Das alte Monogramm. Leip zig., 1924. 12. *Gardthausen V.* Zur Lösung griechisch — byzantinischen Monogramme // *BNJ*. 8 (1931). 13. *Germer-Durand J.* Plombs byzantins trouvés à Ascalon // *Echos d'Orient*. 1904. T. 7. 14. *Grégoire H.* Inscriptions historigues buzantines // *Byzantion*. 1928—1929. T. 4. 15. *Grossi-Gondi C.* Trattate di epigraphia christiana, Latina e greca del mondo romano occidentale. R., 1968. 16. *Hartison R. M.* The church of S. Polyeuktos in Constantinople // *Acten*. 7. Internationalen Kongress für christlichon Archéologie. Trier. B., 1965. 17. *Hayes J. W.* A New Type of Early Christian Ampulla // *The Annual of British School at Athens*. 1970. № 66. 18. *Lecercq H.* Monogramme // *Dictionnaire d'archéologie chrétienne et liturgie*. T. 11. P., 1932. 19. *Martindale J. R.* The prosopography of the later Roman Empire. Cambridge, 1980. 20. *Matzulevitch L.* Byzantinische Antike. Berlin, Leipzig, 1929.

21. *Styger P.* Eine Bauinschrift Konstantins // *Architectura*. 1933. Bd. 1. 22. *Weigand E.* Zur Monogramminschrift der Theotokos /Kotmesis/ Kirche von Nicaea // *Byzantion*. 1931. T. 6. 23. *Weigand E.* rec. ad op. Xyngopoloc. Το καθολικόν της Μονῆς του Λατόμου εν Θεσσαλονικῇ καὶ τὸ ἐναντὶ ψηφιδωτόν // *BZ*. 1933. Bd. 33. 24. *Weigand E.* rec. ad op. *Styger P.* Eine Bauinschrift Konstantins // *BZ*. 1933. Bd. 33. 25. *Zovatto P. L.* Monogramm Gradesi del sec. VI // *Festschrift W. Sas-Zaloziecky*. Graz, 1956.

Поступила в редколлегию 20.11.89

С. В. ДЬЯЧКОВ

О СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ И ХАРАКТЕРЕ БОСПОРСКИХ ФИАСОВ В I—III вв. н. э.

Возникнув еще в классический период, религиозные и профессиональные союзы (фиасы) играли важную роль в жизни многих греческих государств, особенно начиная с эллинистического времени. В отличие от других государств Северного Причерноморья, где фиасы не имели заметного влияния, на Боспоре они были широко распространены в первые века н. э.

Фиасы Боспорского царства давно привлекают внимание ученых. Однако данная проблема далеко не исчерпана, что объясняется в первую очередь отсутствием достоверных источников, содержащих сведения о целях и функциях, сроках осуществления и составе фиасов.

Социальный состав боспорских союзов не являлся предметом специального исследования. Но ряд авторов, занимающихся изучением истории Боспора, высказали также и суждения по данному вопросу. По мнению одних ученых, фиасы были военными союзами жителей царства и носили аристократический характер [2, с. 213—214; 13, с. 71; 17, с. 432; 24, с. 43—44]. Другие считают, что в состав союзов входили представители высших слоев общества, и фиасы, таким образом, выступали в качестве средства объединения рабовладельческого класса боспорского общества [5, с. 431; 9, с. 109; 34, с. 209]. Наконец, существует точка зрения о наличии в фиасах Боспора помимо знати «средних слоев» населения [14, с. 74], а также свободных и полноправных граждан [7, с. 55; 23, с. 278].

Большинство исследователей рассматривает боспорские фиасы как культовые объединения. Дело в том, что в надписях фиасов нет указаний на профессиональный или какой-либо другой характер союзов*. Используя аналогии из других регионов античного мира, С. Ю. Сапрыкин предположил, что в надписях, где речь идет о «фиасе», видимо, подразумевается союз лиц, объединенных по профессиональному принципу под покровительством какого-либо божества, а упоминание о «синоде» свидетельствует

*Исключение составляет надпись фиаса навклеров из Горгииппии [11, № 1134].

о религиозном характере объединения [18, с. 67]. Но это предположение нуждается в дополнительной аргументации.

В настоящей работе автор попытался осветить вопрос о социальном составе и характере фиасов Боспора, опираясь на данные ономастики.

Наиболее ранняя надпись, относящаяся к римскому периоду, в которой упоминается фиас в Пантикапее, датируется 82 г. н. э. [11, №76] — временем стабилизации политического положения Боспорского царства. Надо полагать, что политическая обстановка в начале нашей эры не способствовала возникновению частных сообществ на Боспоре. Надпись 82 г. выполнена на богатой мраморной стеле и посвящена Зевсу и Гере Спасителям. В посвящении перечисляются полная титулатура правящего монарха, имена должностных лиц фиаса и простых фиаситов. Среди упомянутых в надписи 19 фиаситов следует выделить филагафа фиаса Антимаха, сына Харитона. Такое имя в I—II вв. носил царский посол в Танаисе [11, № 1237]; другой Антиммах, сын Харитона, «ведущий святынями», построил храм в Пантикапее [11, № 62]. Должность «ведущего святынями» занимала видное место в государственной иерархии Боспора [1, с. 78] и, вероятно, совмещалась с обязанностями филагафа фиаса. Возможно, что упомянутые лица являлись членами одной семьи, пользующейся влиянием в обществе.

Интересно, что в надписи этого фиаса среди обычных имен боспорцев в конце списка встречаются римские имена Луций, сын Квинта, и Руф, сын Эрота. Эти имена и особенно греческое Эрот были широко распространены среди рабов в странах Восточного Средиземноморья [29, р. 96, 101]. На Боспоре они появились только в римское время. В такой комбинации эти имена, вероятно, принадлежали вольноотпущенникам — выходцам из других районов античного мира или их потомкам. Таким образом, поклонение одному богу объединяло в союз людей различного этнического и социального происхождения. Очевидно, что данный фиас носил культовый характер.

Многие ученые указывали на военный характер фиасов Пантикапея, так как среди изображений на надгробных стелах, поставленных фиаситами своим товарищам, преобладают военные мотивы: всадники, воины, мечи, копья, луки, гориты и т. п. Эта группа памятников хорошо датируется 1-й половиной II в. [11, № 78, 80—81, 83, 88, 91 и др.]. Однако отметим ряд малоизвестных деталей, которые ранее игнорировались исследователями. Эпитафии отличаются крайней лаконичностью, в них указаны имена и должности лишь «первых лиц» руководства фиасов (синагог, филагаф, парафилагаф, прагмат) и имя усопшего. В надписях упоминается синод, но никак не выражен культовый характер союза, отсутствуют указания на почитаемых богов [18, с. 67]. Все надписи сделаны ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ — «памяти ради». К стати, подобная формулировка характерна для эпитафических памятников малоазийских городов [8, с. 93—96]. Надгробные

памятники выполнены из местного известняка. В эпитафиях указаны имена фиаситов без отчества [11, № 80—81, 87, 92—93], что являлось нарушением греческой традиции, согласно которой считалось обязательным указывать имя отца свободнорожденного человека. Установить причины отхода от общепринятого правила в данном случае трудно. Возможно, этнический и социальный состав этих фиасов был пестрым и фиаситы пренебрегали эллинскими традициями, стремясь сэкономить место на памятнике и средства на эпитафию. Интересны и имена фиаситов. Два фиаса поставили стелы и соответствующими надписями почтили «памяти ради» некоего Мастуса, сына Мастуса [11, № 80—81]. Имена руководителей одного фиаса — Калус, Трифон, Басилид, Патий — часто встречаются среди боспорцев [11, № 81]; имена руководителей другого союза известны только по этой надписи и на Боспоре не встречаются (ΜΙΚΑΣ, ΗΛΙΣ) или очень редки в просопографии царства (ΠΑΝΤΑΓΑΘΟΣ, ΕΥΡΗΜΩΝ) [11, № 80]. Зато имя Мик было распространено в Малой Азии, например в Галикарнассе и Лаодикее [33, § 916, s. 315, 693]. А имя ΗΛΙΣ Л. Згуста считал автохтонным, малоазийским [33, § 399, s. 181]. Надо полагать, что подбор имен не случаен и указывает на различный социальный и этнический состав фиасов и в определенной степени отражает различные цели и интересы фиаситов в этих союзах. Вероятно, Мастус, сын Мастуса, выступал в качестве благодетеля обоих союзов, что наблюдалось в общественной жизни греческих государств, где многие профессиональные союзы имели покровителей из числа городской верхушки [19, с. 59]. В других надписях этой группы фиасов также упоминаются редкие для Боспора и Северного Причерноморья имена — Арат, Гедист, Гиларион, Фимист, Филоксен, Саргоний и др.

Из вышеизложенного следует, что указанные союзы не являлись объединениями столичных аристократов. Тем не менее определенная связь этих фиасов с правящей верхушкой прослеживается. Один из фиасов кратко почтил память управляющего царским двором [11, № 78], другой синод наградил венцом своего парафилагафа Юлия Каллисфена [24, с. 43]. Он был погребен в обычном для боспорской знати склепе. Погребальный инвентарь состоял из золотой таблички, повествующей об этой награде, а также меча, кинжала, щита и панциря. Юлий Каллисфен носил императорское родовое и местное династическое имя, был удостоен перстня с изображением императора Клавдия [14, с. 75]. Все это указывает на высокий социальный статус усопшего. Не исключено, что часть пантикапейских «военных» фиасов курировалась вельможами боспорского двора.

Определить функции и характер этой группы пантикапейских фиасов на основании имеющихся источников вряд ли возможно. Однако такие косвенные данные, как военный характер объединения, редко встречавшиеся в Северном Причерноморье имена, нарушение традиций греческой просопографии, связи с царским двором и другие, позволяют предположить, что часть фиасов Пан-

тикапея в 1-й половине II в. объединяла воинов-наемников боспорской армии. Среди них были чужеземцы и лица с небезупречным социальным происхождением. Возможно, фиасы выполняли роль погребальных союзов аналогично подобным объединениям в римской армии в указанный период [32, р. 186]. Впрочем, погребальные сообщества известны в греческом мире издавна [22, с. 194].

Среди памятников Пантикапея этого времени необходимо выделить еще две надписи фиасов. В 1-й половине II в. синод во главе с Гермогеном и Каллистратом поставил известняковый памятник своему сочлену Цезию Флегонту — «памяти ради» [11, с. 86]. Номенклатура покойного римская, хотя когномен греческий. В других памятниках Боспора имя Флегонт не зафиксировано, но известно, что такое имя носил, например, отпущенник императора Адриана Флегонт Траллийский [10, II, 12]. Очевидно, в данном случае Цезий Флегонт не был коренным жителем Боспора и его социальный статус трудно определить. В другой эпитафии память некоего Сосия почтили синагог Зотума, филагаф Пантагаф и секретарь Деметрий [11, № 89]. Но имена их отцов в надписи отсутствуют. Вызывает интерес и состав личных имен: редко встречающееся на Боспоре имя Пантагаф [11, №№ 80, 1262, 1264] известно среди рабов и вольноотпущенников — мастеров арретинского керамического комплекса [31, s. 12, 108], а имя Сосий издавна носили рабы [4, с. 75]. В одной более ранней надписи Пантикапея упоминается вольноотпущенник Сосий, поставивший стелу своему умершему патрону [11, № 145]. Есть все основания считать, что в этих надписях речь идет об одном человеке [6, с. 77]. Вероятно, упомянутый фиас объединял выходцев из социальных низов боспорского общества, особенно нуждавшихся в объединении усилий, может быть, в торгово-ремесленной деятельности.

В 1-й половине III в. в Пантикапее надписи фиасов стали выполняться на известняковых надгробных стелах красной краской, причем делалось это небрежно и стоило, видимо, дешевле. Теперь во главе союзов стояли жрецы, а не «отцы синодов», как это было во II в. Упоминаются также синагоги, филагафы, парафилагафы, гимнасиархи, неанискархи. Состав должностных лиц фиасов, с одной стороны, подчеркивает религиозный антураж союзов, с другой — наличие филагафа, парафилагафа указывает на то, что эти союзы занимались благотворительностью. В других греческих обществах нам не удалось найти аналогии таким членам боспорских фиасов, как филагаф (ΦΙΛΑΓΑΘΟΣ) и парафилагаф (ΠΑΡΑΦΙΛΑΓΑΘΟΣ). Но этимология терминов предполагает, что в их обязанности входили забота о больных и обедневших членах фиаса, погребение фиаситов и членов их семей, возможно, опека над сиротами*. Подобной деятельностью занимались многие со-

* Вскормленничество характерно для боспорского общества I—III вв. н. э. [11, № 279, 315, 386, 407, 552, 680 и др.].

тозы в греческих городах Малой Азии римского времени [19, с. 54]. В одной из надписей пантикапейского фиаса умерший член синода назван «братом» [11, № 104]. Для греческих союзов этот факт необычен, и М. И. Ростовцев справедливо усматривал в нем восточное влияние [17, с. 433]. Все это свидетельствует об изменении характера фиасов или о появлении в Пантикапее новых по своему содержанию союзов.

Изменился и состав имен фиаситов. Теперь среди руководителей фиасов часто встречаются лица, носившие римские имена: жрецы Публий Юлиан, Юлий Никефор, Валерий, сын Никострата [11, № 96, 98, 104], отец синода, он же управляющий царским двором Юлий Самбион [11, № 98], филагаф Юлий Зенодор [11, № 99]. Никто из них, конечно, не был римским гражданином; Юлии, возможно, носили это имя, являясь вельможами или отпущенниками боспорских царей. В зависимых от Рима царствах отпущенники местных монархов, которые зачастую были римскими гражданами, принимали номенклатуру своих патронов [27, р. 40, 43—44]. Жрец Публий Юлиан носил необычное имя, нарушавшее римскую номенклатуру. Его искусственная номинация выдает варварское происхождение и стремление соответствовать политической конъюнктуре того времени. На другой стеле, поставленной фиасом своему сочлену, упоминается Гай, сын Фурта [11, № 101]. В его греческом по структуре имени соединены популярное римское имя Гай и редко встречавшееся на Боспоре варварское имя Фурт. Уцелело в надписи и имя одного из руководителей фиаса Забарг, имеющее явно туземное происхождение.

Таким образом, ономастикон надписей фиасов Пантикапея II—III вв. н. э. свидетельствует о том, что часть союзов объединяла наряду с коренными жителями Боспора выходцев из других районов Причерноморья, скорее всего из Малой Азии. Вероятность такого предположения достаточно велика, если принять во внимание многочисленные эпиграфические памятники, свидетельствующие о разнообразных связях Боспорского царства на Южном берегу Черного моря. Уместно вспомнить, что во II в. царь Савромат I выступал в роли «благодетеля и основателя» союза молодых никейцев в Пантикапее [11, № 44]. В почетной надписи, вырезанной на мраморном постаменте, подчеркивается, что Тиберий Юлий Савромат был «пожизненным первосвященником Августов». Характерно, что среди должностных лиц «возрастных» союзов, получивших распространение в Малой Азии в римское время, были жрецы императорского культа [19, с. 52—53].

Среди переселенцев на Боспор преобладали представители социальных низов, ремесленники, мелкие торговцы, вынужденные на чужбине объединяться в союзы для защиты своих интересов. Подобные союзы переселенцев из Малой Азии известны во фракийских землях [21, с. 164—165]. Еще в период складывания греческой полисной цивилизации ремесленное производство во многих государствах становилось уделом метеков, вольноотпущенников и прочих лиц, не имеющих прав граждан. В римское время

именно эти слои были особенно восприимчивы к новым культам [20, II, 85] и объединялись в различные союзы [25, с. 78; 29, р. 96].

И на периферии царства в зависимости от назначения у каждого фиаса был свой «устав» и структура. Например, фиас из Фанагории был близок по своим функциям «военным» фиасам из Пантикапея. В надписи под рельефом с изображением всадника упоминаются погибшие «доблестные мужи» Басилиск, Поф, Ортик, Дионисий [11, № 987]. В Гермонассе существовал культ Афродиты и соответствующий синод, куда входил и управляющий царским двором [11, № 1055]. Чрезвычайно интересные та-наисские фиасы нуждаются в специальном исследовании.

Большим влиянием пользовался фиас навклеров в Горгиинии [11, № 1134]. Этот союз занимал особое место среди боспорских ассоциаций. Покровительствовал фиасу царь Тиберий Юлий Савромат II. Союз возглавляли наместник царской резиденции, жрец фиаса Афенодор, сын Селевка, и наместник Горгиинии, синагог фиаса Мойродор, сын Неокла. Кстати, должность наместника Горгиинии, судя по именам, во II—III вв. занимали представители одной-двух семей городской верхушки. В 186 г. наместник города Неокл, сын Геродора, почтил статуей и мраморной стелой своего отца, бывшего наместника Горгиинии Геродора, сына Неокла [11, № 1119]. Еще один наместник, по-видимому Неокл, сын Мойродора, упоминается на обломке мраморной плиты, также установленной фиасом [11, № 1132]. Кроме того, в союз навклеров входили и другие государственные деятели: казначей священных сумм, стратеги, чиновники, ведавшие сбором пошлин на откуп.

В состав фиаса входили лица, носившие местные имена, но принадлежавшие к зажиточной и влиятельной верхушке граждан. Даже сохранившиеся в Горгиинии полисные институты в условиях Боспорского царства не всегда могли обеспечить защиту интересов землевладельцев и торговых кругов, что вполне гарантировал фиас навклеров, опиравшийся на столь мощную поддержку. Необходимо подчеркнуть, что коллеги «промышленников» были характерны для экономики античного общества [12, с. 43—44].

На наш взгляд, феномен распространения фиасов на Боспоре объясняется следующими факторами.

В результате кризиса полисной организации общества снизилась роль полисных институтов, а права боспорских городов в рамках монархического государства приобрели эфемерный характер. В этих условиях фиасы становятся единственно возможными видами корпораций, которые удовлетворяли потребность жителей античных городов в коллективных формах общежития и коллегиальности, обеспечивая взаимопомощь и защиту интересов тех или иных групп населения. Римская администрация проявляла осторожность в вопросе организации каких бы то ни было сообществ на подвластных ей территориях, если, разумеется, инициатива не исходила от нее самой [16, X, 93]. Император Траян запретил Плинию создавать коллегии пожарников в Никомерии

[16, X, 34], опасаясь, что она в конце концов станет в оппозицию римским властям. Но боспорские цари признавали и даже поддерживали фиасы, внедряя в них своих вельмож и чиновников, которые затем занимали во многих фиасах руководящие должности, контролировали их деятельность.

Многовековые экономические, политические и культурные связи Боспора с городами на Южном берегу Черного моря закономерно привели к тому, что один из потомков малоазийской эмиграции в первых веках н. э. устремился на Боспор. Поэтому часть боспорских фиасов составляли выходцы из Малой Азии — ремесленники, торговцы, воины-наемники, объединявшиеся в землячества, главной целью которых было почитание родных и синкретических богов, взаимовыручка, погребение сочленов. Последнее для эллинов, как известно, имело особое значение [15, с. 22]. Аналогичные землячества существовали и в греческих государствах Восточного Средиземноморья [19, с. 48; 22, с. 196].

И, наконец, создание подобных сообществ объясняется и усилением социальной структуры Боспорского царства. В это время продолжается процесс распада гражданских коллективов, возникают новые социальные группировки, связанные с формированием бюрократического аппарата царства, усилением римского влияния, расширением варварского присутствия, среди жителей царства появляются выходцы из римских провинций, в том числе римские граждане, римские и греческие вольноотпущенные, переселенцы с окраин страны. На Боспоре, так же как и во всем античном мире, в первые века н. э. культурные и профессиональные союзы объединили в своих рядах людей, разных по своему социальному, имущественному и этническому происхождению, что в ряде случаев стало возможным благодаря распространению культа безымянного бога [3, с. 48—49]. Почитание синкретического божества могло стать основой для объединения различных категорий населения Боспорского царства.

Список литературы: 1. *Алексеева Е. М.* Горгиппия в системе Боспорского царства первых веков нашей эры // Вестн. древней истории. 1988. № 2. 2. *Блаватский В. Д.* Пантикапей. М., 1964. 3. *Болтунова А. И.* Надписи Горгиппии // Вестн. древней истории. 1986. № 1. 4. *Велков В.* Рабы-фракийцы в античных полисах Греции VI—II вв. до н. э. // Вестн. древней истории. 1967. № 4. 5. *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. 6. *Дьячков С. В.* Отпущенники и их потомки в составе населения Боспорского царства в первые века н. э. // Вестн. Харьк. ун-та. 1988. № 316. 7. *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. 8. *Кадеев В. I.* Малоазийські написи з Херсонеса // Вісн. Харк. ун-ту. 1977. № 167. 9. *Книпович Т. Н.* Танаис. М.; Л., 1949. 10. *Константин Багрянородный.* Об управлении государством // Изв. Акад. истории материальной культуры. 1934. Вып. 90. 11. *Корпус Боспорских надписей.* М.; Л., 1965. 12. *Кузищин В. И., Штаерман Е. М.* Экономика и политика в античном обществе // Вопр. истории. 1989. № 8. 13. *Марти Ю. Ю.* Новые эпиграфические памятники Боспора // Изв. Акад. истории материальной культуры. 1935. Вып. 104. 14. *Мацулевич Л. А.* Кто был Каллисфен, называемый в надписи, открытой в Керчи в 1894 г. // Сов. археология. 1941. Т. 7. 15. *Платон.* Полное собрание сочинений. Т. 9. Гиппий Большой. Л., 1924. 16. *Планий Младший:* Письма. М.; Л., 1950. 17. *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на юге России. Спб., 1913. 18. *Сапрыкин С. Ю.* Из эпиграфики Горгип-

пии // Вестн. древней истории. 1986. № 1. 19. *Свенцицкая Е. С.* Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени (По материалам Малой Азии) // Вестн. древней истории. 1985. № 4. 20. *Тацит.* Сочинения Т. 1. Анналы. Л., 1964. 21. *Тачева-Хитова М.* Тракийские земли и Мала Азия през римската епоха // България в света от древността до наши дни. София, 1979. Т. 1. 22. *Устинова Ю. Б.* Частные культовые сообщества у греков // Быт и история в античности. М., 1988. 23. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. М., 1972. 24. *Шкорпил В. В.* Боспорские надписи, найденные в 1907 г. // Изв. археологической комиссии. 1908. Вып. 27. 25. *Штаерман Е. М.* Рабские коллегии и фамилии в период империи // Вестн. древней истории. 1950. № 3. 26. *Шюрер Э.* Иудеи в Боспорском царстве и общества «почитателей Бога» // Еврейская старина. 1916. Т. 9, вып. 2—3. 27. *Brand D.* Rome and the Friendly King N. Y., 1984. 28. *Corpus inscriptionum Atticarum.* Aetatis Romani. V. 3. Berolini, 1880. 29. *Gordon M. L.* The Nationality of Slaves under the Early Roman Empire // Journal of Roman Study. 1924. Vol. 14. 30. *Kajanto J.* Supernomina. A Study in Latin Epigraphy. Helsinki, 1966. 31. *Prachner G.* Die Sklaven und Freigelassenen in Arretinischen Sigillagerwerbe. Wiesbaden. 1980. 32. *Webster G.* The Roman imperial Army of the First and Second Centuries A. D. L., 1969. 33. *Zgusta L.* Kleinasiatische Personennamen. Praha, 1964. 34. *Ziebarth E.* Das griechische Vereinwesen. Leipzig, 1896.

Поступила в редколлегию 15.10.89

Б. П. ЗАЙЦЕВ, канд. ист. наук, **В. А. ЛАТЫШЕВА**, канд. ист. наук

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Археологическому музею Харьковского университета почти столько же лет, сколько и самому университету. Начало ему положил кабинет редкостей, официально основанный в 1807 г. В нем были собраны отдельные предметы древности, поступившие в университет в результате случайных сборов и пожертвований. Так, ректор университета И. С. Рижский после поездки по Новороссийскому краю в 1807 г. передал древности, привезенные из Ольвии; доктор Лабанд пожертвовал этнографическую коллекцию, собранную им во время первой русской кругосветной экспедиции в 1803—1806 гг. под руководством И. Ф. Крузенштерна [2, с. 441—442].

Поощряя пополнение коллекций кабинета, Совет Харьковского университета в 1807 г. обратился к директорам училищ подведомственного ему учебного округа с просьбой «отыскивать различные редкости, относящиеся до естественной истории и древностей, доставляя оные в сие правление, покупая их на счет университета» [9, с. 6]. С этого времени главной задачей кабинета древностей стало дальнейшее накопление археологического материала. Однако этот процесс шел медленно: в 1829 г. в собрании кабинета насчитывалось 73 предмета, к 1835 г. — 103 [3, с. 451]. Положение не изменилось и после 1835 г., когда на базе отдельно существовавших кабинетов — редкостей, рисования и живописи, миникабинета — был создан музей изящных искусств и древностей [11, с. 53]. Несмотря на это, он занял важное место в систе-

ме учебных и научных учреждений университета благодаря ценным художественной и нумизматической коллекциям. Его возглавляли ведущие профессора университета — А. О. Валицкий (1836—1849), А. П. Зернин (1849—1864), Н. А. Лавровский (1864—1867), В. К. Надлер (1867—1868), А. А. Потебня (1868—1884), Н. Ф. Сумцов (1884—1886), Г. Ф. Шульц (1886—1893), Е. К. Редин (1893—1908).

В рамках вновь созданного музея был образован самостоятельный отдел — отдел древностей. Однако на протяжении XIX в. археологическая коллекция пополнялась крайне медленно и бессистемно, за счет эпизодических пожертвований и случайных находок. Этим объясняется чрезвычайное разнообразие материалов коллекции, что затрудняло проведение ее научной систематизации.

Положение изменилось в начале XX в. в связи с подготовкой и проведением XII Археологического съезда, который проходил в Харькове в 1902 г. По случаю съезда были организованы специальные археологические выставки, на которых экспонировались материалы из раскопок Д. И. Багалея, В. А. Городцова, В. Е. Данилевича, А. М. Покровского, П. С. Уварова, проводивших исследования в Харьковской губернии. После съезда материалы выставок поступили в музей университета. Его археологическая коллекция сразу увеличилась до нескольких тысяч единиц хранения. Новая коллекция представляла собой хорошо документированный материал раскопок и охватывала период от каменного и бронзового веков до эпохи средневековья.

При музее изящных искусств и древностей была библиотека, которая к 1905 г. располагала крупнейшим в университете фондом литературы по археологии.

В 1906 г. в связи с ростом коллекций музеем было выделено новое помещение — бывшая квартира попечителя Харьковского учебного округа [11, с. 55] на ул. Университетской.

О состоянии археологических древностей в период с 1907 по 1917 гг. не сохранилось каких-либо конкретных сведений. Очевидно, в составе музея изящных искусств и древностей продолжал существовать отдел древностей, собрание которых изучали харьковские археологи и историки. Так, Д. И. Багалея использовал материалы музея при составлении археологической карты Харьковской губернии [4], Р. Шерцль составил и опубликовал каталог монет, хранившихся в музее [15].

В первые годы Советской власти, особенно в период гражданской войны, музей понес невосполнимые потери. Прежде всего пострадали художественная и нумизматическая коллекции. Наиболее ценные экспонаты музея находились на учете особого отдела при Народном комиссариате художественно-исторических имуществ РСФСР и числились в описях под индексами уникальных, в высшей степени редких, чрезвычайно редких, весьма редких изделий [6, с. 64]. Учитывая исключительную ценность коллекций музея, Харьковская комиссия охраны памятников искусств

и старины весной 1919 г., при наступлении на Харьков белогвардейских войск Деникина, обратилась к командованию Красной Армии с просьбой помочь вывезти из города наиболее ценные музейные экспонаты. По распоряжению командования в составе эшелона, предназначенного для эвакуации семей ответственных партийных и советских работников, был выделен специальный вагон для вывоза музейных ценностей, которые сопровождали три музейных сотрудника [6, с. 64]. Однако под Белгородом поезд подвергся нападению банды, и спецвагон с музейными коллекциями был разграблен. Возможно, нападение совершил один из летучих отрядов Н. И. Махно, поскольку некоторые изделия, принадлежавшие музею изящных искусств и древностей Харьковского университета (эмали, геммы, монеты и др.), позднее встречались в Гуляйполе. Другие ценные экспонаты, как было установлено расследованием Харьковской ЧК после освобождения Харькова от деникинцев, попали в руки частных коллекционеров, спекулянтов; основная часть коллекции пропала бесследно.

В значительно меньшей степени пострадала археологическая коллекция. Начиная с 1919 г. в литературе упоминается уже не коллекция древностей, а археологический музей как самостоятельное научное учреждение при Харьковском университете [16, с. 80]. В 1920 г. в связи с ликвидацией университета археологический музей получил статус городского. С 1919 по 1936 гг. его возглавлял А. С. Федоровский, с деятельностью которого связан принципиально новый период в жизни музея.

А. С. Федоровский организовал систематические поиски и обследования археологических памятников, в том числе и раскопки. Прежде всего были обследованы окрестности Харькова с целью выявления памятников древности, составления археологической карты, сбора вещественного материала, проведения раскопок. Весь обнаруженный археологический материал поступал на хранение в музей, где он подвергался обработке и научному анализу.

С 1919 г. при музее под руководством А. С. Федоровского работал археологический семинар. В его составе было немало таких энтузиастов, как М. В. Давыдова, В. М. Дукельский, И. Н. Луцкевич, Е. А. Никольская, А. А. Потапов, Г. И. Тесленко, Е. И. Финогенова, Н. К. Фукс. Некоторые из них впоследствии стали профессиональными археологами (И. Н. Луцкевич, А. А. Потапов, Н. К. Фукс). Участники семинара проводили разведки и раскопки памятников, готовили научные доклады и сообщения, читали лекции для населения города.

В 20-е годы в музее развернулась активная работа по выявлению, учету и охране археологических памятников. Для этого А. С. Федоровский составил специальные анкеты по каждому виду памятников, разработал программу сбора и регистрации археологических находок [12, с. 1—30]. Музей осуществлял регулярные разведки на Донецком городище, раскопки памятников скифского времени у Люботина, Липовой Роши, Огульцов, исследования катакомбного могильника в Верхнем Салтове и др.

Благодаря раскопкам, проводившимся в 20-х годах, фонды археологического музея пополнились материалами большого хронологического диапазона и различных культур от эпохи неолита и бронзы до средневековья. На их основе в музее была развернута экспозиция по следующим разделам: неолит, медно-бронзовая эпоха, скифо-сарматская эпоха, готский период, эллинская культура, культура поздних кочевников, славянская культура. Кроме того, в музее имелись такие экспонаты, как египетские мумии, саркофаги, коллекции изделий из Китая и Монголии (бронзовые статуэтки и большие статуи, печатные доски с иероглифами, книги, оружие), доспехи средневековых рыцарей и др. Интересные коллекции музея привлекали большое количество посетителей. Только в 1925 г. музей посетило 4 тыс. чел. [8, с. 85]. Музейные материалы использовали в своих научных исследованиях многие отечественные и зарубежные ученые-археологи: члены Академии истории материальной культуры Б. В. Фармаковский, А. А. Спицын, член Всеукраинской Академии культуры М. Я. Рудинский, профессор Гельсингфорского университета в Финляндии М. Тальгрэн, директор археологического отдела Шведского государственного музея в Стокгольме и др. [13, с. 90—94].

В 20-е годы в археологическом музее работала известная художница З. Е. Серебрякова. Гражданская война застала ее с четырьмя маленькими детьми в с. Нескучное (ныне Харьковский район). В 1919 г. З. Е. Серебрякова переехала в Харьков и, по рекомендации Ф. И. Шмита, заведовавшего кафедрой общей истории и теории искусств Харьковского университета, устроилась на работу в археологический музей в качестве художника. Здесь с начала 1920 г. она рисует «найденные в раскопках курганов предметы — ожерелья, черепки и пр.» [10, с. 39]. З. Е. Серебрякова вместе с членами археологического семинара принимала участие в археологических разведках, которые проводил А. С. Федоровский, в частности на Донецком городище. Помимо зарисовок археологического материала, З. Е. Серебрякова в эти годы писала и портреты харьковских археологов — Е. А. Никольской, Г. И. Тесленко.

С восстановлением в 1933 г. Харьковского университета археологический музей вошел в состав исторического факультета и находился при кафедре древней истории и археологии, которую с 1937 г. возглавил С. А. Семенов-Зусер. После А. С. Федоровского музеем заведовал преподаватель этой кафедры И. Н. Луцкевич. В 30-е годы продолжался рост музейного собрания за счет регулярно проводившихся археологических разведок и раскопок. Большое помещение музея, занимавшее в это время два этажа в здании главного корпуса на ул. Университетской, едва вмещало ящики с материалами, а музейная экспозиция по этой причине выглядела неупорядоченной.

Перед Великой Отечественной войной в археологическом музее насчитывалось до 200 тыс. экспонатов. В нем также хранилась и нумизматическая коллекция, насчитывавшая до 40 тыс. монет

и медалей [5, с. 95]. Она по-прежнему представляла собой историческую, художественную и материальную ценность. Из нумизматических пополнений следует упомянуть Безлюдовский монетный клад, найденный под Харьковом в 1930 г. Он состоял из 1092 серебряных арабских дирхемов и подражаний им, датированных IX—X вв.

В 1940 г. археологическому музею было выделено новое помещение на ул. Совнаркомовской, где размещался исторический факультет. Здесь была развернута новая экспозиция, хотя некоторую часть фондов так и не удалось перевезти из-за начавшейся войны.

В период временной оккупации Харькова немецко-фашистскими войсками археологический музей с его богатыми коллекциями был почти полностью уничтожен, нумизматическая коллекция разграблена. Во время оккупации погиб заведующий музеем И. Н. Луцкевич.

После войны археологический музей пришлось создавать заново. Ему было выделено небольшое помещение в здании на ул. Тринклера, 6, где тогда работал исторический факультет. Из довоенных материалов уцелело менее $\frac{1}{4}$ части нумизматической коллекции, в том числе Безлюдовский монетный клад, отдельные предметы восточного происхождения из дореволюционного фонда, каменная плита с текстом херсонесского декрета II в. н. э., коллекция скульптурных изваяний, «каменных баб» (29 статуй и их фрагменты), два мраморных бюста и две бронзовые статуи, воспроизводящие памятники античной скульптуры, которые украсили приемную и кабинет ректора университета, часть археологической коллекции, переданная в городской исторический музей. Несмотря на ценность некоторых чудом уцелевших музейных экспонатов, построить на этой основе научную экспозицию было невозможно. Возрождение музея началось лишь благодаря проведению новых археологических исследований.

В первые послевоенные годы возобновились раскопки курганов скифского времени около Люботина, археологического комплекса (могильник, городище, селище) в Верхнем Салтове (1946—1949), которые проводились под руководством С. А. Семенова-Зусера. Однако наиболее плодотворные археологические исследования начались с 50-х годов, когда эту работу возглавил Б. А. Шрамко. Археологические экспедиции университета, которыми на протяжении 40 лет руководит Б. А. Шрамко, проводили интенсивные и широкомасштабные исследования в бассейне Северского Донца, обеспечившие пополнение фондов музея новыми материалами из раскопок поселений и могильников по преимуществу скифского времени (Люботин, Островеерховка, Караван, Водяное, Шмаровка, Шелковая, Большая Гомольша, Скоробор, Осняги, Перещепино, Липцы, Веселое, Новый Мерчик и др.), памятников эпохи бронзы и раннего средневековья (Донецкое городище, городища у с. Коробовы хутора, Мохнач и др.). С 1954 г. начались раскопки крупнейшего в Восточной Европе

Бельского городища, продолжающиеся до настоящего времени. На основе ежегодных массовых поступлений археологических материалов значительно увеличились музейные фонды, появилась возможность для создания новой экспозиции. В 1957 г. к 40-летию Великого Октября в музее была подготовлена выставка, посвященная результатам археологических исследований ученых Харьковского университета. Был издан путеводитель по выставке, подготовленный В. И. Кадеевым [1]. В 1958 г. с вводом в эксплуатацию основного здания университета на пл. Дзержинского археологический музей получил небольшие помещения для музейной экспозиции, фондов, камеральной и фотолабораторий. В послевоенные годы в музее работали Б. А. Шрамко, А. Е. Кучер, В. В. Кулешов, Е. В. Пузаков, В. К. Михеев, В. З. Фрадник, Л. П. Грубник-Буйнова. Заведующими музеем работали В. И. Кадеев (1953—1959), Б. П. Зайцев (1959—1964), В. П. Андриенко (1964—1971); с 1971 г. — А. К. Дегтярь. Все они принимали активное участие в разведках и раскопках в бассейне Северского Донца, материалы которых поступили на хранение в музей.

С 1971 г. музей находится на ул. Тринклера, 8, в здании музея природы. Однако археологическим коллекциям отведено здесь небольшое помещение, не отвечающее элементарным требованиям хранения больших по объему и ценных с научной точки зрения археологических коллекций. Среди разнообразных находок, которыми пополнились музейные фонды в конце 50-х годов, самым значительным по объему и во многом уникальным был материал, обнаруженный на поселениях и в могильниках лесостепных племен скифского времени. Эта коллекция и сегодня остается наиболее представительной в музейном собрании.

С расширением археологических исследований началось систематическое изучение памятников не только скифского, но и постескифского времени, включая средневековые, а также памятников доскифской эпохи вплоть до ранней бронзы. Благодаря раскопкам В. К. Михеева (1963—1991) археологический музей располагает одной из лучших в стране коллекций по салтовомаяцкой культуре (Маяцкое городище в Донецкой обл., Сухая Гомольша, Красная Горка и др.). В результате раскопок памятников постескифского времени и средневековья, проводимых Б. А. Шрамко, Ю. В. Буйновым, А. Г. Дьяченко, А. К. Дегтярем, А. В. Крыгановым, музей пополнился материалами черняховской культуры (Войтенки, Павлюковка, Родной Край и др.), пеньковской культуры (Занки, Таранцево, Зубовка, Сухая Гомольша и др.), роменской и древнерусской культур эпохи Киевской Руси (Донецкое, Хорошевское городища и др.). С середины 70-х годов началось планомерное и систематическое изучение памятников доскифской эпохи в бассейне Северского Донца. Ю. В. Буйнов (1975—1991) проводил исследования памятников бондархинской культуры (Тимченки, Великая Тополяха, Родной Край, Бондариха, Студенок и др.). В 80-е годы С. И. Берестнев принял раскопки ряда поселений (Таранцево, Утковка, Студенок,

Снежковка, Зубовка) и курганов (Богуславка, Станиславка, Червоная Гусаровка и др.), относящихся к эпохе бронзы.

Значительное место в коллекциях музея занимают материалы из раскопок античных памятников, расположенных на юге страны. Долгое время они оставались вне поля зрения харьковских археологов. Но в 50-е годы в связи с приходом в Харьковский университет К. Э. Гриневича, специалиста по античной истории и культуре, начала развиваться и античная археология. Предпринятые под руководством К. Э. Гриневича раскопки в Ольвии (1954—1956, 1960) впервые обеспечили поступление в музей массового материала из этого крупного древнегреческого центра. Проблемами античной археологии впоследствии занимались В. И. Кадеев, В. А. Латышева, возглавившие две экспедиции — херсонесскую (с 1963 г.) и северокрымскую (с 1972 г.). Благодаря многолетним раскопкам этих экспедиций в археологический музей поступили материалы из могильника первых веков н. э., расположенного у совхоза «Севастопольский», античные амфоры, поднятые со дна херсонесской бухты*, а также разнообразный вещественный материал из раскопок поселений херсонесской хоры (Маслины, Гроты, Скалистое) в Черноморском районе Крымской области.

В настоящее время в музее насчитывается около 100 тыс. единиц хранения, в том числе свыше 8 тыс. монет и медалей от античной эпохи до современности. Эти материалы позволяют воссоздать историю и культуру племен и народов, населявших территорию современной Украины на протяжении около четырех тысяч лет. На материалах музея в 50—80-е годы защищено более 10 диссертаций, опубликованы три монографии [7; 17—18], сотни научных статей, написано большое количество студенческих научных докладов, курсовых и дипломных работ. Археологический музей Харьковского университета является одним из крупнейших на Украине археологических музеев, в котором созданы возможности для научных исследований и совершенствования качества профессиональной подготовки студентов исторического факультета.

Список литературы: 1. *Археология* в ХГУ за 40 лет: Путеводитель по выставке. Х., 1985. 2. *Багалей Д. И.* Опыт истории Харьковского университета Т. 1. (1802—1815). Х., 1893—1898. 3. *Багалей Д. И.* Опыт истории Харьковского университета. Т. 2. (1815—1835). Х., 1904. 4. *Багалей Д. И.* Археологическая карта Харьковской губернии // Тр. XII Археологического съезда. Т. 1. М., 1905. 5. *Журавский Ю. И., Зайцев Б. П., Мигаль Б. К.* Харьковский университет в годы Великой Отечественной войны. Х., 1989. 6. *Кларов Ю.* Станция назначения — Харьков. М., 1986. 7. *Михеев В. К.* Подонье в составе хазарского каганата. Х., 1985. 8. Науково-дослідчі заклади України // Наука на Україні. 1926. № 1. 9. *Редин Е. К.* Музей изящных искусств и древностей. Х., 1904. 10. *Савинов А. Н.* Зинаида Евгеньевна Серебрякова. Л., 1973. 11. *Ученые общества и учебно-вспомогательные учреждения Харьковского университета*

* Основной материал херсонесской экспедиции хранится в фондах Херсонесского музея в соответствии с действующими на территории заповедника требованиями.

(1805—1905). Х., 1911. 12. Федоровский А. С. Инструкции и программы для археологических разведок и сбора археологических материалов // Труды экспедиции для изучения Изюмского края. Вып. 4. Изюм, 1923. 13. Федоровский О. С. Відвіт Харківського археологічного музею // Наука на Україні. 1926. № 1. 14. Федоровський О. С. Анкети для реєстрації та опису пам'яток археологічних. Х., 1927. 15. Шерцль Р. Описание медалей и монет, хранящихся в нумизматическом кабинете императорского Харьковского университета. Х., 1910. 16. Шмит Ф. И. Исторические, этнографические, художественные музеи: очерк истории и теории музейного дела. Х., 1919. 17. Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Х., 1962. 18. Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). К., 1987.

Поступила в редколлегию 01.11.89

Б. А. ШРАМКО, д-р ист. наук

КУРГАНЫ У с. ВЕСЕЛОЕ В ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Харьковская область изучена в археологическом отношении весьма неравномерно. Бассейн р. Муром, левого притока р. Харьков, до недавнего времени был белым пятном на археологической карте. Д. И. Багалей в свое время отметил здесь несколько курганов, но они не раскапывались и сказать что-либо конкретное о их культурной принадлежности невозможно [2, с. 13]. А. Г. Дьяченко при разведке в 1976 г. зафиксировал три селища бронзового века и одно скифской эпохи [8, с. 126]. В 1978 г. в связи со строительством Муромского водохранилища мы получили возможность произвести не только разведки, но и охранные раскопки. Были найдены новые селища срубной культуры бронзового века, черняховской культуры и раскопано семь курганов. Шесть из них расположены двумя группами вдоль дороги из с. Веселое в Липцы, на возвышенности правого берега р. Муром, один — на возвышенности левого берега к северу от с. Веселое.

Курган № 1 имел высоту 2,6 м, диаметр 42 м. Полушаровидная насыпь внешне сохранилась хорошо. На глубине 50 см от вершины в центре насыпи обнаружены следы дерева от перекрытия, а под ним могильная яма № 1, впускного погребения ранне-средневекового кочевника. Размер ямы 130×95 см. Дно находилось на глубине 100 см. Судя по остаткам истлевшей ткани на костях и под ними, покойник был завернут в ткань и положен в могилу в вытянутом на спине положении головой на запад. У левой руки находились обломки грубоватого лепного горшка.

Основное погребение № 2 древнеямной культуры, для которого была насыпана небольшая первоначальная насыпь кургана, обнаружено в его северной поле на глубине 260 см от вершины. Начинаясь с уровня погребенной почвы могильная яма имела дно на глубине 350 см. В плане яма овальная, вытянута по линии север — юг. Размеры ее 117×65 см. Погребение сильно повреждено кротовинами. От скелета покойника в юго-восточной части могилы сохранились только правая лопатка, кисть правой руки

и крестец. Около руки стоял сосуд [рис. 1, 14] и встречались древесные угольки.

Впускное погребение № 3 располагалось в центре кургана таким образом, что яма его врезалась в край первоначальной насыпи. Ориентированная по линии север — юг прямоугольная яма размером 200×110 см была перекрыта бревенчатым накатником, положенным поперек ямы. Могила окружена глинистым выбросом. Дно на глубине 280 см. Погребение ограблено и от костяка сохранился лишь небольшой обломок трубчатой кости бедра. В северо-восточном углу могилы зафиксирован грабительский ход.

Курган № 2 расположен в 75 м к востоку от первого. Высота 4 м. Он не распахивался, но подошва кургана была подрезана бульдозером. Первоначальный диаметр достигал 60 м. В среднюю часть насыпи врезались траншея и четыре ямы кладоискателей, глубина которых доходила до 1,5 м. При раскопках в центральной части ямы замечена часть угла ямы разрушенного грабителями впускного погребения, в котором сохранились лишь пяточная кость и обломок голени. Дальнейшие исследования показали, что насыпь кургана имела сложную структуру. Первоначальной была насыпь кургана катакомбной культуры бронзового века, имевшая высоту 230 см и диаметр около 25 м. Черноземная в нижней части насыпь перекрывалась сверху мощным слоем обожженной докрасна глины, смешанной с землей. Этот слой достигал местами толщины 95 см. В центре древней насыпи на уровне погребенной почвы обнаружена круглая входная яма диаметром 100 см, окруженная выбросом из желтого песка. От уровня погребенной почвы входной колодец опускался до глубины 210 см. Здесь в западной стенке колодца был устроен вход в катакомбу, закрытый деревянным закладом. Высота входа 75 см, ширина у основания 70 см. Катакомба имела в плане форму прямоугольника размером 1,5×1,2 м, ориентированного длинной осью по линии север — юг. Пол катакомбы находился на 15 см ниже дна входного колодца. Покойник был положен на правом боку на подсыпке из красной охры и ориентирован головой на юго-восток. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Второе погребение было впущено в полу первоначального кургана, и насыпь увеличена до высоты 4 м. На глубине 560 см от вершины кургана зафиксировано деревянное перекрытие могилы, которая в плане имела вид прямоугольника со сторонами 380 и 280 см. Дно могилы находилось на глубине 640 см. Стенки могильной ямы были облицованы деревом, а в центре найдены остатки деревянного ящика-саркофага, ориентированного, как и могила, по линии запад — восток (рис. 1, 9). Размеры саркофага 155×255 см. Между ним и стенкой могилы у восточного угла лежала каменная зернотерка. На углах ящика в правильном анатомическом порядке лежали копытная, венечная и путовая фаланги ног лошади, а на остатках дерева в некоторых местах были заметны следы кожи с шерстью. Очевидно, саркофаг был покрыт шкурой лошади, от ног которой оставлены в целом виде нижние

части, что, по сообщению Рубрука, характерно для половецких погребений (5, с. 102). Внутри ящика-саркофага у его северной стенки был положен в вытянутом положении на спине покойник, ориентированный головой на запад. У ног покойника находились обломки двух глиняных горшков и рядом с ними несколько позвонков лошади от куска мяса, положенного в качестве заупокойной пищи. Около плечевой кости правой руки покойника прослежены остатки бересты от сумки. Рядом лежали обломки еще одного глиняного сосуда. Все данные свидетельствуют о том, что это — половецкое погребение XII—XIII вв. [4, с. 172—182].

Вторая группа из четырех курганов находилась на расстоянии 1,5 км от первой в направлении к юго-востоку и представляла собой могильник раннего железного века. *Курган № 3* имел высоту 0,5 м и диаметр 20 м. Под черноземной насыпью на уровне погребенной почвы обнаружена прямоугольная могильная яма, окруженная с трех сторон небольшим глиняным выбросом. Размер могил 195×255 см, глубина от вершины кургана 140 см. Яма ориентирована по линии запад-восток. Погребение полностью ограблено. В насыпи и в заполнении могилы обнаружено несколько мелких костей человеческого скелета, беспорядочно разбросанных. В средней части могилы лежал обломок стенки амфоры, а у западной стенки — кусочки обожженной глины и угольки.

Курган № 4 расположен в 120 м к юго-востоку от кургана № 3. Его высота 165 см, диаметр 32 м. При снятии насыпи обнаружены следы грабительского лаза, ведущего от вершины кургана к могиле. В нем встречались обломки железного панциря. На уровне погребенной почвы просматривалось пятно входного колодца и пятно на месте провалившегося свода катакомбы. В плане входной колодец прямоугольный, размеры 205×135 см. С трех сторон он был окружен глиняным выбросом, имел две ступеньки (на глубине 255 и 320 см от вершины кургана) и достигал глубины 410 см. В восточной стенке колодца сделан арочный вход в катакомбу. Его ширина в основании 90 см (рис. 1, 1—3). Катакомба в плане имела сложную форму, близкую к трапеции. Расстояние от входа до задней стенки катакомбы — 320 см. Длина задней стенки 340 см. Корытообразное дно могилы начиналось на 30 см ниже входного колодца, и глубина его в средней части достигала 520 см. В заполнении входного колодца попадались железные чешуйки от панциря и мелкие обломки человеческих костей. В могиле обнаружены остатки двух человеческих скелетов, мужского и женского, беспорядочно разбросанные. Два человеческих черепа найдены вблизи центра могилы. Один из них имел прижизненную деформацию, придавшую ему необычно удлиненную форму. У западного угла могилы лежали берцовая кость, крестец, три тазовых кости, а у северной стены — две бедренные кости. Остальные кости сосредоточены у входа: одна нижняя челюсть, бедренная, плечевая, локтевая кости, крестец, лопатка, несколько ребер и позвонков. Сохранившиеся вещи (рис. 2, 1—7) также были разбросаны. В западном углу лежали облом-

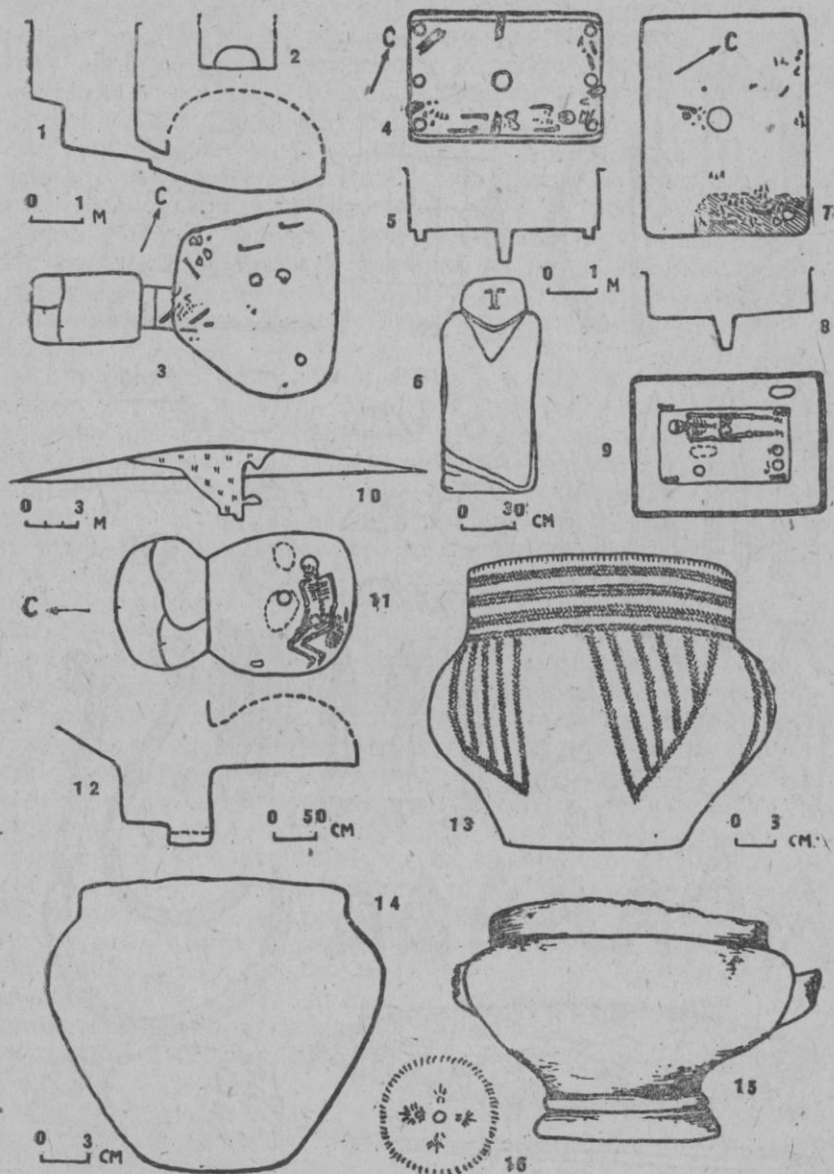

Рис. 1. Погребальные сооружения и находки в курганах у с. Веселое:
 1 и 3 — профиль и план катакомбы в кургане № 4; 2 — вход в катакомбу; 4-5 — план
 могилы в кургане № 5; 6 — каменное изваяние из кургана № 5; 7-8 — план и профиль
 могилы в кургане № 6; 9 — погребение № 2 (половецкое) в кургане № 2; 10 — профиль
 кургана № 7 (Красная могила); 11-12 — план и профиль катакомбы в кургане № 7; 13 —
 глиняный сосуд из кургана № 7; 14 — глиняный сосуд из погребения № 2 в кургане № 1;
 15-16 — канфар из кургана № 4 и орнамент на дне этого сосуда.

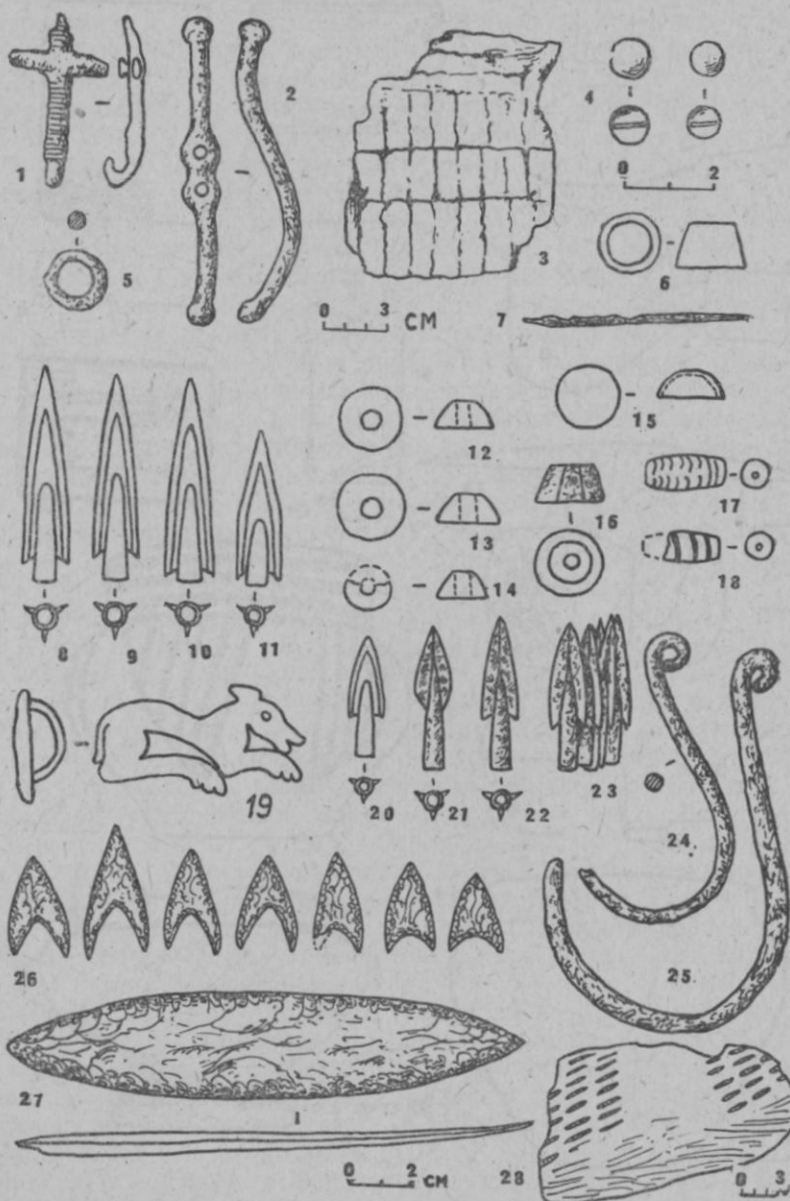

Рис. 2. Находки из курганов у с. Веселое:

1 — крюк для колчана; 2 — псалий; 3 — обломок панциря; 4 — выпуклые бляшки; 5 — кольцо от удила; 7 — шило; 8-11 — наконечники стрел (8 — 1 шт., 9 — 2 шт., 10 — 3 шт., 11 — 1 шт.); 12-14 — ворворки; 15 — выпуклая бляшка; 16 — ворворка; 17-18 — бусы; 19 — бляшка с изображением пантеры; 20-23 — наконечники стрел (20 — 1 шт., 21 — 2 шт., 22 — 2 шт., 23 — много); 24-25 — крючки для колчана; 26 — наконечники стрел; 27 — кинжал; 28 — жаровня из обломка сосуда. Места находок: 1-7 — курган № 4; 8-15 — курган № 5; 16-25 — курган № 6; 26-28 — курган № 7 (Красная могила). Материал: 1-3, 5, 7, 16, 21-25 — железо; 4 — золото; 6, 8-11, 15, 19, 20 — бронза; 12-14 — кость; 17-18 — непрозрачное цветное стекло; 26-27 — кремнь; 28 — керамика.

ки железного шила и большой фрагмент панциря. Отдельные железные чешуйки от панциря встречались в могиле и в других местах. Почти в центре находился железный крючок для подвешивания колчана, южнее его — бронзовая ворворка, а западнее — железный двухдырчатый псалий, железное кольцо от удила, две полушаровидные золотые бляшки с ушком и мелкие обломки каких-то железных предметов. Около восточного угла катакомбы стоял чернолаковый канфар IV в. до н. э. (рис. 1, 15—16), у которого еще в древности были отломаны ручки и часть венчика. На дне могилы имелась подсыпка из мела. Устройство могилы, деформация черепа у одного из покойников, меловая подсыпка позволяют считать это погребение позднесавроматским (6, с. 82—84, 94).

Курган № 5 расположен в 215 м к югу от кургана № 4. Его высота 150 см, диаметр 32 м. В южной поле кургана от уровня погребенной почвы обнаружены два культовых места с остатками жертвоприношений. На участке «А» компактно лежали кости конечности и челюсти коровы рядом с фрагментом стенки амфоры. На участке «Б» из двух плоских камней был устроен жертвенник, полукругом около него располагались кости ног, ребра и позвонки коровы.

В центральной части кургана на уровне погребенной почвы обнаружены остатки перекрытия от ямы погребального склепа, окруженной с трех сторон глинистым выбросом. На перекрытии найдена антропоморфная стела. Вероятно, первоначально она была вкопана на вершине кургана, но после оседания разрушенного грабителями и сгнившего перекрытия стела опустилась и оказалась внутри насыпи. Она оставалась в вертикальном положении и была обращена лицом к югу. Высечена стела из глыбы фиолетового песчаника, которой придана форма прямоугольного в сечении бруса с небольшим выступом. Изображение на ней довольно схематично (рис. 1, 6). Выделена только голова с плоским лицом, на котором грубо обозначены глаза, нос и рот. Ниже показан треугольный вырез одежды на груди, а на шее слегка намечено украшение в виде гривны. Высота стелы 118 см, ширина 55 см, толщина 26 см. Судя по следам на поверхности камня, при изготовлении стелы применялись два орудия: одно — типа пробойника с круглым бойком, а другое — типа зубила с продолговатым бойком.

Прямоугольная в плане яма, в которой был устроен погребальный склеп, имела в верхней части размеры $3,85 \times 2,54$ м и ориентирована по линии северо-восток — юго-запад. Вдоль длинных сторон ямы находились заплечики шириной около 20 см, на которые опирались бревна перекрытия. Глубина ямы от вершины кургана 340 см. По углам ямы и у середины торцевых сторон расположены шесть столбовых ям диаметром от 13 до 20 см глубиной от 15 до 35 см. Закрепленные в них столбы не подходили вплотную к стенам и служили для закрепления деревянной облицовки, следы которой сохранились в некоторых местах. Кроме того,

в центре могильной ямы была еще одна большая столбовая яма (диаметр 40 см, глубина 70 см), предназначенная для столба, поддерживающего перекрытие, на которое давила не только почва насыпи, но и тяжелая каменная стела (рис. 1, 4—5).

Погребение было ограблено в древности, и костяк покойника поврежден. Но судя по тому, как лежали крупные трубчатые кости, череп и таз, можно считать, что покойник был положен у юго-восточной стены могилы в вытянутом положении на спине и ориентирован головой на восток с небольшим отклонением к северу. Под черепом сохранились остатки берестяной подстилки. Вещей в погребении сохранилось немного. Между отброшенными грабителями к северному углу костями найдены круглая бронзовая бляшка и бронзовый наконечник стрелы. Другой аналогичный наконечник лежал среди костей в области груди покойника. Все остальные бронзовые наконечники стрел (рис. 2, 8—11) и три костяные конические ворворки (рис. 2, 12—14) находились у южного угла могилы. Один бронзовый наконечник стрелы найден отдельно в заполнении ямы центрального столба. Совокупность наконечников стрел, принадлежащих к типам, характерным для VI—V и V—IV вв. до н. э. [3, с. 20, 24] позволяет датировать это погребение V в. до н. э.

Курган № 6 расположен в 205 м к северу от кургана № 5. Он сильно распахан. Его высота 90 см, диаметр около 30 м. Уже на глубине 60 см в насыпи был обнаружен кольцевой выброс глины, окружавший прямоугольную могильную яму размером 320×420 см, перекрытую накатником, концы которого лежали прямо на погребенной почве. Глубина могилы 145 см. В центре могилы находилась столбовая яма диаметром 50 см, глубиной 70 см. Ориентирована яма по линии северо-запад — юго-восток. Погребение было ограблено. Человеческие кости поломаны и разбросаны так же, как и остатки вещей. Но все же основная масса вещественных остатков сосредоточена в юго-восточной части могилы у стенки, где было устроено деревянное ложе, ориентированное по линии северо-восток — юго-запад. Здесь лежали бедренная кость, локтевая и лучевая кости руки, обломки таза, позвонки и ребра. Другое скопление костей скелета, в том числе череп пожилого человека, находилось у центрального столба, к которому выходил грабительский лаз (рис. 1, 7—8). Из вещей найдено больше всего железных наконечников стрел (рис. 2, 20—23), характерных преимущественно для IV—III вв. до н. э. Точное количество их установить трудно, так как наряду с целыми экземплярами имелись обломки и куча наконечников, которые превратились в сплошной комок ржавчины. Видимо, в могиле было не менее 35 наконечников этого типа. Одним экземпляром представлен бронзовый наконечник (рис. 2, 20). Вблизи северного угла рядом с железными наконечниками найдены две пастовые бусины (рис. 2, 17—18) и железный крюк для колчана (рис. 2, 24). Другой аналогичный крюк вместе с железными наконечниками стрел лежал на деревянном ложе в восточном углу. У столбовой ямы в центре моги-

лы обнаружены железная ворворка (рис. 2, 16) и небольшой обломок амфоры, а к северу от них — бронзовая бляшка (рис. 2, 15), на которой изображена пантера или какой-то другой хищник.

Курган № 7, который местные жители называли «Красной могилой», расположен особняком на возвышенности левого берега р. Муром. Он хорошо был виден даже на большом расстоянии, хотя его насыпь сильно распахана и ее высота составляла немногим более 1 м при диаметре 24 м. Насыпь в основном состояла из чернозема, но в центре ее и в заполнении входного колодца встречалась глина, значительная часть которой подвергалась обжигу до засыпки. На глубине 60 см в этом глинистом слое найден обломок нижней челюсти человека, попавший сюда при сооружении кургана. Входной колодец в верхней части имел почти квадратную в плане форму размером 285×300 см. По мере углубления колодца ширина его уменьшилась, так как южная стенка была вертикальной, а северная — наклонной. На глубине 230 см он имел размеры 165×170 см, а на глубине 240 см был овальным с диаметром 137×148 см. На глубине 345 см обнаружена первая ступенька, а на глубине 358 см — вторая. Дно входного колодца находилось на глубине 370 см, в то время как дно погребальной катакомбы, выдолбленной в южной стенке, располагалось на глубине 280 см. Ширина входа в катакомбу 100 см. Размеры дна катакомбы 170×170 см. Погребение оказалось неограбленным. Покойник был положен у задней стенки катакомбы лицом ко входу. Он лежал в скорченном положении на правом боку и был ориентирован головой на восток (рис. 1, 10—12). У головы лежала красная охра, у правой руки на подсыпке из красной охры стоял глиняный горшок (рис. 1, 13). Его прямой венчик украшен по обрезу насечками, а ниже — горизонтальными рядами шнурового орнамента. Выпуклый корпус орнаментирован треугольниками из таких же отпечатков шнура. У левой руки почти на уровне таза лежал кремневый кинжал (рис. 2, 27), а рядом, среди бурого тлена от колчана, — восемь кремневых наконечников стрел с выемками в основании (рис. 2, 26). И кинжал, и стрелы обработаны тончайшей ретушью. У западной стенки находилась глиняная жаровня с угольками, сделанная из обломка большого сосуда, украшенного рядами вдавлений и расчесов (рис. 2, 28). Дно катакомбы было покрыто коричневым тленом от дерева или коры.

Девять бронзовых предметов из кургана были подвергнуты количественному спектральному анализу, данные которого представлены в таблице*.

Из таблицы видно, что большинство наконечников стрел из кургана № 5 изготовлены, вероятно, в одной мастерской. Они отлиты из свинцово-оловянистого сплава и лишь один — из оловянно-свинцовистого сплава. Бляха с изображением пантеры из кургана № 6 сделана из оловянно-свинцовистой бронзы, а наконечник

* Анализ осуществлен в лаборатории кафедры историографии, источниковедения и археологии Л. П. Грубник-Буйновой.

Изделие	Номер кур- гана	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Mn	Co	Au
Ворворка	4	11,25	2,06	0,01	0,075	0,03	2,495	7,19	0,061	0,077	0,008	—	0,0001
Наконечник стрелы	5	14,84	≈ 30	—	0,031	0,003	0,087	0,217	0,095	0,066	0,007	0,007	0,0001
»	5	17,31	≈ 30	—	0,028	0,006	0,075	0,187	0,042	0,07	0,007	0,007	0,0001
»	5	15,16	≈ 30	—	0,019	0,004	0,072	0,187	0,052	0,066	0,007	0,007	0,0001
»	5	18,79	≈ 30	—	0,027	0,003	0,082	0,28	0,048	0,06	0,007	0,007	0,0001
»	5	15,33	10,99	0,144	0,006	0,002	0,013	0,154	0,19	0,054	0,009	0,146	0,0001
»	5	14,41	17,03	0,138	0,012	0,004	0,074	0,246	0,054	0,103	0,008	0,12	0,0001
Бляха с изображением животного	6	14,62	7,76	—	0,03	0,009	0,009	0,023	0,113	0,009	0,008	0,113	0,0001
Наконечник стрелы	6	0,004	0,014	—	0,059	0,007	0,064	9,15	1,033	0,25	0,008	0,107	0,0001

стрелы из того же погребения—из мышьяковистого сплава. Показательно резкое отличие состава металла ворворки из савроматского погребения в кургане № 4 от сплавов, из которых отлиты изделия, найденные в погребениях местной лесостепной культуры скифской эпохи. Оказалось, что ворворка из кургана № 4 отлита из сложного многокомпонентного сплава с добавлением олова, мышьяка, сурьмы и свинца. Следовательно, данный предмет изготовлен в каком-то ином производственном центре.

Таким образом, в результате раскопок семи курганов на ранее не изученной территории Харьковщины не просто увеличилось количество археологических источников, но и были обнаружены важные и даже уникальные находки. Ценным по своей сохранности и качеству инвентаря является погребение катакомбной культуры первой половины II тыс. до н. э. в кургане Красная могила. Впервые на территории лесостепного Днепро-Донского междуречья обнаружена антропоморфная стела скифского времени, которая к тому же хорошо датируется, так как непосредственно связана с курганным погребением V в. до н. э. Редкой находкой является бляха с изображением пантеры. Впервые так далеко на западе обнаружено савроматское погребение в кургане № 4, которое имеет много общего с погребениями в курганах IV в. до н. э. в Ростовской области у хут. Сладковского и у пос. Шолоховского [7, с. 142—143]. Заслуживает внимания и половецкая могила, в которой удалось проследить детали погребального обряда.

Список литературы: 1. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. ГІ-12. 2. Багaley Д. И. Объяснительный текст к Археологической карте Харьковской губ. // Тр. XII Археологического съезда. Т. 1. М., 1905. 3. Мелюкова А. И. Вооружение скифов // САИ. 1964. Вып. ДІ-4. 4. Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62. 5. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. 6. Смирнов К. Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964. 7. Смирнов К. Ф., Максименко В. Е. Раскопки курганов в междуречье Дона и Северского Донца // Археологические открытия 1977 г. М., 1978. 8. Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П. Справочник по археологии Украины. Харьковская область. К., 1977.

Поступила в редколлегию 16.10.89

А. В. КРЫГАНОВ, канд. ист. наук

ПАМЯТНИК САЛТОВО-МАЯЦКОЙ КУЛЬТУРЫ У с. ПЯТНИЦКОЕ НА ХАРЬКОВЩИНЕ

В 1977 г. на территории салтовского селища, расположенного у с. Пятницкое Чугуевского района Харьковской области и занимающего площадь в несколько десятков гектаров, при земляных мелиоративных работах на одной из песчаных дюн были обнаружены вещи, предположительно происходящие из погребения. Изучение этого комплекса находок, осмотр местности, а также опрос

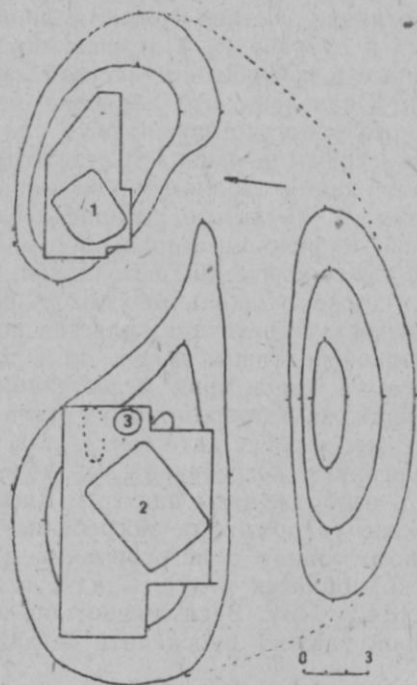

Рис. 1. План дюны с нанесением раскопов:
1 — жилище № 1; 2 — жилище № 2; 3 — хозяйственная яма; 4 — погребение.

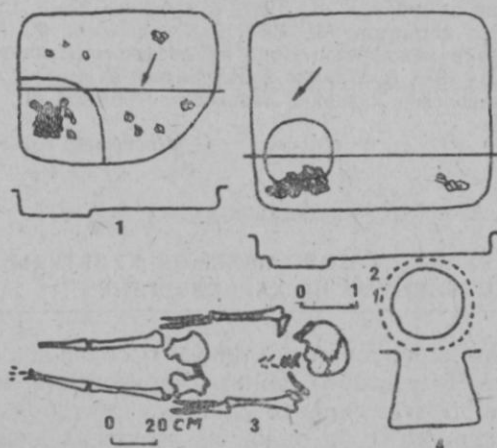

Рис. 2. Планы и профили вскрытых в пределах раскопов объектов:
1 — жилище № 1; 2 — жилище № 2; 3 — погребение; 4 — хозяйственная яма.

рабочих и жителей окрестных сел позволили Б. А. Шрамко прийти к выводу о существовании здесь в древности двуобрядового (трупосожжение и трупоположение) салтовского могильника. К настоящему времени он полностью уничтожен в ходе строительных работ [6, с. 49—50]. Однако значительная часть дюны, где был найден комплекс вещей, сохранилась. В 1988 г. силами отряда Средневековой археологической экспедиции ХГУ под руководством автора на ней были проведены охранные археологические раскопки. Итоги этих исследований освещены в данной статье.

Песчанная дюна высотой до 2,3 м находится на левом берегу р. Большая Бабка (левый приток р. Северский Донец), в 3 км к юго-юго-западу от с. Пятницкое. Вероятно, первоначально она имела форму неправильного полуовала (30×18 м). В результате прокладки бульдозером траншей от нее сохранились три различных по площади останца. На двух из них были заложены раскопы общей площадью 85 м² (рис. 1).

Выяснилось, что на дюне присутствует культурный слой салтово-маяцкого селища. Толщина слоя на самой высокой части останцев достигала 0,6 м, а по краям — 0,1—0,15 м. Находки представлены главным образом костями домашних животных (лошадь, корова, овца, коза) и керамикой (битая посуда, пряслица). Найдены также две линзы железного шлака (рис. 3, 5), свидетельствующие о наличии на селище местного железнорудного производства.

В ходе работ обнаружены два котлована от полужемлячных жилищ. В плане они прямоугольные (у первого один из углов скруглен), углубленные в материк на 0,1—0,25 м. Ориентировка одинаковая — длинной осью по линии северо-восток — юго-запад. В северном углу каждого из жилищ найдены развалы печек-каменок. В одном из котлованов зафиксирована предпечная яма, в другом пол в углу с печью имел незначительное (до 0,1 м) понижение (рис. 2, 1, 2). Судя по наличию большого количества остатков сгоревшего дерева на дне котлована полужемлянки № 2, она была уничтожена пожаром. Жилища описанной конструкции имеются практически на всех исследованных поселениях салтово-маяцкой культуры в лесостепном Подонье [1, с. 66].

Рядом с полужемлянкой № 2 была вскрыта круглая в плане, грушевидная в профиле хозяйственная яма (рис. 2, 4). В ее заполнении обнаружено несколько фрагментов стенок салтовских горшков. В непосредственной близости от этого же жилища было найдено погребение, совершенное по обряду трупоположения. Умерший был помещен в культурный слой, практически на материк, на глубине 0,4—0,5 м, поэтому контуры могильного сооружения ни в плане, ни в профиле проследить не удалось. Костяк сориентирован головой на запад, с небольшим (5°) отклонением к югу. Наибольший интерес представляет то, что умерший был положен лицом вниз (рис. 2, 3). В районе поясницы найдена небольшая, округлая в сечении костяная палочка с едва намеченным перехватом-желобком посередине (рис. 3, 4). Ориентировка и поза (вытя-

нутая, с прямыми конечностями) погребенного свидетельствуют о его принадлежности к населению болгарского этнического компонента салтово-маяцкой культуры [3, с. 9; рис. 1]. Помещение покойного в культурный слой поселения указывает, вероятно, на два обстоятельства. Во-первых, время захоронения относится к последнему этапу существования селища (или того его участка, который подвергся раскопкам). Во-вторых, отсутствие глубокой могильной ямы позволяет предположить о поспешности совершения обряда погребения. Не исключено, что это захоронение погибшего человека, наспех похороненного родственниками или близкими, спасающимися от неприятельского (печенежского?) нашествия. Возможно, этим обстоятельством объясняется и необычная поза (лицом вниз) погребенного, а также следы пожара в жилище № 2.

Определенный интерес представляет анализ находок из обоих жилищ. Так, во втором из них, наряду с большим количеством фрагментов типично салтовских сосудов (горшки с горизонтально-линейным и волнистым орнаментом по тулову), в незначительном количестве обнаружена посуда пеньковского типа: обломки слабопрофилированных горшков из грубого теста с пальцевыми вдавлениями по венчику (рис. 3, 2), почти полный профиль биконического с острым ребром чернолощеного горшка (рис. 3, 1).

По-видимому, к пеньковским относятся также два маленьких вотивных (?) сосуда (рис. 3, 3). Наличие пеньковского материала на салтовском селище свидетельствует о существовании определенных связей между населением двух культур (отметим, что пеньковское селище зафиксировано в непосредственной близости от исследуемого памятника, на противоположном берегу реки). С учетом общей датировки салтовских древностей (вторая половина VIII — середина X вв.) эти связи имели место не ранее конца VIII столетия. В случае правильности нашего предположения о том, что причиной гибели жилища № 2 с находками пеньковской керамики явилось печенежское нашествие, указанная дата должна быть «омоложена» по меньшей мере на столетие.

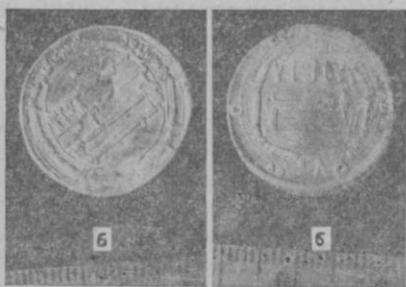

Рис. 3. Находки на поселении у с. Пятнищкое:

из жилища № 2 (1—3): погребения (4); культурного слоя (5); подъемный материал (6); 1—3 — керамика; 4 — кость; 5 — железо; 6 — серебро.

Установление данного факта особенно важно для уточнения верхних хронологических границ пеньковской культуры и выяснения исторической судьбы ее носителей. Так, часть исследователей полагает, что датировка древностей пеньковского типа не выходит за рамки V—VII вв. [4, с. 162—163; 5, с. 26]. Однако обнаруженные на селище материалы подтверждают мнение о том, что в бассейне Северского Донца пеньковская культура (или отдельные группы ее населения) просуществовала до конца I тыс. н. э. [2, с. 12].

На территории, прилегающей к дюне, были заложены разведочные шурфы, в каждом из которых зафиксирован мощный (до 0,8 м) ненарушенный салтовский культурный слой. Видимо, вывод Б. А. Шрамко о существовании здесь разрушенного могильника несколько преждевременен. Как опубликованный им комплекс вещей, так и обнаруженное нами погребение — единичные захоронения, не образующие более или менее крупного (соотносимого с размерами селища) некрополя. Не исключено, что оба они совершены после разрушения поселения.

Из культурного слоя раскопов и шурфов, а также среди подъемного материала было отобрано несколько единичных фрагментов глиняной посуды катакомбной, срубной и черняховской культур. Отметим случайную находку серебряного арабского дирхема (рис. 3, б), по определению сотрудника отдела нумизматики Эрмитажа И. Г. Добровольского, относящегося к 162 г. хиджры (778—779 гг. н. э.), период правления династии Аббасидов, халиф ал-Махди. Монета обнаружена на вспаханном поле, возле грунтовой дороги в с. Пятницкое, примерно в 1 км от раскопа.

Таким образом, обнаруженные в ходе охранных, археологических работ материалы позволили уточнить характер исследуемого памятника, затронуть вопрос о взаимосвязях населения салтово-маяцкой и пеньковской культур, а также уточнении хронологии пеньковских древностей в бассейне Северского Донца.

Список литературы: 1. Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. М., 1987. Вып. 2. 2. Дьяченко А. Г. Славянские памятники VIII — середины XIII вв. в бассейне Северского Донца: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. 3. Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и в Приазовье // Плиска — Преслав. София, 1981. Т. 2. 4. Приходнюк О. М. Пеньковская культура // Археология Украинской ССР. К., 1986. Т. 3. 5. Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. 6. Шрамко Б. А. Погребения VIII—X вв. у с. Пятницкое в Харьковской обл. // Древнерусское государство и славяне. Минск, 1983.

Поступила в редколлегию 14.10.89

Русская медиевистика второй половины XIX — начала XX вв. внесла весомый вклад в развитие мировой исторической науки. Одним из крупных центров отечественной медиевистики являлся в то время Харьковский университет, выдвинувший из своей среды известных исследователей эпохи средневековья. Среди них достойное место по праву занимает А. С. Вязигин (1867—1919) — автор ряда исследований, обогативших русскую историографию, имя которого в настоящее время незаслуженно забыто.

Немногочисленные упоминания о нем, содержащиеся в историографической литературе, отличаются крайне односторонними оценками: резко отрицательными у советских авторов [2, с. 327; 24, с. 442—444] и неумеренно восторженными у дореволюционных [18, с. 3]. Между тем эти оценки не основаны на изучении всего научного наследия А. С. Вязигина. Поэтому цель статьи заключается в том, чтобы дать всесторонний анализ его исследований по истории средних веков, без которого трудно составить общее представление о развитии дореволюционной русской медиевистики в целом и в частности в Харьковском университете.

Андрей Сергеевич Вязигин родился в 1867 г. в дворянской семье. После окончания курса гимназии будущий историк в 1886 г. поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета. На формирование его научных взглядов оказали влияние В. П. Бузескул, а также В. К. Надлер, на практических занятиях которого А. С. Вязигин получил основательную источниковедческую подготовку по истории средневековья.

Серьезные исследования в области медиевистики А. С. Вязигин предпринял еще в студенческие годы. Его первой работой было сочинение «Борьба Генриха IV с Григорием VII до избрания Рудольфа Швабского», удостоенное золотой медали, но, к сожалению, не дошедшее до нас. В своем отзыве В. К. Надлер, назвавший этот труд «выдающимся», заметил, что «напечатанный с небольшими изменениями, он мог бы смело служить магистерской диссертацией» [18, с. 2]. Будучи студентом, А. С. Вязигин опубликовал историко-публицистический очерк «Григорий VII. Его жизнь и общественная деятельность» [5]. Научную ценность очерка снижает тот факт, что он не базировался на анализе различных источников и был написан целиком на основе многочисленных исторических пособий. Тем не менее этот очерк являлся первой специальной работой о Григории VII в отечественной историографии.

После сдачи государственных экзаменов в 1891 г. А. С. Вязигин был оставлен в Харьковском университете для подготовки к профессорскому званию. В 1894 г. он становится приват-доцентом на кафедре всеобщей истории, а спустя четыре года защищает магистерскую диссертацию «Очерки из истории папства в XI

веке». В 1901 г. А. С. Вязигин был назначен экстраординарным профессором историко-филологического факультета.

Научная деятельность ученого в Харьковском университете продолжалась более 25 лет. Отличительной особенностью его творчества является то, что оно было посвящено средневековой истории, преимущественно церковно-исторической тематике. Наибольший интерес для А. С. Вязигина представляло папство, являвшееся, по его словам, «одним из могучих двигателей в истории Западной Европы» [11, с. 1]. В связи с этим главным предметом его исследовательской работы стала история церковно-общественных преобразований в XI веке. Этой теме были посвящены статьи, доклады, а также магистерская диссертация «Очерки из истории папства в XI веке», принесшая ему известность. До А. С. Вязигина разработкой этой темы занимались в основном зарубежные историки. К чему же сводились наиболее распространенные в предшествовавшей ему историографии точки зрения на данную проблему? Ответ на этот вопрос содержится в одной из статей А. С. Вязигина, посвященной разбору источников и литературы об эпохе Григория VII. Характеризуя источники, ученый указывал на необъективность большинства из них. По его мнению, современники не стремились воспроизводить образ папы «во всей полноте» [9, с. 250]. И лишь с XIX в. началось «трезвое изучение времени Григория VII» [9, с. 252].

В числе недостатков, присущих работам зарубежных историков, А. С. Вязигин выделил национализм (Флото) [9, с. 255], компилятивность (Гизебрехт) [9, с. 274], описательность (Гфферер) [9, с. 266], а также стремление авторов объяснить реформаторскую деятельность Гильдебранда особенностями его характера. Так, видный немецкий исследователь Штенцель считал, что преобразования Григория VII — его «личное дело». «Честолюбие и властолюбие, — писал он, — были главной причиной его поступков, слов и мыслей» [9, с. 257].

Обстоятельно изучив эпоху Григория VII, А. С. Вязигин пришел к выводу, противоположному суждениям Штенцеля. Суть его концепции состоит в том, что реформаторская деятельность Гильдебранда обусловлена не особенностями его характера, а необходимостью церковных перемен. Для обоснования этого тезиса А. С. Вязигин проанализировал комплекс проблем. По его убеждению, реформа являлась «не только религиозным, но и политическим, экономическим делом» [13, с. 107]. Сторонники реформы преследовали своей целью восстановление «первых, идеально чистых времен христианства» [13, с. 30]. Политические причины перемен А. С. Вязигин усматривал в стремлении усиливающегося папства освободиться от влияния германских императоров. Он подчеркивал, что в процессе этой борьбы затрагивались основы существующего общественного строя [13, с. 107]. Что же касается экономических предпосылок реформы, то они виделись историку в стремлении церкви защитить свое имущество от злоупотреблений [13, с. 80]. Анализ полемической литературы данного

периода позволил А. С. Вязигину сделать вывод об «умственном брожении» в описываемую им эпоху. «Полемические сочинения XI века,— отмечал он,— служат ярким свидетельством значительного подъема умственной жизни, напряженного внимания общества к разгоравшейся на его глазах борьбе» [6, с. 98].

На основании вышеизложенного А. С. Вязигин решительно выступил против преувеличения роли Гильдебранда в истории церковно-общественных преобразований. По его мнению, «Григорий VII не внес в мир ничего нового, им самим созданного: его идеалы назревали... веками, и он сделал только наиболее решительную попытку к их воплощению» [5, с. 101]. Ученый отверг и широко распространенное мнение о том, что многие первосвященники, в том числе Александр II, являлись послушными исполнителями воли Гильдебранда [17, с. 8]. Подобная точка зрения была представлена не только в зарубежной историографии, но и в русских учебниках по всеобщей истории Ф. Лоренца [22, с. 436] и Д. Иловайского [20, с. 214—215]. С новых позиций А. С. Вязигин охарактеризовал и деятельность соратника Григория VII Петра Дамиани. Если Г. Вебер считал его аскетом и «суровым защитником церковных законов» [3, с. 259], Р. Робертсон — «наиболее ревностным приверженцем воззрений своего века» [24, с. 935], то А. С. Вязигин на основе анализа сочинений Дамиани пришел к выводу, что их автор занимался в основном внешней стороной нравственного перерождения духовенства. На основании того, что Петр Дамиани рьяно выступал против намерений крайних реформаторов, А. С. Вязигин назвал его сторонником «мягких мероприятий» [14, с. 20].

Выделяя черты, по-новому характеризующие деятельность видных представителей эпохи церковных реформ XI в., А. С. Вязигин вместе с тем стремился избежать тех крайностей, которыми, по его мнению, отличалось исследование немецкого историка В. Мартенса [12, с. 182]. Харьковский ученый, например, считал необходимым признать, что избрание Гильдебранда римским папой «знаменовало собой начало новой поры в развитии церковных преобразований» [11, с. 1].

Существенное место в концепции А. С. Вязигина занимает тезис о неизбежности столкновения духовной власти со светской. В этой борьбе, по его мнению, победа папства была обусловлена «общим положением дел» [13, с. 293]. Отметим, что мысль о предопределенности этого антагонизма не нова. К подобным выводам пришел, например, известный специалист по истории папства П. Ланфрэ, который отмечал, что если бы между папством и императорством не началась борьба за инвеституру, то для столкновения «соперники нашли бы тысячу других причин» [21, с. 103].

Исследования А. С. Вязигина, посвященные эпохе церковных преобразований XI в., получили высокую оценку В. П. Бузескула [1, с. 177], Е. Н. Трубецкого [25, с. 122—123], марбургского профессора К. Мирбта [19, с. 5].

Однако в трудах А. С. Вязигина по данной проблеме содержит-

ся ряд спорных выводов. Так, раскрыв сложный комплекс причин церковных реформ, ученый вместе с тем особо выделил в этих реформах выражение «общего настроения» [13, с. 76]. Тем самым он по существу оправдывал притязания церкви на светскую власть, которые вытекали, по его мнению, «из христианского учения о преобладании духа над плотью» [5, с. 47].

Во всем творчестве А. С. Вязигина четко отражено верное понимание им вопроса о роли личности в истории. «Исследователю,— писал он,— необходимо обратить внимание на общество, а не на отдельное лицо, которое, как бы ни были велики его способности, не может добиться успеха, если не черпает сил из окружающей среды» [8, с. 427]. Заслуживает внимания и стремление историка отмежеваться от тех, кто идеализировал средневековую эпоху [10, с. 19]. Но придавая большое значение экономическим факторам в истории, А. С. Вязигин оставался в методологии принципиальным противником материализма. «Экономический материализм, детище нашего времени, грешит перенесением непосредственно наблюдаемых воздействий в далекую пору средневековья, совершенно чуждую современным условиям»,— писал он в одной из рецензий [8, с. 412].

На содержании ряда научных работ А. С. Вязигина сказались и его правые политические взгляды. Так, в докладе «Папа Григорий Великий как церковно-общественный деятель», прочитанном в годы русско-японской войны, он проповедовал покорность и повиновение власти предрежающим [15, с. 20]. Резкие нападки на исторический материализм содержатся в его работе «Идеалы «божьего царства» и монархия Карла Великого» [7, с. IV]. Автор пытался исследовать историю идеи «божьего царства и теоретические идеалы франкского императора. Как и во многих других трудах он поставил возможность воплощения этой идеи в прямую зависимость от экономических условий века. «Неудача Карла Великого,— отмечал историк,— зависела не от непригодности великих заветов единства, мира и правды, а от несоответствия этих высоких требований экономическому уровню той эпохи и слабости идейной подготовки современных ему поколений, которые не знали даже азбуки крупной общественной жизни» [7, с. 200].

Наряду с церковно-исторической тематикой определенный интерес у А. С. Вязигина вызывала и проблема возникновения городских общин в средневековой Западной Европе. Ученый выделил два направления в историографии данного вопроса: с одной стороны — романисты, сторонники римского происхождения городских свобод и общин, утверждавшие, что «вторжение варваров не уничтожило римских муниципальных учреждений» [4, с. 84], с другой — германисты, которые отрицали «связь с римским строем и нашествие варваров считали началом новой жизни» [4, с. 86]. А. С. Вязигин справедливо считал, что для выяснения вопроса о происхождении городских свобод следует изучить не только процесс возникновения городских учреждений, но и социальные и

экономические факторы, способствовавшие этому процессу, а также влияние на него западной церкви. Тем не менее он пришел к выводу о несостоятельности революционного преобразования городских учреждений. «В конце концов,— писал А. С. Вязигин,— существенно важные явления и развитие человеческого общества идут не революционным, а эволюционным путем» [4, с. 100].

В последние предреволюционные годы А. С. Вязигин занимался в основном научно-педагогической деятельностью. С его помощью вышло в свет второе издание «Лекций по истории средних веков» М. Н. Петрова, ставшее к тому времени библиографической редкостью; он приступил к составлению семитомного сборника источников, который, по замыслу А. С. Вязигина, должен был схватить важнейшие памятники, относящиеся ко всем периодам средневековой истории. Ему удалось опубликовать лишь два тома сборника (третий и первую часть четвертого). В третий том вошли отрывки из хроники Титмара Мерзебургского, сочинений Видукинда Корвейского, Адальберта Пражского и др. Первая часть четвертого тома включала в себя важнейшие памятники эпохи борьбы за инвеституру (выдержки из трудов Петра Дамиани, римских пап Николая II и Григория VII и т. д.) [16]. Особое внимание А. С. Вязигин уделял публикации малодоступных для студенчества источников. Его третий выпуск «Пособий к лекциям и практическим занятиям» высоко оценил известный русский историк Д. Н. Егоров, который отметил в своей рецензии, что осуществление задуманного А. С. Вязигиным издания позволит создать пособие, «каким пока не обладал и Запад» [19, с. 123]. Однако завершить публикацию сборника А. С. Вязигину помешала гражданская война.

Как специалист по истории религиозно-общественных преобразований в XI в. А. С. Вязигин оставил весьма заметный след в дореволюционной отечественной историографии. Его заслуга состоит в создании целостной, органически связанной картины церковных реформ, осмыслении роли Гильдебранда в их проведении. В философском плане на мировоззрение А. С. Вязигина существенное влияние оказало учение русского религиозного философа В. С. Соловьева, проповедовавшего утопический идеал всемирной теократии. Оставаясь в методологии последовательным идеалистом, ученый, тем не менее, уделял пристальное внимание экономическим факторам в истории. Некоторые его научные выводы не противоречат и представлениям современной советской медиовистики об истории церковно-преобразовательной деятельности Григория VII и происхождения средневековых городов.

Список литературы: 1. Бузескул В. П. Новое исследование по истории папства. Разбор диссертации А. Вязигина // Журн. м-ва нар. просвещения. 1899. № 3. 2. Вайнштейн О. Л. Историография средних веков М.; Л., 1940. 3. Вебер Г. Всеобщая история. Т. IV. М., 1886. 4. Вязигин А. С. Возникновение городских общин на Западе в середине века // Мирный труд. 1909. № 2. 5. Его же. Григорий VII. Его жизнь и общественная деятельность. Спб., 1891. 6. Его же. Заметки по истории полемической литературы XI века. Х., 1896. 7. Его же.

Идеалы «Божьего царства» и монархия Карла Великого. Спб., 1912. 8. *Его же*. Критический разбор книги князя Е. Н. Трубецкого // Журн. м-ва нар. просвещения. 1897. № 8. 9. *Его же*. Личность и значение Григория VII в исторической литературе // Ист. обозрение. 1892. Т. IV. 10. *Его же*. Международное право в средние века. Спб., 1900. 11. *Его же*. Новое исследование об избрании Григория VII. Х., 1893. 12. *Его же*. Новейшие исследования по истории Григория VII и его времени. Х., 1896. 13. *Его же*. Очерки из истории папства в XI в. Спб., 1898. 14. *Его же*. Петр Дамиани — борец за церковно-общественные преобразования XI в., Х., 1895. 15. *Его же*. Папа Григорий Великий как церковно-общественный деятель. Х., 1908. 16. *Его же*. Пособие к лекциям и практическим занятиям по истории средних веков. Х., 1916. Вып. 3; 1917. Вып. 4, ч. 1. 17. *Его же*. Распадение преобразовательной партии при папе Александре II. Х., 1897. 18. *Денисов Я. А. А. С. Вязигин*. По поводу 25-летия научно-педагогической деятельности. Х., 1917. 19. *Егров Д. Н.* Рецензия на «Пособие к лекциям и практическим занятиям» А. С. Вязигина // Ист. известия. 1916. № 2. 20. *Иловыйский Д. И.* Очерки и рассказы из всеобщей истории. Ч. II: Средние века. М., 1886. 21. *Ланфрэ П.* Политическая история пап. Спб. 1870. 22. *Лоренц Ф.* Руководство к всеобщей истории. Ч. II. Спб., 1844. 23. *Очерки истории исторической науки в СССР*. М., 1963. Т. III. 24. *Робертсон Д.* История христианской церкви. Спб., 1891. Т. II. 25. *Трубецкой Е. Н.* Новый труд по истории папства // Русская мысль. 1899. № 2.

Поступила в редколлегию 15.10.89

В. И. КАДЕЕВ, д-р ист. наук

К. Э. ГРИНЕВИЧ КАК УЧЕНЫЙ

В 1991 г. исполняется 100 лет со дня рождения профессора Харьковского университета, известного археолога, историка и музееведа Константина Эдуардовича Гриневича, который в течение 13 лет заведовал кафедрой древней истории и археологии ХГУ и многое сделал для подготовки кадров и развития античной археологии в университете.

К. Э. Гриневич родился 8 сентября 1891 г. в семье служащего в Вологде. В 1898 г. его родители переехали в Харьков. Здесь он успешно окончил 3-ю городскую гимназию, а в 1910 г. поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета. В университете большое влияние на К. Э. Гриневича оказали академик В. П. Бузескул и профессор Ф. И. Шмит, под руководством которых он работал. За студенческое сочинение «Греция накануне Македонского владычества», выдвинутое на конкурс, он был удостоен золотой медали. В 1913 г., накопив необходимую сумму денег частными уроками, К. Э. Гриневич отправился пароходом из Одессы в Грецию для ознакомления с археологическими памятниками Афин, Дельф, Фив, Олимпии, Орхомена, Патр. По словам К. Э. Гриневича, эта поездка окончательно определила его научные интересы. Вдохновленный увиденным, он опубликовал в журнале «Гермес» серию очерков о памятниках Афинского акрополя, Элевсина, Фив и др., а затем статью «По Элладе» [1].

После окончания университета в 1915 г. К. Э. Гриневич был оставлен для подготовки к профессорскому званию и, вместо тра-

диционной в таких случаях поездки за границу, был командирован в Петроград, где слушал лекции и работал в семинарах выдающихся ученых С. А. Жебелева, М. И. Ростовцева, Б. В. Фармаковского, Б. А. Тураева. Здесь он написал свои первые исследования и рецензии, опубликованные в журналах «Гермес» и «Современный мир». В 1915 г. он участвовал в археологических экспедициях в Ольвии под руководством Б. В. Фармаковского, а затем на Таманском полуострове, где В. В. Шкорпил исследовал курган Малая Близница. В последующие годы молодой ученый изучал археологические памятники Керченского полуострова. В 1918 г. после сдачи магистерских экзаменов К. Э. Гриневич стал приват-доцентом Петроградского университета, подготовил первый спецкурс, прочел несколько пробных лекций, а летом впервые посетил Херсонес.

Из-за разгоревшейся гражданской войны он не смог вернуться в Петроград и становится приват-доцентом Харьковского университета, в котором прочел спецкурс по истории древнегреческих колоний на юге России. В дальнейшем, получив приглашение на должность директора Керченского музея, переехал в Керчь, где проработал с 1919 по 1921 гг. Придя на смену убитому кладочислателями В. В. Шкорпилу, новый директор основное внимание сосредоточил на охране археологических памятников и просвещении местного населения. При участии профессора М. В. Довнар-Запольского и Ю. Ю. Марти он организовал Археологические курсы, на которых читались лекции и проводились практические занятия. Это позволило обучить и приобщить к сбору и охране древних памятников местных любителей истории. В 1920 г. К. Э. Гриневич провел небольшие раскопки Пантикапейского некрополя.

В 1921 г. он возвратился в Петроград, где работал доцентом университета и научным сотрудником Российской академии истории материальной культуры. В университете он читал общий курс по археологии и спецкурс о древнегреческих памятниках Северного Причерноморья. В 1924 г., оставаясь доцентом Ленинградского университета, К. Э. Гриневич занял должность директора Херсонесского музея (Севастополь). В распоряжение музея были переданы здания бывшего мужского православного монастыря, и это позволило устроить научную экспозицию, создать археологические фонды, а Херсонес превратить в заповедник, на территории которого были продолжены раскопки.

В 1928 г. К. Э. Гриневич переехал в Москву и был назначен заместителем заведующего музейным отделом Наркомпроса РСФСР, а в 1929—1930 гг. одновременно заведовал отделом скульптуры Музея изобразительных искусств и исполнял обязанности ученого секретаря музейно-археологической секции Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. Его избирают действительным членом Института археологии и искусствознания РАНИОН и Одесской комиссии краеведения.

В 1930 г. К. Э. Гриневич продолжил педагогическую деятель-

ность в качестве сверхштатного профессора 1-го МГУ, а с 1931 г. — профессора Московского Института новых языков. В это время он читал курс музееведения.

В 1933 г. К. Э. Гриневич был выслан в Новосибирск. В 1935 г. его арестовали и отправили на 5 лет в Карагинскую область (Карлаг). После освобождения в 1940—1948 гг. он заведовал кафедрой древней истории в Томском университете, преподавал в педагогическом институте, руководил раскопками местных археологических памятников, но продолжал публиковать работы, посвященные античным памятникам Северного Причерноморья.

В 1948 г. он переехал в Нальчик, где работал профессором кафедры всеобщей истории Кабардинского пединститута, читал курсы древней и средневековой истории, вел семинары, проводил археологические исследования. Позднее, по состоянию здоровья, он был вынужден переехать в Нежин и некоторое время работал в местном пединституте.

Последний период жизни и деятельности ученого с 1953 по 1970 гг. связан с Харьковским университетом. До 1966 г. К. Э. Гриневич возглавлял кафедру древней истории и археологии, а позднее работал профессором. Он читал общий курс по древней истории и спецкурсы, руководил дипломными и курсовыми работами, готовил аспирантов, организовал археологическую экспедицию, проводившую раскопки в древнегреческой Ольвии. Умер Константин Эдуардович на 79 году жизни 30 августа 1970 г.

Как уже отмечалось, научной работой К. Э. Гриневич занялся еще в студенческие годы. К этому времени относятся его первые публикации и сотрудничество с редколлегией журнала «Гермес». В дальнейшем во время подготовки к профессорскому званию он принимал участие в работе Русского Археологического общества и Харьковского Историко-филологического общества, выступал с докладами и сообщениями, публиковал заметки о заседаниях этих обществ в журнале «Гермес» [2]. В этот период своей научной деятельности он опубликовал несколько вещей из Курджипского кургана на Кубани, статьи, посвященные реформам Клизфена, Четвертой книге «Истории» Геродота, где высказал предположение о посещении Геродотом Ольвии, рецензии на свод источников по истории Греции и на труд О. Ф. Вальдгауэра о греческом скульпторе Пифагоре Регийском [3].

Самостоятельные археологические исследования К. Э. Гриневич начал в 1920 г. на Боспоре. Он изучал историческую топографию Керченского и Таманского полуостровов, в 1924 г. обследовал Тиритакский оборонительный вал и раскопал некрополь Пантикапея с погребениями эллинистического и римского времени на Глинище и склонах горы Митридат.

В 1925—1930 гг. К. Э. Гриневич проводил исследования Херсонеса и памятников Гераклеяского полуострова. Главное внимание в Херсонесе было обращено на оборонительную систему города на юго-восточном и западном участках: здесь была открыта древнейшая часть оборонительной стены у городских ворот,

доследован подстенный склеп, обнаружены пристенные здания в цитадели. На Гераклейском полуострове выявлено несколько десятков ранее неизвестных сельскохозяйственных усадеб, частично раскопана усадьба в балке Бермана. Результаты этих исследований свидетельствовали о первостепенном значении хоры Херсонеса в его экономической жизни. К 1927 г. К. Э. Гриневич разработал программу систематических раскопок Херсонеса и исследования памятников Гераклейского полуострова, которая легла в основу последующих археологических исследований коллектива Херсонесского музея на многие десятилетия [4, с. 28]. Под его руководством научные сотрудники музея Г. Д. Белов, Л. Н. Белова, студенты-практиканты В. Ф. Гайдукевич, В. Д. Блаватский, М. М. Кобылина, П. Н. Шульц, Н. В. Пятышева и другие провели огромную работу по созданию археологической экспозиции, паспортизации и публикации материалов из дореволюционных раскопок, которые до этого не были доступны исследователям.

В 1929—1930 гг. К. Э. Гриневич впервые в СССР создал комплексную археологическую экспедицию для подводных исследований, в состав которой входили археологи, геологи, профессиональные водолазы и кинооператоры. Экспедиция предприняла поиски «подводного Херсонеса» у берегов Маячного полуострова. К этим исследованиям было приковано внимание общественности в нашей стране и за рубежом. Однако первоначальный оптимистический вывод об обнаружении «Страбонова Херсонеса» [5] в дальнейшем вызвал сомнения и нападки на руководителя, который неkritически отнесся к свидетельствам водолазов и не принял во внимание предостережения геологов о естественном происхождении «стен» и «башен» под водой [6, с. 157]. Таким образом, сенсационное открытие города под водой не подтвердилось.

В эти годы К. Э. Гриневич опубликовал две части монографии «Стены Херсонеса Таврического», работы «Сто лет херсонесских раскопок», «Опыт методологии археологической науки», отчеты о раскопках в Херсонесе и на Гераклейском полуострове, несколько путеводителей по Херсонесу, популярные брошюры и статьи, посвященные античным памятникам Крыма и музейному делу [7]. В монографии «Стены Херсонеса Таврического» подведены итоги исследований системы обороны юго-восточной части города, освещены вопросы фортификации, датировки различных строительных периодов оборонительных стен, дан анализ характера кладок и строительных приемов. В труде «Сто лет херсонесских раскопок» на основе архивных материалов, часть которых в настоящее время утрачена, приведен подробный очерк истории раскопок Херсонеса, начиная с 1827 г., с приложением календаря раскопок.

Оказавшись в Томске, К. Э. Гриневич продолжал заниматься археологическими исследованиями, обращал внимание общественности на необходимость изучать историю края. Он организовал археологическую экспедицию, которая в 1944—1946 гг. исследовала Басандайку (городище и курганный могильник, расположенные в окрестностях Томска). Раскопки городища позволили уста-

новить, что еще в мезолите здесь была стоянка, позднее — поселения неолита и бронзового века, а оборонительные сооружения возведены в раннем железном веке. В курганах были обнаружены погребения от раннего средневековья до XVI—XVII вв. [8]. Одновременно К. Э. Гриневич продолжал изучение античных памятников и в 1944 г. защитил докторскую диссертацию, посвященную оборонительной системе Херсонеса Таврического. Он дважды (в 1946 и 1948 гг.) побывал в Крыму, где обследовал Калос-Лимен, памятники Керченского и Таманского полуостровов, после чего опубликовал ряд работ [9].

Во время пребывания в Нальчике К. Э. Гриневич провел широкие исследования археологических памятников Кабарды (в Нагорном, Эльбруском, Кубинском, Зальском и других районах). Среди них особый интерес представляют памятники позднекобанской культуры [10].

По возвращении в Харьковский университет К. Э. Гриневич организовал археологическую экспедицию, которая в 1954—1960 гг. проводила в Ольвии раскопки западной оборонительной стены у Заячьей балки [11]. В этот период он опубликовал работу «Стены Херсонеса Таврического» (часть 3), посвященную южной и западной линиям обороны Херсонеса [12].

В своей научной деятельности К. Э. Гриневич не ограничивался археологией, а интересовался проблемами древней истории, истории искусства. Он внес значительный вклад в советское музееведение как своими теоретическими работами, так и практической деятельностью, особенно в Керченском и Херсонесском музеях. Под руководством К. Э. Гриневича Херсонесский музей превратился в научно-исследовательское и культурно-просветительное учреждение, выпускавшее периодическое издание «Херсонесский сборник», популярную литературу для посетителей.

В последние годы жизни К. Э. Гриневич вернулся к теме своего первого научного исследования — истории Греции накануне Македонского завоевания, готовил к публикации материалы раскопок сельскохозяйственной усадьбы в балке Бермана.

Список литературы: 1. Гриневич К. Два дня в семивратных Фивах // Гермес. 1914. № 4; Его же. Дипилонское кладбище // Гермес. 1914. № 9; Его же. По Элладу // Сборник статей в честь В. П. Бузескула. Х., 1914. 2. Гермес. 1914. № 4. С. 120—125; № 9. С. 270—274; № 17—18. С. 455. 3. Гриневич К. [Рецензия] // Современный мир. 1917. № 4—6; Его же. [Рецензия] // Современный мир. 1917. № 2—3. 4. Гриневич К. Э. О плане дальнейшей научно-исследовательской работы Гос. Херсонесского музея // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе. Севастополь, 1927. 5. Гриневич К. Э. Исследования подводного города близ Херсонесского маяка. М., 1931. 6. Зенкович В. П. Берега Черного и Азовского морей. М., 1958. 7. Гриневич К. Э. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 1 // Херсонесский сборник. Вып. 1. Севастополь, 1926; Его же. Стены Херсонеса Таврического. Ч. 2 // Херсонесский сборник. Вып. 2. Севастополь, 1929; Его же. Сто лет Херсонесских раскопок (1827—1927). Севастополь, 1927; Его же. Раскопки в Херсонесе Таврическом в 1926 г. // Крым. 1927. № 1; Его же. Раскопки в Херсонесе в 1927 и 1928 гг. // Крым. 1929. № 1; Его же. Раскопки Гераклеяской экспедиции 1928 г. // Крым. 1928. № 2; Его же. Херсонес Таврический. Иллюстрированный путеводитель. Севастополь, 1928. 8. Гриневич

вич К. Э. Археологическое исследование урочища Басандайка близ г. Томска // Басандайка. Томск, 1947; *Его же.* Опыт классификации и датировки Басандайской керамики // Там же. 9. Гриневиц К. Э. Оборона Боспора Киммерийского // Вестн. древней истории. 1946. № 2; *Его же.* Херсонес и Рим // Там же. 1947. № 2; *Его же.* Городище «Прекрасная гавань» в свете новейших данных // Там же. 1949. № 1; и др. 10. Гриневиц К. Э. Новые данные по археологии Кабарды // Материалы и исследования по археологии СССР. 1951. № 23; и др. 11. Гриневиц К. Э. Новые данные о стенах Ольвии V—IV вв. до н. э. // Кратк. сообщения Ин-та археологии АН УССР. 1957. Вып. 7; *Его же.* К вопросу об экономике архаической Ольвии // Античный город. М., 1963; *Его же.* О достоверности сведений Геродота об Ольвии // Вестн. древней истории. 1964. № 1. 12. Гриневиц К. Э. Стены Херсонеса Таврического Ч. 3 // Херсонесский сборник. Вып. 5. Симферополь, 1959.

Поступила в редколлегию 10.10.89

СОДЕРЖАНИЕ

Бердута М. З., Тригуб П. Н. Ленинское учение о Советах и его развитие на этапе перестройки	3
Калініченко В. В. Сільськогосподарський реманент в індивідуальному селянському господарстві УРСР (1917—1929)	10
Сінкевич Є. Г. Дискусії 20-х років і внесок П. І. Лященко в розробку теоретичних питань кооперації сільського господарства СРСР	16
Лантух В. В. Качество обслуживания в частной и общественной торговле Украины в 20-е годы	21
Волосник Ю. П. Деятельность городских Советов Украины по осуществлению новой экономической политики (1921—1925)	28
Скóробогагов А. В. К вопросу о темпах развития промышленности в годы первой пятилетки	34
Посохов С. И. Развитие науки в СССР в годы первых пятилеток (Некоторые проблемы современной советской историографии)	42
Эпштейн А. И., Куделко С. М. Мемуары как источник изучения истории родного края советского периода	48
Дятлов В. А., Голубкин Ю. А. Ф. Энгельс о предшественниках пролетариата	53
Ивонин Ю. Е. Реформация как фактор политической истории Западной Европы XVI в.	58
Курякин В. В. К истории создания меж океанского треста Моргана	65
Чувпило А. А. Индийский национальный конгресс во время кампании гражданского неповиновения 1930—1931 гг.	72
Пахомов В. Ф. Профсоюзное движение и политика Народного фронта в Чили (1938—1941)	79
Кадеев В. И. К вопросу о культе римских императоров в Херсонесе	86
Матанцева Т. А., Сорочан С. Б. Навершие архиепиевского жезла с надписью	90
Дьячков С. В. О социальном составе и характере боспорских фиасов в I—III вв. н. э.	96
Зайцев Б. П., Латышева В. А. Археологический музей Харьковского университета	103
Шрамко Б. А. Курганы у с. Веселое в Харьковской области	110
Крыганов А. В. Памятник салтово-маяцкой культуры у с. Пятницкое на Харьковщине	119
Лиман С. И., А. С. Вязигин как историк-медиевист	124
Кадеев В. И. К. Э. Гриневич как ученый	129

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

**ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 362

ИСТОРИЯ

Выпуск 24

Редактор *Л. А. Копецкая*
Художественный редактор *Т. П. Короленко*
Технический редактор *Л. Т. Ена*
Корректор *Л. Н. Быкова*

Н/К

Сдано в набор 22.10.91. Подписано в печать 29.04.92. Формат 60×90^{1/16}. Бум. тип. №1
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,5. Усл. кр.-отт. 8,75. Уч.-изд.
л. 9,5. Изд. № 1954. Зак. № 287. Заказное.

Издательство «Основа» при Харьковском государственном университете.
310005 Харьков, пл. Восстания, 17.

Отпечатано с матриц Днепропетровской областной книжной типографии в Харько
ской городской типографии № 16. 310003 Харьков, ул. Университетская, 16. Зак. 940.

9